ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

42
2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 42 (645) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображён *Фёдор Осипович Шехтель* (1859–1926) — выдающийся русский архитектор, один из ключевых создателей стиля модерн в России, чьё творчество во многом определило облик Москвы на рубеже XIX–XX веков.

Франц-Альберт Шехтель (будущий Фёдор) родился в Санкт-Петербурге в семье обрусевших немцев. Когда мальчику было шесть лет, семья переехала в Саратов. Там отец вместе с братом управлял крахмальным заводом, ткацкой фабрикой и театром. Однако вскоре последовали тяжёлые удары: сначала умер отец, затем — дядя, и семья лишилась средств к существованию. В этих условиях Шехтель рано начал искать способы заработка. Он учился в саратовской гимназии, а после её окончания в 1875 году переехал в Москву к матери.

В столице он готовился к поступлению в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Благодаря протекции Павла Третьякова (муж его тёти был связан с меценатом) юношу определили в мастерскую архитектора Александра Каминского, набираться опыта. Позже Шехтель поступил на архитектурное отделение училища, где учился у Дмитрия Чичагова. Однако учёба ему давалась нелегко: молодого человека увлекала богемная жизнь Москвы, и он часто пропускал занятия. В 1878 году его отчислили за плохую посещаемость.

Несмотря на это, в Москве Шехтель вошёл в круг творческой элиты. Он сблизился с художниками Левитаном и Врубелем (они вместе учились в гимназии), а также с братьями Чеховыми, которые ввели его в литературный и издательский круг. Эти связи во многом определили разносторонность его будущих проектов: он начал совмещать архитектуру с графикой, театральным оформлением и иллюстрированием книг. В 1880-х годах он уже создавал декорации и костюмы для театральных постановок, проектировал временные сооружения для городских парков.

Переломным моментом в его карьере стали 1882–1883 годы: Шехтель начал самостоятельную архитектурную практику, стал подписывать проекты собственным именем и лично контролировать строительство.

Среди ранних самостоятельных работ — усадебные комплексы (для М. А. Морозова в селе Великом Ярославской губернии) и особняки. Одной из знаковых стала усадьба для М. А. Морозова на Спиридоновке: Шехтель создал не просто дом, а целостную художественную среду, продумав всё — от планировки до деталей интерьера.

В 1894 году, во время строительства этого особняка, 35-летний архитектор сдал экзамены в Техническо-строительном комитете МВД и получил диплом техника-строителя, что дало ему возможность официально вести самостоятельную практику. В январе 1895 года его приняли в Московское архитектурное общество, членом которого он оставался более 30 лет.

В последующие десятилетия Шехтель реализовал множество проектов в разных жанрах: строил театры (например, Московский художественный театр, где он совместно с художественными руководителями реконструировал сцену и зрительный зал), банки, церкви, типографии, вокзалы, имения и дачи. Он последовательно развивал идею единства архитектуры и декоративно-прикладного искусства: часто сам проектировал не только здание, но и ограду, уличные фонари, мебель, обои, дверные ручки, стремясь к созданию законченного художественного образа.

14 апреля 1900 года в Париже открылась Всемирная выставка, почти на целый год взбудоражившая художественную среду всей Европы. За участие в ней Шехтель был награждён серебряной медалью.

В 1902 году Императорская академия художеств присвоила ему почётное звание академика архитектуры.

Интересный факт: в мае 1914 года Франц-Альберт Шехтель перешёл из католичества в православие и принял имя Фёдор. Сам зодчий объяснял это тем, что давно и прочно обрусел.

После 1917 года Шехтель пытался адаптироваться к новым реалиям: проектировал для советской власти рабочие клубы, санатории, выставочные павильоны. Он даже подал на конкурс проект Мавзолея Ленина с трибуной и аудиторией, но его не приняли.

Последние годы жизни архитектора были непростыми. Заказов становилось всё меньше, а назначенной по ходатайству А. В. Луначарского персональной пенсии (75 рублей) не хватало даже на лекарства. Шехтель пытался продать часть имущества, включая коллекции чертежей, чтобы прокормить семью. В мае 1926 года он переехал с семьёй на арендованную дачу в Петровско-Разумовское (Новое шоссе, 23). Там 7 июля 1926 года Фёдор Осипович Шехтель скончался от рака желудка.

Архитектора похоронили на Ваганьковском кладбище — в семейном склепе, который он сам когда-то спроектировал в стиле модерн.

Память о Шехтеле сохранилась в его выдающихся постройках, ставших символами московского модерна (особняк Рябушинского, особняк Морозовой, здание Ярославского вокзала и другие), а также в исследованиях историков архитектуры. В честь зодчего названа малая планета № 3967.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдуллин Э. Э.
Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей и пути их решения в современной России 139

Абдуллин Э. Э.
Вердикт присяжных заседателей: теоретические и практические проблемы 141

Абдуллин Э. Э.
Эволюция института присяжных заседателей в России: от судебной реформы 1864 года до современности 144

Агапов Ф. Ю.
Правовые аспекты прекращения деятельности некоммерческих организаций в Российской Федерации 146

Алиева А. А.
Бесспорность требования как критерий разграничения приказного и искового порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей 148

Ангелова Э. А.
Уголовно-процессуальный иммунитет судьи: понятие, содержание и проблемы реализации 151

Артюхова В. К.
Проблемы доказывания авторства произведения в условиях распространения генеративного контента 154

Бабенко У. А.
Порядок принятия решения о выдворении органами внутренних дел (полицией), его изменение и алгоритм процессуальных действий в связи с изменением законодательства 156

Барсков К. М.
Трансформация правовых оснований прекращения военной службы в условиях современных вызовов: анализ законодательства 2024–2025 годов 159

Барсков К. М.
Процедурно-процессуальные аспекты обеспечения законности при изменении срока пребывания на военной службе 160

Белая А. А.
Особенности исследования доказательств различными участниками уголовного судопроизводства 161

Борлакова К. Х.
История формирования и развития регламентации преступного бездействия в уголовном законодательстве советского периода 163

Василенко Б. Н.
Институт медиации в системе примирительных процедур: барьеры правоприменения и механизмы модернизации 165

Василенко Б. Н.
Процессуально-правовые и институциональные механизмы повышения эффективности медиации в цивилистическом процессе 167

Василянская К. А.
Электронный способ заключения договора: самостоятельная форма сделки или фикция письменной формы (сравнительно-правовой аспект) 169

Виноградова А. В.
Сравнительный анализ правового регулирования аренды недвижимого имущества в Российской Федерации и Германии 172

Виноградова А. В.
Анализ судебной практики Российской Федерации по договорам аренды недвижимого имущества 175

Волина Е. В.
Ответственность в семейном праве: теоретико-правовые основы 179

Володькина Е. В.
Доверительное управление цифровыми активами: практические проблемы и направления законодательных изменений ... 182

Грачев В. О.
Исполнение предписаний прокуратуры, органов государственного контроля (надзора) и органов муниципального контроля 184

Грачев В. О.
Функциональное дублирование прокурорского надзора и государственного контроля: понятие и средства предупреждения 187

Гюльметова А. Р.
Формы и способы защиты прав акционеров в теории гражданского права 189

Дареева А. А.
Цифровая танатология: проблема квалификации неправомерного доступа к данным умерших людей и цифровой наследственной массе (статья 272 Уголовного кодекса РФ) 191

Дегтярева Е. А.
Институт обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства на территории Российской Федерации и иностранных государств 193

Деняпкина М. Н.
Правовой механизм исполнения налоговых обязательств в Российской Федерации: современное состояние и перспективы трансформации 195

Дубилин К. В.
Перспективы использования статистики органов прокуратуры и поднадзорных ей органов при осуществлении надзора 198

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей и пути их решения в современной России

Абдуллин Эмиль Эдуардович, студент
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при формировании коллегии присяжных заседателей в современной России. Анализируются такие аспекты, как низкая явка кандидатов, формальность мотивированных отводов, сокращение числа немотивированных отводов, риск тенденциозности сформированной коллегии и сообщение кандидатами ложных сведений. На основе анализа судебной практики и научных источников предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: *суд присяжных, формирование коллегии, присяжные заседатели, отводы, тенденциозность, уголовный процесс.*

Формирование коллегии присяжных заседателей — это ключевой этап, от качества которого напрямую зависит справедливость вердикта. Все проблемы, возникающие в процессе рассмотрения уголовных дел судами с участием присяжных заседателей, являются следствием и порождением иных проблем, имеющихся в других сферах общественной жизни [1]. Недостаточное урегулирование на законодательном уровне абсолютно всех деталей, касающихся института присяжных заседателей, отсутствие мер, которые бы гарантировали выполнение определенных действий по составлению списков кандидатов в присяжные, формированию их коллегии и предусматривали ответственность в случае невыполнения, — всё это создаёт почву для системных сбоев.

Проблема низкой явки кандидатов в присяжные заседатели

Одной из наиболее острых проблем является низкая явка кандидатов. Действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает какой-либо ответственности кандидатов в присяжные за неявку в суд, поэтому зачастую они пренебрегают вызовом и простонапросто не приходят.

Согласно части 3 статьи 327 Уголовно-процессуального кодекса РФ, если в суд прибыло менее 12 кандидатов, следует дополнительный вызов иных кандидатов из предварительного списка, что явно отнимает время и задерживает само рассмотрение уголовного дела. Также игнорирование повестки уменьшает выбор судом более грамотных и объективных присяжных, которые будут составлять будущую коллегию.

Для решения этой проблемы необходимо законодательно предусмотреть ответственность кандидатов за неявку в суд. В некоторых зарубежных странах, как, например, в США, неявившиеся кандидаты подвергаются штрафу, представляется, что и в нашей стране стоит ввести подобное. Кроме того, для обеспечения явки как можно большего числа кандидатов государственный обвинитель в предварительном слушании должен ходатайствовать перед судом о вызове как можно большего количества кандидатов в присяжные — не менее 150 человек.

Проблема формальности мотивированных отводов

Этап разрешения мотивированных отводов на практике проводится поверхностно. Изучив материал ряда уголовных дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей, можно сделать вывод, что этап по разрешению мотивированных отводов представляется весьма формальным, сведения о кандидатах в присяжные выясняются довольно поверхностно. Если сравнивать процедуру разрешения мотивированных отводов с США, то она достаточно продолжительная и подробная.

Н. Р. Бобрышова указывает, что «процедура их разрешения мотивированных отводов сводится к опросу кан-

дидатов сторонами с целью определить, кто из явившихся в зал суда кандидатов сможет объективно принять вердикт по данному уголовному делу» [2].

Было бы целесообразно прямо в Уголовно-процессуальном кодексе РФ установить, какие сведения о кандидатах в присяжные должны содержаться в списках, вручаемых сторонам. Государственный обвинитель должен обладать опытом, чтобы установить, к какому из кандидатов следует отнестись наиболее внимательно и задать вопросы, ответы на которые помогли бы выявить предвзятость в том или ином конкретном деле.

И. Н. Пеньков справедливо указывает, что «на данном этапе государственным обвинителем рекомендуется соглашаться с самоотводами, заявленными кандидатами. Как показывает практика, при наличии у кандидатов проблем с явкой в суд из-за графика работы, командировок, убытия в отпуск, наличия на иждивении детей и иных родственников, нуждающихся в постороннем уходе, они могут не явиться в заседание из-за указанных причин уже в ходе судебного разбирательства» [3].

Проблема сокращения числа немотивированных отводов

Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ было сокращено число немотивированных отводов кандидатам в присяжные, которые могут быть заявлены сторонами процесса. Если ранее стороны обвинения и защиты имели право на несколько немотивированных отводов, то теперь каждая из сторон имеет право лишь на один или в лучшем случае (если позволяет число кандидатов, не отведенных в результате мотивированных отводов) — на два немотивированных отвода.

С. Д. Кудряшова отмечает, что «немотивированные отводы имеют большое значение для формирования коллегии присяжных заседателей. Немотивированный отвод имеет целью устранение кандидатов в присяжные заседатели, которые, по мнению заявителя отвода, способны проявить тенденциозность даже при отсутствии конкретных фактов предвзятости» [4].

Таким образом, сокращение числа возможных немотивированных отводов на практике не служит ускорению и упрощению процедуры рассмотрения дела, а напротив, зачастую приводит к роспуску уже сформированной, как правило, с большим трудом, коллегии присяжных и к повторению всей процедуры сначала.

Проблема тенденциозности сформированной коллегии

В соответствии с ч. 1 ст. 330 УПК РФ, до приведения присяжных заседателей к присяге стороны вправе заявить, что вследствие особенностей рассматриваемого уголовного дела образованная коллегия присяжных заседателей в целом может оказаться неспособной вынести объективный вердикт (тенденциозной).

Рассмотрим Определение Верховного Суда РФ от 25 декабря 2024 г. по делу № 2–22/2023 [5]. В данном деле осужденный указал, что состав коллегии присяжных заседателей является тенденциозным, так как в состав коллегии вошли десять женщин, а потерпевшей являлась также женщина. Осужденный в суде заявил, что защитник не разъяснил ему право заявить отвод в связи с указанными обстоятельствами. Однако Суд отклонил доводы осужденного, так как ему несколько раз разъяснялось право заявить о тенденциозности коллегии, состоящей из десяти женщин.

Рассмотренная практика указывает, что для того, чтобы состав коллегии признать законным, значение имеет не только обстоятельства тенденциозности, но и своевременная реализация права на заявление соответствующего отвода.

И. В. Малахова справедливо замечает, что «государственный обвинитель должен стремиться к тому, чтобы создаваемая группа была по возможности разнородной по всем показателям — полу, возрасту, социальной и профессиональной принадлежности, взглядам, установкам» [6].

Проблема сообщения кандидатами ложных сведений

Представление кандидатами в присяжные ложной информации ведет не только к невозможности сформировать объективную коллегию, которая бы вынесла справедливый вердикт, но и к отмене Верховным Судом РФ судебных решений, принятых судами по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей.

Представляется, что законодателю стоит ввести уголовную ответственность за сообщение кандидатами в присяжные заведомо ложной информации о себе и об отношениях с кем-либо из участвующих в деле лиц и обязать председательствующего предупреждать их об этом прежде, чем начинать отбор коллегии.

Заключение

Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей носят системный характер и требуют комплексного решения.

Проблемы, которые возникают при рассмотрении уголовных дел судами с участием присяжных заседателей, вызваны как пробелами в праве и законодательстве, так и упущениями, ошибками и безответственностью должностных лиц, формирующих списки кандидатов в присяжные заседатели, профессиональных судей, государственных обвинителей и защитников, непосредственно участвующих в отправлении

правосудия. Все недостатки данной формы судопроизводства начинаются вне суда, переходят затем в него, соединяются с другими, возникающими в зале судебного заседания, выстраиваются в единый комплекс и ведут к краху такой системы.

Поэтому необходимо устранять проблемы, появляющиеся как при производстве по уголовным делам, составлении списков кандидатов в присяжные заседатели, так и при законодательном регулировании такой формы судопроизводства и судебной системы в целом.

Литература:

1. Мальцев Д. В. Суд с участием присяжных заседателей: проблемы и перспективы развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — №. 10–5 (97). — С. 119.
2. Бобрышова Н. Р. Особенности реализации функций государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Аграрное и земельное право. — 2025. — №. 6. — С. 269.
3. Пеньков И. Н. Суд с участием присяжных заседателей: актуальные проблемы и пути их решения в Российской Федерации //Вестник магистратуры. — 2025. — №. 3–1 (162). — С. 81.
4. Кудряшова С. Д. Практические проблемы поддержания государственного обвинения при рассмотрении уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей и достижение назначения уголовного судопроизводства // Редакционная коллегия. — 2022. — С. 269.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2024 г. по делу № 2–22/2023 // Судебные и нормативные акты РФ (sudact.ru).
6. Малахова И. В. Проблемы поддержания государственного обвинения с участием присяжных заседателей в суде // E-Scio. — 2021. — №. 11 (62). — С. 456.
7. Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 26 (Ч. I). — Ст. 3859.

Вердикт присяжных заседателей: теоретические и практические проблемы

Абдуллин Эмиль Эдуардович, студент магистратуры
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье исследуется вердикт присяжных заседателей как центральный элемент суда с участием присяжных. Рассматриваются его теоретические основы, включая немотивированность и связь с принципом свободы оценки доказательств, а также практические проблемы: внутренняя противоречивость вердикта, соотношение вердикта о снисхождении с отягчающими обстоятельствами, вопрос о возможности судьи не согласиться с вердиктом. На основе анализа научных источников и судебной практики обосновывается вывод о необходимости усиления процессуальных гарантий, а не пересмотра сути института.

Ключевые слова: *вердикт, присяжные заседатели, свобода оценки доказательств, снисхождение, противоречивость вердикта, уголовный процесс.*

В доктрине уголовного процесса вердикт коллегии присяжных заседателей рассматривается как уникальный правовой феномен, представляющий собой очищенное от юридического формализма решение о виновности или невиновности. В основе этого института лежит концепция «народного элемента», призванного привнести в жесткую государственную систему правосудия критерии житейского здравого смысла и общественной справедливости. Процессуальная теория исходит из идеалистической предпосылки, что факт и право можно полностью изолировать друг от друга. Однако на практике проведение этой границы оказывается одной из самых сложных задач, поскольку присяжные, оценивая, имело ли место деяние и совершил ли его подсудимый, неизбежно соприкасаются с латентной юридической оценкой происходящего.

Теоретические основы вердикта: немотивированность и свобода оценки доказательств

Теоретический фундамент вердикта тесно связан со статьей 17 УПК РФ, провозглашающей свободу оценки доказательств по внутреннему убеждению [1]. Уникальность внутреннего убеждения присяжного заседателя, в отличие от профессионального судьи, заключается в его немотивированности. Коллегия не обязана, да и процессуально не может изложить логические и юридические аргументы, ко-

торые привели ее к конкретному выводу. Это порождает так называемую доктрину «судейского правотворчества» или «вердикта по совести», когда присяжные, будучи формально связанными вопросами о фактах, выносят оправдательный вердикт вопреки неопровержимым доказательствам обвинения просто потому, что считают сам закон или действия правоохранительных органов несправедливыми в данной конкретной жизненной ситуации.

Т. А. Гаврилова, А. А. Тебряев, анализируя порядок голосования, отмечают, что «голосование присяжных заседателей является открытым. При этом каждый из присяжных заседателей в обязательном порядке должен проголосовать по каждому из вопросов, содержащихся в вопросном листе. В целом, деятельность присяжных заседателей должна быть направлена на то, чтобы было принято единогласное решение. Однако является очевидным, что не во всех случаях это возможно. Поэтому при невозможности принятия единогласного решения присяжные заседатели должны принять соответствующее решение посредством голосования» [2].

Проблема внутренней противоречивости вердикта

Одной из наиболее острых практических проблем, с которой сталкиваются суды при анализе вынесенного присяжными решения, является внутренняя противоречивость или неясность вердикта. Не обладая профессиональными юридическими знаниями, присяжные заседатели в совещательной комнате могут запутаться в сложных причинно-следственных связях или неверно истолковать взаимосвязь вопросов в полученном листе.

Типичным примером такой коллизии в судебной практике выступает ситуация, когда коллегия на первый вопрос отвечает, что сам факт совершения преступления не доказан, но при этом на второй вопрос дает утвердительный ответ, признавая подсудимого совершившим это неподтвержденное деяние.

Для разрешения подобных ситуаций законодатель предусмотрел специальный инструмент, закрепленный в статье 345 УПК РФ. Если председательствующий судья при чтении заполненного вопросного листа обнаруживает, что ответы присяжных исключают друг друга или сформулированы двусмысленно, он обязан указать коллегии на эти дефекты.

Проблема соотношения вердикта о снисхождении с отягчающими обстоятельствами

Существенная теоретическая и практическая коллизия возникает тогда, когда судья сталкивается с необходимостью учета отягчающих обстоятельств при наличии вердикта о снисхождении. Положения статьи 65 УК РФ прямо указывают, что если присяжные приняли решение о снисхождении, то любые отягчающие обстоятельства, за исключением тех, которые входят в сам состав преступления в качестве квалифицирующих признаков, вообще не могут учитываться при назначении наказания. Это означает, что даже если в деле присутствуют такие факторы, как рецидив преступлений или особо активная роль в совершении деяния, вердикт присяжных полностью нивелирует их юридическое значение, заставляя судью балансировать исключительно в пределах смягченного диапазона санкции.

Представляется, что институт снисхождения требует более чёткой правовой регламентации. Судья должен иметь ясные критерии для определения пределов смягчения наказания, чтобы вердикт присяжных о снисхождении не приводил к необоснованно мягким приговорам.

Вопрос о возможности судьи не согласиться с вердиктом

В научной литературе высказывается предложение предоставить судье право не соглашаться с вердиктом присяжных в исключительных случаях. Е. О. Голощапова считает, что «стоит предоставить судье право не соглашаться с вердиктом присяжных, но только в исключительных случаях, когда судья явно видит, что вердикт присяжных объективно противоречит фактическим обстоятельствам дела, то ему должно быть предоставлено исключительное право вынести собственное решение по делу» [4].

Однако с этим предложением нельзя согласиться, так как оно затрагивает суть института присяжных заседателей. Вердикт присяжных является обязательным, и это является фундаментальным принципом, без которого существование института присяжных является бесполезным. В том случае, если судья отменяет вердикт по своему усмотрению, фактически институт присяжных упраздняется, даже если рассматривать исключительные случаи.

Исключительность по своей сути является оценочной категорией, поэтому введение такого права создаст нежелательный прецедент, при котором любой вердикт может быть оспорен, что впоследствии поставит под сомнение независимость коллегии присяжных заседателей. Поэтому решать указанные проблемы нужно не оспариванием вердикта, а совершенствованием процедуры на более ранних стадиях.

Проблема влияния СМИ и общественного мнения на вердикт

В условиях информационной открытости присяжные могут подвергаться влиянию средств массовой информации и общественного мнения, что ставит под сомнение их беспристрастность.

Если уголовное дело активно освещается в средствах массовой информации, то с большей вероятностью будет сформировано негативное общественное мнение в отношении подсудимого, а публичные заявления политиков и общественных деятелей могут в свою очередь оказать существенное эмоциональное давление на присяжных и в

конечном итоге привести к вынесению обвинительного вердикта, даже если нет достаточных доказательств.

Для решения этой проблемы предлагаются следующие меры: ограничить освещение уголовных дел в средствах массовой информации (введение запрета на публикацию информации, которая может повлиять на мнение присяжных, до вынесения вердикта); разъяснить присяжным необходимость игнорировать общественное мнение (судья должен четко разъяснить присяжным, что их решение должно основываться только на доказательствах, представленных в суде); ввести ответственность за оказание давления на присяжных (установление уголовной или административной ответственности за публичные заявления, которые могут повлиять на мнение присяжных).

Проблема психологического давления в совещательной комнате

На присяжных, чьё мнение отличается от мнения большинства, может оказываться давление с целью склонить их к принятию решения большинства. Это может негативно отразиться на качестве вердикта.

А. Ю. Смолин, исследуя психологические аспекты присяжных, указывает, что «на присяжных, мнение которых отличается от мнения большинства, может оказываться давление с целью склонить их к принятию решения, поддерживаемого большинством. Длительное нахождение в замкнутом пространстве, необходимость принимать ответственные решения могут привести к усталости и эмоциональному истощению коллегии присяжных, что может негативно отразиться на качестве принимаемых решений. Как было указано ранее, различный социальный статус, уровень образования и культурные различия могут создавать коммуникативные барьеры между присяжными и затруднять процесс обсуждения» [3].

В связи с этим предлагается обеспечить анонимность совещания присяжных — недопущение вмешательства в процесс совещания со стороны каких-либо лиц, в том числе судьи. Регулярные перерывы в процессе совещания могут позволить присяжным отдохнуть и восстановить силы. А также судья должен доступно изложить присяжным, что они имеют равные права и что мнение каждого из них имеет одинаковое значение.

Проблема правовых последствий вердикта

Вердикт присяжных является основой для вынесения приговора судом. В случае вынесения обвинительного вердикта судья определяет меру наказания в соответствии с уголовным законом. В случае вынесения оправдательного вердикта подсудимый подлежит немедленному освобождению.

На данном этапе, по мнению Н. А. Раджабова и М. Л. Пирмедова, «могут сложиться следующие трудности: присяжные могут вынести оправдательный вердикт по делу, в котором очевидна вина подсудимого, исходя из соображений гуманности или сочувствия. В других случаях присяжные могут вынести обвинительный вердикт, требующий назначения сурового наказания, даже если смягчающие обстоятельства свидетельствуют в пользу более мягкого приговора. Также в случае вынесения обвинительного вердикта судья связан рамками уголовного закона и не всегда имеет возможность учесть все смягчающие обстоятельства при определении меры наказания. Это может привести к вынесению несправедливого приговора» [5].

Заключение

Наиболее дискуссионным является вердикт присяжных заседателей, так как он представляет центральный элемент суда с участием присяжных заседателей. Основная проблема вердикта заключается в его отличии от традиционного судебного решения, так как вердикт не требует мотивировочной части, не используя формально-юридический анализ. Основная ценность вердикта состоит в отражении оценки обстоятельств со стороны непрофессиональных участников процесса. На практике проблемой является непоследовательность вердиктов в той ситуации, когда присяжные могут вынести обвинительный приговор по делу, где доказательства могут противоречить друг другу, и наоборот, в ситуации, когда вина подсудимого очевидна, но присяжные вынесли оправдательный приговор, основанный на чувстве гуманности и сочувствия. Решать указанные проблемы нужно не оспариванием вердикта, а совершенствованием процедуры на более ранних стадиях.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Гаврилова Т. А., Тебряев А. А. О целесообразности повышения максимально допустимого возраста кандидата в присяжные заседатели до 70 лет //Ленинградский юридический журнал. — 2026. — №. 1 (83). — С. 8.
3. Смолин А. Ю. Несовершенство «человека процессуального» как предпосылка совершенствования технологии уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. — 2026. — №. 1 (77). — С. 87.
4. Голощапова Е. О. Актуальные проблемы реализации института суда присяжных и пути их решения // Цифровое право. — 2025. — №. 4. — С. 82.
5. Раджабов Н. А., Пирмедов М. Л. Назначение наказания при вердикте присяжных о снисхождении: проблемы и пределы судейского усмотрения // Вестник науки. — 2026. — Т. 3. — №. 5 (98). — С. 703.

Эволюция института присяжных заседателей в России: от судебной реформы 1864 года до современности

Абдуллин Эмиль Эдуардович, студент магистратуры
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье исследуется эволюция института присяжных заседателей в России, начиная с судебной реформы 1864 года и до современного этапа. Рассматриваются предпосылки реформы, причины отказа от немецкой модели шеффенов, особенности функционирования суда присяжных в пореформенной России, советский период ликвидации института и его возвращение в 1990-х годах. На основе анализа исторического опыта и научных источников обосновывается вывод о цикличности развития института и необходимости учёта исторических уроков при его современном реформировании.

Ключевые слова: *суд присяжных, судебная реформа 1864 года, присяжные заседатели, история уголовного процесса, судебная система, правосудие.*

Предпосылки судебной реформы 1864 года

До 1864 года судопроизводство в Российской империи носило сугубо тайный и письменный характер. Свод законов не допускал ни состязательности, ни гласности, ни устности. Судьи фактически не видели и не заслушивали подсудимого. Судьи фактически не видели и не заслушивали подсудимого. Процесс носил закрытый характер, а доказательная база состояла из улик, которые делились на «совершенные» и «несовершенные». Неудивительно, что люди не доверяли такому суду и не видели в нём защиты.

Если улик для доказательства вины не хватало, существовал вердикт «посередине» — оставление в подозрении. Даже одного подозрения хватало, чтобы лишить человека работы, права участвовать в выборах и поставить его под надзор.

Шиловская А. А. пишет об этом: «Введение в 1864 году нового института сопровождения правосудия вызвало у юристов, историков и общественных деятелей многочисленные споры: одни видели в предоставлении гражданам права на участие в отправлении правосудия путь к повышению правовой культуры народа, ограничению судебного произвола, другие же — путь к конфликту между верховной властью и независимой» [1].

Отказ от немецкой модели шеффенов

Главной причиной, почему реформаторы категорически отвергли немецкую модель шеффенов, стал собственный негативный исторический опыт России. В дореформенной правовой системе со времён Екатерины II уже существовали так называемые сословные заседатели (от дворянства, купечества и мещанства). Формально они заседали вместе с коронными судьями в палатах уголовного и гражданского суда. Однако на практике эти заседатели превратились в абсолютно пассивные, бесправные фигуры, которых в юридической литературе и сенаторских отчётах тех лет открыто называли «безгласными» или «деревянными» судьями. Не имея юридического образования, они полностью подчинялись авторитету председателя суда и, что ещё хуже, судейским секретарям, которые единолично вели канцелярское делопроизводство и готовили проекты решений. Заседатели просто подписывали готовые тома документов, не вникая в суть дела.

Один из ведущих российских правоведов Сергей Зарудный и его соратники понимали, что если посадить обычного российского гражданина (а тем более вчерашнего крепостного крестьянина) за один стол с профессиональным чиновником-судьёй в рамках единой коллегии шеффенов, то коронный судья неизбежно подавит волю и мнение непрофессионала своим статусом, образованием и знанием догмы права. Смешанная коллегия в условиях глубокого сословного неравенства пореформенной России была бы мгновенно ассимилирована государственной бюрократией. Произошла бы простая пролонгация старого бесправия под новой вывеской. Для того чтобы общественный элемент действительно заработал и принёс в суд независимое суждение, его требовалось физически и процессуально изолировать от коронных судей.

Функционирование института в 1864–1917 годах

Суд присяжных в пореформенной России быстро завоевал доверие общества, но одновременно продемонстрировал «неудобные» для власти свойства — независимость от государственного обвинения и склонность к оправданию по мотивам нравственного характера. На практике присяжные нередко игнорировали закон, если он расходился с их представлениями о справедливости. Если человек украл еду от голода или совершил тяжкое преступление в ответ на жестокость, присяжные часто голосовали за полное оправдание. Для профессиональных судей это было настоящей головной болью, так как по закону вердикт присяжных о виновности или невиновности был окончательным. Пересмотреть его или отменить только из-за того, что судья не согласен с решением, было невозможно. Это привело к расцвету так называемой «златоустой» адвокатуры. Защитники в судах больше не спорили с законом, а апеллировали к сердцам присяжных, превращая процессы в театральные представления, где жалость к подсудимому значила больше, чем юридические улики.

Поворотным моментом стало дело Веры Засулич в 1878 году. Оправдательный вердикт по делу о покушении на убийство чиновника показал государству, что общество может использовать присяжных как легальный способ борьбы с администрацией. Реакция последовала почти сразу. Уже законом от 9 мая 1878 года компетенцию присяжных начали «резать», изъяв из их ведения преступления против должностных лиц. Позже, в 1889 году, очередные контрреформы ещё сильнее ограничили их права, фактически выведя многие политические и государственные дела из-под юрисдикции присяжных. Их функции передали судебным палатам, где заседали уже не случайные люди, а сословные представители, на которых чиновники могли давить гораздо эффективнее.

Советский период: ликвидация института

К началу XX века институт присяжных в России превратился в довольно усечённый и контролируемый орган, который занимался в основном бытовой преступностью. В таком виде он просуществовал до 1917 года, когда произошёл окончательный слом всей правовой системы. Юридической точкой в истории этого института стал Декрет о суде № 1, принятый 24 ноября 1917 года Советом народных комиссаров. Этот документ в одночасье упразднил не только суды присяжных, но и вообще всю структуру судебных учреждений Российской империи — от окружных судов до Правительствующего сената.

Большевики в этом декрете постановили, что старые суды «не соответствуют требованиям демократии», и заменили их на принципиально иные органы — местные суды, где народные судьи и заседатели должны были руководствоваться не столько законами старого режима, сколько «революционным правосознанием». Суд присяжных упразднили. От дореволюционной системы состязательного процесса не осталось ничего.

Возвращение суда присяжных в 1990-х годах

Возвращение суда присяжных в современную Россию началось на рубеже деноминации советской эпохи и зарождения новой государственности в начале 1990-х годов. Официальной точкой отсчёта ревизии этого института принято считать 16 июля 1993 года, когда был принят Закон РФ № 5433-I. Этот нормативный акт внёс масштабные изменения в тогда ещё действовавший советский Закон «О судоустройстве РСФСР», а также в Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы. Фактически этот шаг вернул присяжных в правовое поле страны после почти векового перерыва, хотя изначально всё запускалось в формате юридического эксперимента и только в девяти пилотных регионах, среди которых были, например, Московская, Ивановская и Саратовская области.

Главной причиной, почему руководство страны пошло на столь радикальный шаг, стал тотальный кризис доверия к советской юстиции. В СССР существовала система народных заседателей — двух выборных граждан, которые сидели на процессе рядом с профессиональным судьёй. На практике их иронично называли «кивалами», так как они почти никогда не спорили с председательствующим и автоматически подписывали любые приговоры. Судебная система страдала от тяжёлого обвинительного уклона, когда оправдание человека воспринималось как брак в работе следователей и прокуроров. Нужен был независимый участник процесса — человек, не связанный с системой.

Современное состояние института

Позже, когда эксперимент признали успешным, началось поэтапное внедрение института по всей территории России. Важнейшим этапом здесь стало принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) в 2001 году, который детально расписал всю процедуру отбора коллегии и вынесения вердикта. Окончательный же правовой каркас для работы граждан в мантиях сформировался с принятием Федерального закона № 113-ФЗ от 20 августа 2004 года «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», который и сегодня регулирует порядок составления списков кандидатов, финансовые компенсации и гарантии безопасности для обычных людей, решивших поучаствовать в отправлении правосудия.

Насонов С. А. уточняет: «Российская модель производства в суде с участием присяжных заседателей, созданная в ходе судебной реформы 1864 г. (возрождённая в 1993 г.), не стала прототипом (копией) англо-американской или континентальной моделей этого производства, а характеризовалась особым подходом к объективированию ключевых характеристик производства в суде присяжных, что позволяет отнести её к отдельному морфологическому типу — комбинированной модели рассматриваемого производства» [2].

Заключение

История института присяжных в России демонстрирует цикличность: периоды расширения компетенции и доверия сменяются периодами ограничений и контроля. Современный этап характеризуется поиском баланса между независимостью коллегии и гарантиями качества её работы. Учёт исторического опыта — как дореволюционного, так и советского — необходим для дальнейшего реформирования института.

Литература:

1. Шиловская А. А., Винокурова М. А. Институт суда присяжных заседателей в современной России: состояние и проблемы функционирования // Социальное управление. — 2025. — Т. 7. — № 5. — С. 338.

2. Насонов С. А. Национальная идентичность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей // Правовое государство: теория и практика. — 2026. — №. 1 (83). — С. 83.
3. Гарифуллин Р. Р., Абдеев М. Р., Нурмухаметов Р. Н. История суда с участием присяжных заседателей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 5–1 (80). — С. 146.
4. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // СУ РСФСР. — 1917. — № 4. — Ст. 50. (утратил силу).
5. Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 34. — Ст. 3528.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

Правовые аспекты прекращения деятельности некоммерческих организаций в Российской Федерации

Агапов Филипп Юрьевич, студент
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В работе поднимается вопрос о правовых механизмах прекращения деятельности некоммерческих организаций в России. Автор рассматривает две противоположности: добровольную и принудительную ликвидацию, а именно реорганизацию и банкротство НКО. Совершается попытка раскрыть содержание базовых категорий через призму доктринальных подходов. Особое внимание уделено практическим проблемам, возникающим при исключении НКО из ЕГРЮЛ, а также вопросам защиты целевого имущества. Предложены меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: *некоммерческая организация, ликвидация, реорганизация, банкротство, Министерство юстиции, ЕГРЮЛ, целевое имущество, правосубъектность.*

Legal aspects of the termination of activities of non-profit organizations in the Russian Federation

The paper raises the issue of the legal mechanisms for terminating the activities of nonprofit organizations in Russia. The author examines two extremes: voluntary and involuntary liquidation, namely, the reorganization and bankruptcy of NGOs. An attempt is made to reveal the content of basic categories through the lens of doctrinal approaches. Special attention is paid to the practical problems that arise when an NGO is removed from the Unified State Register of Legal Entities, as well as to issues related to the protection of designated property. Measures to improve the legislation are proposed.

Keywords: *non-profit organization, liquidation, reorganization, bankruptcy, Ministry of Justice, Unified State Register of Legal Entities, target property, legal personality.*

Анализ статистических данных Министерства юстиции России, свидетельствует об устойчивой тенденции сокращения числа некоммерческих организаций за период 2024–2026 гг. [9, с. 1] Ежегодно из ЕГРЮЛ исключаются тысячи НКО, причём значительная доля — принудительно, по инициативе уполномоченных органов. Этот процесс затрагивает не только имущественные интересы учредителей и кредиторов, но и публичные интересы: целевые средства, полученные НКО на социальные программы (гранты), при неграмотном закрытии организации могут быть утрачены безвозвратно. В рамках данной статьи мы совершим попытку ответить на вопрос: насколько действующее регулирование обеспечивает баланс между свободой объединения, закреплённой в ст. 30 Конституции РФ, и государственным контролем за деятельностью третьего сектора?

Правовая природа НКО предопределяет специфику её прекращения. Законодатель в п. 1 ст. 50 ГК РФ указывает, что такие организации не ставят извлечение прибыли во главу своей деятельности и не распределяют полученный доход между участниками. А. В. Габов развивает этот тезис, характеризуя НКО как юридическое лицо, чья деятельность подчинена достижению общественно полезных целей — социальных, культурных, образовательных, благотворительных [6, с. 24]. То есть, другими словами, в НКО вся прибыль (дивиденды) идет на уставные цели организации и не распределяется между учредителями. Именно целевая направленность становится тем критерием, который отличает прекращение НКО от закрытия коммерческого юридического лица.

В доктрине под прекращением деятельности НКО понимается утрата организацией статуса юридического лица с последующим исключением сведений о ней из ЕГРЮЛ. Т. В. Сойфер трактует это как юридический факт (точнее — состав), влекущий полное прекращение правоспособности [7,

с. 112]. О. А. Кузнецова акцентирует внимание на том, что прекращение наступает либо через ликвидацию, либо через реорганизацию, и эти пути принципиально различны по своим правовым последствиям. [8, с. 46].

Нормативную базу образуют ГК РФ (ст. 61–64), ФЗ № 7-ФЗ от 12.01.1996, ФЗ № 129-ФЗ от 08.08.2001, а также административные регламенты Минюста. Основаниями прекращения выступают: добровольное решение органа НКО, судебное решение, реорганизация, банкротство, а также исключение из ЕГРЮЛ как недействующего лица.

Совершим попытку анализа каждого из выше перечисленных видов, их процедурные особенности и проблемы, возникающие у граждан на практике.

Ликвидация представляет собой прекращение деятельности юридического лица без правопреемства — права и обязанности не переходят к другим субъектам (п. 1 ст. 61 ГК РФ). А. В. Габов рассматривает ликвидацию «...как сложный юридический состав, объединяющий решение уполномоченного органа, деятельность ликвидационной комиссии и государственную регистрацию прекращения»... [6, с. 310].

Добровольная ликвидация НКО процедурно представляет собой следующие действия. Высший орган управления принимает решение, фиксируя его в протоколе и назначает ликвидационную комиссию. В течение трёх рабочих дней в Минюст направляется уведомление по форме Р15016. Затем следует публикация в «Вестнике государственной регистрации», дающая кредиторам два месяца на предъявление требований. Формируется промежуточный, а позднее — итоговый ликвидационный баланс. Завершается ликвидация юридического лица, внесением записи в ЕГРЮЛ.

На практике процедура растягивается на 4 четыре, а то и шесть месяцев. Малые НКО, в связи с тем, что имеют низкий доход, часто не располагают средствами ни на публикацию, ни на оплату услуг ликвидатора. Это обстоятельство вынуждает их либо бросать организацию, либо прибегать к банкротству.

Другой вариант развития событий — принудительная ликвидация. Несколько слов о ее основаниях и последствиях.

Важно отметить, что ст. 61 ГК РФ и ст. 18 ФЗ-7 допускают ликвидацию юридического лица по решению суда. К таковым основаниям относятся — неоднократные «грубые» нарушения законодательства, работа без лицензии, несоблюдение требований об иностранных агентах, отклонение от уставных целей. Анализ практики показывает, что чаще всего суды ликвидируют НКО по двум причинам: первое — за систематическое непредставление отчётности и второе — расхождение фактической деятельности с заявленной в уставе. Для учредителей это оборачивается запретом на создание новых НКО в течение трёх лет (п. 2 ст. 15 ФЗ-7).

Однако, на практике существует иной путь, своеобразная альтернатива выше сказанному. Этот путь — реорганизация.

Реорганизация предполагает прекращение или изменение юридического лица с переходом прав и обязанностей к другим субъектам в порядке правопреемства (ст. 57 ГК РФ). Т. В. Сойфер подчёркивает: «...для НКО реорганизация нередко выступает инструментом сохранения целевого имущества и преемственности миссии…» [7, с. 130].

Какие имеют место быть формы реорганизации. Это слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование. Специфика НКО в том, что преобразование ограничено: возможен переход в фонд, АНО, Ассоциацию (союз), но не в ООО и иную коммерческую организацию (за отдельными исключениями). Корень проблемы в правопреемстве по налоговым и публичным обязательствам, которое может обернуться неприятным сюрпризом для новой организации.

Что же касается варианта банкротства, к которому чаще всего прибегают.

Банкротство — это признанная арбитражным судом неспособность должника удовлетворить требования кредиторов в полном объёме (ст. 2 ФЗ № 127-ФЗ). О. А. Кузнецова отмечает «сложность разграничения имущества, используемого для уставной деятельности, и того, за счёт которого могут быть погашены долги…» [8, с. 52].

НКО признаётся банкротом при задолженности свыше 300 000 рублей с просрочкой более трёх месяцев. Ключевая особенность: имущество, поступившее на целевые программы, в конкурсную массу не включается. Руководитель, вовремя не подавший заявление о банкротстве, рискует субсидиарной ответственностью.

Таким образом, анализ законодательства и практики применения позволяет определить ряд проблемных аспектов.

Во-первых, несогласованность ФЗ-7 «О некоммерческих организациях» и ФЗ-129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» относительно сроков и формы уведомления Минюста, что порождает разночтения на местах.

Во-вторых, законодательство по сей день не предусматривает упрощенной процедуры ликвидации для малых НКО с нулевым балансом. Такие организации вынуждены нести те же издержки, что и крупные фонды.

В-третьих, риск субсидиарной ответственности руководителя, не обладающего специальными юридическими знаниями. Это создаёт дополнительный барьер для добросовестного закрытия.

В-четвертых, противоречивая судебная практика по вопросу включения целевого имущества в конкурсную массу. Отсутствие единой правоприменительной практики в настоящее время.

На основании сказанного позволим себе следующие выводы:

Прекращение деятельности НКО — это сложный, многоэтапный процесс, регулируемый нормами гражданского, административного и налогового права. Этот процесс имеет определенную специфику в отличии от ликвидации коммерческих организаций.

Законодательство определяет две формы: добровольная и принудительная ликвидация, реорганизация, банкротство. Все они имеют различия по правовым последствиям и процедурным моментам.

Нами предлагается закрепить упрощённый порядок ликвидации для НКО без задолженностей, а также уточнить критерии включения целевого имущества в конкурсную массу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.10.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 145.
4. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3431.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
6. Габов, А. В. Некоммерческие организации: теоретические и практические проблемы / А. В. Габов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2008. — № 10. — С. 92–110.
7. Сойфер, Т. В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и её гражданско-правовое обеспечение / Т. В. Сойфер // Журнал российского права. — 2016. — № 1. — С. 22–30.
8. Кузнецова, О. А. Обратное действие гражданского закона: проблемы теории и практики / О. А. Кузнецова // Журнал российского права. — 2006. — № 8.
9. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. — URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 10.10.2026).

Бесспорность требования как критерий разграничения приказного и искового порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей

Алиева Айсе Амировна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется, что делает бесспорным требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей и почему общее определение бесспорности, рассчитанное на гражданские долги, к нему плохо применимо. Обосновывается, что бесспорность алиментного требования носит нормативный характер: она сохраняется, пока основание, размер и период взыскания выводятся из закона и документов о родстве без судейского усмотрения, а все исключения из приказного порядка связаны с необходимостью оценки. Показано, что требование за прошедший период останется спорным и после отмены трехлетнего предела. Приказное производство по алиментам рассматривается как форма отложенной состязательности, которую немотивированное возражение превращает в средство отсрочки платежей. Предлагается изложить абзац пятый статьи 122 ГПК РФ в положительной форме, сделать возражения против алиментного приказа мотивированными и разъяснить судам основания временного взыскания алиментов после отмены приказа.

Ключевые слова: *приказное производство, судебный приказ, бесспорность требования, алименты на несовершеннолетних детей, исковое производство, возражения должника, спор о праве, отложенная состязательность.*

Из всех семейных требований судебным приказом может быть разрешено только требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, и обычно оно так и разрешается: в 2014 г. из 315 250 дел, оконченных удовлетворением такого требования, по 231 182 был выдан приказ [1]. Закон описывает пригодное для приказа алиментное требование лишь через отрицательные признаки [2], понятие бесспорности в кодексе не раскрыто, а граница между приказным и исковым порядком проведена разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ [3]. Неясным остается главное: что делает алиментное требование бесспорным и почему

эта бесспорность так легко утрачивается после выдачи приказа.

Вопрос имеет практическое значение, потому что выбирать порядок взыскатель не может. С 2016 г. требования статьи 122 ГПК РФ рассматриваются только в приказном производстве, а иск по ним возвращается [4; 5]. В обобщении практики одного из судебных участков прямо сказано, что за алиментами сначала обращаются за приказом, и так были поданы 18 заявлений из 24 за пять месяцев 2018 г. [6]. Если процедура навязана законом, ее границы должны быть предсказуемы: ошибка в квалификации требования стоит взыскателю повторного обращения, а для ребенка каждый месяц промедления означает месяц без денег.

Общее определение бесспорности рассчитано на гражданские долги: требование бесспорно, если оно подтверждено письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, и признается должником. Для займа или платы за жилье позиция должника действительно важна, ведь он может оспорить сам долг или его сумму. С алиментами иначе. Требование о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка удовлетворяется независимо от трудоспособности родителя и нуждаемости ребенка, а размер по общему правилу задан пунктом 1 статьи 81 СК РФ [7]. Какой бы ни была позиция должника, суд в исковом порядке присудит ту же долю, если не будут доказаны особые обстоятельства. Признание должника поэтому ничего не добавляет к бесспорности, а письменный критерий выполняется почти автоматически, потому что происхождение ребенка подтверждено записью акта гражданского состояния. Бесспорность займа складывается из документов и поведения должника, бесспорность алиментов создает сам закон.

Думается, бесспорность алиментного требования имеет нормативную, а не волевую природу. В требовании различимы основание, размер и период взыскания, и бесспорным оно остается, пока все три элемента выводятся из закона и документов без судейского усмотрения. Основание теряет определенность при споре о происхождении ребенка. Размер перестает быть определенным, если заявлена твердая сумма или доля больше законной, а также если у должника есть другие получатели алиментов, чьи доли новый приказ может уменьшить. Период становится спорным, когда взыскание требуется за время до обращения в суд. Именно эти случаи практика и выводит в исковой порядок, квалифицируя их как спор о праве, хотя столкновения позиций на этой стадии нет: спор презюмируется из того, что суду предстоит оценка. Право требовать уплаты алиментов, как показывает М. Ю. Зеленцова, по сути соответствует обычному денежному притязанию кредитора к должнику [8, с. 259]; когда размер выражен законной долей, такое притязание вполне укладывается в приказную процедуру.

Сказанное позволяет оценить законопроект № 1219352–8, предлагающий отменить трехлетний предел взыскания за прошлое время и освободить взыскателя от доказывания досудебных мер и уклонения плательщика [9]. Может показаться, что тогда требование за прошедший период станет бесспорным. С этим трудно согласиться. Проект снимает бремя доказывания, но не устраняет обстоятельство, от которого зависит исход: содержал ли родитель ребенка добровольно, деньгами или в натуре. Суды отказывают во взыскании за прошлое время, когда ответчик подтверждает переводы на детей, и эта возможность у него сохранится, а реализовать ее в приказном производстве, где должник не участвует, нельзя.

Поэтому границу следует закрепить в самом законе, изложив абзац пятый статьи 122 ГПК РФ в положительной форме: «заявлено требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей в размере, предусмотренном пунктом 1 статьи 81 Семейного кодекса Российской Федерации, со дня обращения в суд, если должник не уплачивает алименты другим лицам на основании судебного акта или нотариально удостоверенного соглашения и требование не связано с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства)». Формула прямо называет все три элемента бесспорности и переносит в кодекс критерии, которые сейчас держатся на разъяснениях. Взыскатель сможет заранее определить порядок обращения, а вопрос о судьбе требования за прошлое время не возникнет и после изменения статьи 107 СК РФ.

Другая проблема возникает на выходе из приказного производства. Возражения должника могут содержать лишь указание на несогласие с приказом. С. С. Казиханова полагает, что в приказном производстве нет гарантий правосудия, и связывает его риски с невозможностью проверить документы взыскателя [10, с. 121–123]. Для алиментов картина иная: документы о родстве проверяемы, гарантии же не устранены, а отложены, поскольку состязательный процесс начинается, как только должник возражает. Но если для этого не нужен ни один довод, отложенная состязательность становится правом на отсрочку. Возражение без оснований не может изменить итог, ведь в исковом порядке суд присудит ту же долю, зато гарантированно останавливает выплаты. Риски при этом распределены несимметрично: ошибочный приказ должник может исправить иском о снижении алиментов или кассационной жалобой, а отмена приказа лишает ребенка денег сразу.

Цена такой отсрочки видна по делу Н. П. Хомутининой: приказ 2013 г. о взыскании алиментов отменили через семь лет по запоздалым возражениям, а по иску алименты удалось взыскать лишь за три года. Признав статью 129 ГПК РФ в этой части неконституционной, Конституционный Суд РФ отметил, что такое регулирование поощряет недобросовестного плательщика. Федеральный закон № 356-ФЗ ограничил прием опоздавших возражений и сохранил право на алименты за весь период отмененного приказа, однако своевременное возражение без доводов по-прежнему уничтожает приказ. Е. Д. Умнова предлагала переход к исковому производству по ходатайству взы-

скателя [13, с. 12–13], но он экономит формальности, а не время, которое ребенок проводит без содержания.

Представляется, что возражения против приказа о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей должны быть мотивированными. Статью 129 ГПК РФ предлагается дополнить правилом, по которому такие возражения принимаются, если в них указаны обстоятельства, исключающие приказной порядок по абзацу пятому статьи 122 ГПК РФ, или основания для изменения доли по пункту 2 статьи 81 СК РФ; иные возражения возвращаются должнику. Ссылка на добровольную уплату основанием не служит, поскольку без нотариального соглашения она не препятствует взысканию. Правило отсечет возражения ради отсрочки, но оставит должнику все доводы по существу и иск о снижении алиментов по статье 119 СК РФ. Оно отвечает балансу, заданному Конституцией РФ, которая возлагает заботу о детях на родителей и гарантирует каждому судебную защиту (ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 46). В постановление Пленума Верховного Суда РФ № 56 стоит включить разъяснение о том, что отмена алиментного приказа по возражениям должника сама по себе дает основание взыскать алименты до решения по статье 108 СК РФ, чтобы ребенок не оставался без содержания на время иска.

Бесспорность требования о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей держится не на позиции должника, а на том, что основание, размер и период взыскания определены законом и документами о родстве. Каждое исключение из приказного порядка объясняется необходимостью судейской оценки, и требование за прошлое время останется в их числе даже без трехлетнего предела. Положительная редакция абзаца пятого статьи 122 ГПК РФ сделает границу между производствами определенной. Мотивированные возражения и разъяснение о статье 108 СК РФ вернут приказу его смысл: состязательный процесс будет запускаться спором по существу, а не желанием отсрочить платежи.

Литература:

1. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2026. № 32. Ст. 4530.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» от 26 декабря 2017 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02 марта 2016 г. № 45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 10. Ст. 1319.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» от 27 декабря 2016 г. № 62 (ред. от 05.04.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2; 2022. № 6.
6. Мартынова Е. Г. Обобщение судебной практики по взысканию алиментов на несовершеннолетних детей // Судебный участок № 2 мирового судьи города Сорочинска и Сорочинского района Оренбургской области. URL: https://clck.ru/3WJgF9 (дата обращения 05.10.2026).
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2026. № 13. Ст. 1523.
8. Зеленцова М. Ю. Правовая природа алиментного обязательства в праве России, Германии и Австрии // Московский журнал международного права. 2026. № 2. С. 251–263.
9. Законопроект № 1219352–8 «О внесении изменений в статью 107 Семейного кодекса Российской Федерации» // СОЗД. URL: https://clck.ru/3WJfgU (дата обращения 05.10.2026).
10. Казиханова С. С. Отношения, регулируемые нормами, содержащимися в цивилистических процессуальных кодексах, и предмет гражданского процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 118–127.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2023 г. № 53-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 49 (часть IV). Ст. 8877.
12. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 129 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 26 октября 2024 г. № 356-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 44. Ст. 6496.
13. Умнова Е. Д. Особенности гражданского судопроизводства по делам, возникающим из алиментных обязательств: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2021. 28 с.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6–ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года

№ 11–ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет–портал правовой информации http://pravo.gov.ru. 06.10.2022.

Уголовно-процессуальный иммунитет судьи: понятие, содержание и проблемы реализации

Ангелова Элени Анзоровна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается уголовно-процессуальный иммунитет судьи как комплексный межотраслевой институт, обеспечивающий независимость судебной власти.

Ключевые слова: *судья, неприкосновенность, уголовно-процессуальный иммунитет.*

Введение

Принцип независимости судей, закреплённый статьями 118, 120 и 122 Конституции Российской Федерации, образует конституционную основу осуществления правосудия [1]. Составляющей этого принципа выступает неприкосновенность судьи, которая, по смыслу статьи 122 Конституции РФ, распространяется не только на личность судьи, но и на занимаемые им жилые и служебные помещения, транспортные средства, документы, багаж и иное имущество, включая тайну переписки и корреспонденции [1; 3]. В уголовно-процессуальном измерении неприкосновенность судьи трансформируется в особый порядок производства по уголовным делам в отношении судьи — институт, который в теории права традиционно обозначается термином «уголовно-процессуальный иммунитет» [12].

Актуальность темы определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, судейский иммунитет остаётся предметом устойчивой научной дискуссии о соотношении гарантий независимости судебной власти и принципа равенства всех перед законом и судом [8; 9; 11]. Во-вторых, практика привлечения судей к уголовной ответственности сохраняет признаки исключительности: ежегодно согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи даётся лишь в незначительной части рассмотренных представлений, что порождает сомнения в неотвратимости ответственности [12; 13].

Понятие и правовая природа уголовно-процессуального иммунитета судьи

В законодательстве отсутствует легальное определение «судейского иммунитета»; данный термин является доктринальным. В широком смысле иммунитет понимается как общеправовой институт, означающий освобождение определённого круга субъектов права из-под действия общих норм, и различается по видам — парламентский, президентский, судейский [8; 11]. В узком уголовно-процессуальном значении иммунитет судьи представляет собой совокупность особенностей уголовного судопроизводства, установленную для лица, наделённого статусом судьи, и охватывающую: недопустимость привлечения к ответственности за выраженное при осуществлении правосудия мнение и принятое решение (за исключением случаев, установленных вступившим в законную силу приговором); особый порядок возбуждения уголовного дела; особенности применения мер процессуального принуждения и производства следственных действий [2; 3; 14].

Существенно, что иммунитет в уголовном процессе не тождествен свидетельскому. Судья и присяжный заседатель наделены свидетельским иммунитетом в силу пункта 1 части 3 статьи 56 УПК РФ: они не подлежат допросу об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному делу [2]. Однако ядром судейского иммунитета является не свидетельская привилегия, а усложнённый порядок возбуждения уголовного преследования, регламентированный главой 52 УПК РФ [2; 12].

Правовая природа института раскрыта Конституционным Судом РФ: неприкосновенность, будучи элементом конституционно-правового статуса судьи, «не является его личной привилегией как гражданина», а обеспечивает самостоятельность и независимость судебной власти и служит средством защиты публичных интересов, прежде всего интересов правосудия [4]. Из этого следует функциональное назначение иммунитета: он защищает не судью как частное лицо, а публично-правовую функцию отправления правосудия от внешнего давления, шантажа или возмездия со стороны проигравших процесс участников [4; 15]. Как справедливо отмечается в литературе, судейская неприкосновенность является определённым исключением из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом и по своему содержанию выходит за пределы личной неприкосновенности, гаранти-

рованной каждому статьёй 22 Конституции РФ [8, с. 52–54; 11].

Нормативное регулирование

Система нормативных источников, образующих уголовно-процессуальный иммунитет судьи, включает четыре уровня.

Во-первых, Конституция РФ: статья 120 закрепляет независимость судей, статья 122 — их неприкосновенность с оговоркой, что порядок привлечения к уголовной ответственности определяется федеральным законом [1].

Во-вторых, Закон РФ от 26.06.1992 № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации», статья 16 которого детализирует содержание неприкосновенности. Она охватывает неприкосновенность личности, жилых и служебных помещений, транспортных средств, документов, имущества, тайну корреспонденции. Часть 2 статьи 16 устанавливает иммунитет от ответственности за высказанное при осуществлении правосудия мнение и принятое решение, если только вступившим в законную силу приговором не установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта [3]. Важной гарантией является норма о немедленном освобождении задержанного судьи после установления его личности и о запрете личного досмотра (за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом в целях безопасности других людей) [3].

В-третьих, УПК РФ: глава 52 «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» (статьи 447–452) устанавливает исчерпывающий перечень субъектов особого порядка, включая судей Конституционного Суда РФ, судей федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, мировых судей, а также присяжных и арбитражных заседателей в период осуществления правосудия [2; 14].

В-четвёртых, акты Конституционного Суда РФ, формирующие доктринально-практическое содержание института [4–7].

Пределы судейского иммунитета

Конституционный Суд РФ последовательно проводит линию на то, что гарантии судейского иммунитета «не носят абсолютного характера» [4; 6]. Уже в постановлении от 07.03.1996 № 6-П сформулирован ставший классическим тезис о том, что усложнённый порядок привлечения судьи к ответственности является не личной привилегией, а средством защиты публичных интересов, и не предполагает ограждения судей от ответственности при совершении преступлений — иное означало бы нарушение прав потерпевших от злоупотреблений властью [4].

Определяющее значение имеет Постановление от 18.10.2011 № 23-П, вынесенное по жалобе гражданина С. Л. Панченко [7]. Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции положения статей 144, 145 и 448 УПК РФ и пункта 8 статьи 16 Закона о статусе судей в той мере, в какой они допускали возбуждение уголовного дела по статье 305 УК РФ при не отменённом судебном акте: такая конструкция означала внесудебную оценку вступившего в законную силу судебного решения и нарушала принципы осуществления правосудия только судом и независимости судей [7]. Законодатель отреагировал принятием Федерального закона от 05.04.2013 № 54-ФЗ, дополнившего статью 448 УПК РФ частью 8 [2]. Тем самым был решён доктринально сложный конфликт двух гарантий: неприкосновенности судьи и обязательности судебного решения [7; 14].

Дискуссионные проблемы и пути совершенствования

Анализ литературы и практики позволяет выделить несколько узловых проблем.

Во-первых, проблема баланса. Наличие иммунитета вступает в известное противоречие с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом, закрепляя преимущество отдельных лиц в уголовном процессе [8; 11]. Эмпирические исследования подтверждают остроту проблемы: отказ в даче согласия на возбуждение уголовного дела выносится примерно в семидесяти процентах рассмотренных случаев [12]. Обратный риск также реален: следственная проверка, растянутая на месяцы и годы, приводит к утрате доказательств и истечению сроков давности; по данным диссертационного исследования, невозможность реализации принципа неотвратимости ответственности судей в значительной части случаев была обусловлена именно истечением сроков давности либо формальными причинами, связанными с гарантиями неприкосновенности [8, с. 102–104; 13].

Во-вторых, процедурная неурегулированность. В УПК РФ отсутствует детальная регламентация порядка рассмотрения квалификационной коллегией судей представлений о возбуждении уголовного дела: не определены сроки формирования представления Председателем Следственного комитета, состав и процессуальные права участников заседания коллегии, что снижает определенность, алгоритмичность процедуры [13].

В-третьих, риск корпоративности. В литературе отмечается, что участие органов судейского сообщества в процедуре преодоления иммунитета создаёт опасность корпоративной солидарности, отрицательно влияющей на объективность решений о лишении неприкосновенности. Это обуславливает предложения о необходимости усиления внешнего контроля за данной процедурой [8; 9].

В-четвёртых, проблема преломления иммунитета в смежных отраслях. Российская модель связывает гражданско-правовую ответственность судьи (и ответственность государства за судью в порядке статьи 1070 ГК РФ) с обязательным предварительным привлечением судьи к уголовной ответственности, что создаёт дополнительное институциональное препятствие для восстановления прав потерпевших [10].

На основе изложенного представляются обоснованными следующие предложения: закрепить в УПК РФ процессуальный порядок рассмотрения квалификационной коллегией судей представлений о возбуждении уголовного дела, включая сроки и гарантии прав судьёй; установить предельный срок проведения доследственной проверки; предусмотреть участие независимых субъектов (представителей судебного сообщества иных уровней либо Верховного Суда РФ) в процедуре дачи согласия; уточнить соотношение норм статей 447–452 УПК РФ и статьи 16 Закона о статусе судей для устранения расхождений, отмечаемых в правоприменении [9; 12; 14].

Заключение

Уголовно-процессуальный иммунитет судьи — не привилегия должностного лица, а функциональная гарантия независимости судебной власти, обеспечивающая защиту правосудия от внешнего давления. Вместе с тем действующая модель требует корректировок: усиление процедурной определённости, ограничение сроков проверки и внедрение внешнего контроля позволили бы совместить два конституционных императива — независимость судей и неотвратимость их ответственности за совершённые преступления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www. consultant. ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
3. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132–1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 N 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А. В. Барбаша» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22965/.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2002 N 5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 15 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года «О статусе судей в Российской Федерации», статьи 2 Федерального закона от 21 июня 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 7 Федерального закона от 10 января 1996 года «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов Судов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан — судей и судей в отставке» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35721/.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2008 N 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г. Н. Белюсовой, Г. И. Зиминой, Х. Б. Саркитова, С. В. Семак и А. А. Филатовой» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75322/.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П по делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 УПК РФ и пункта 8 статьи 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. Л. Панченко.
8. Кузнецова И. С. Иммунитеты и ответственность как элементы конституционно-правового статуса судьи: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.
9. Цараев А. А. Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003.
10. Полякова Е. О. Неприкосновенность судей и её гарантии // Молодой учёный. 2020. № 41 (333).
11. Подгорбунская, А. И. Понятие и сущность иммунитета судей // Аллея науки. — 2018. — Т. 3, № 4(20).
12. Гамидов А. М., Атаева П. Г. Особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении лиц, обладающих статусом судьи // Закон и право. 2021. № 7.
13. Киреева А. Е. Возбуждение уголовного дела в отношении судей, особенности прокурорского надзора на данной стадии // Научный лидер. 2024. Вып. № 27 (177).
14. Бальчугов А. С. Особенности производства по уголовным делам в отношении судей // Global and Regional Research. — 2021. — Т. 3, № 1.
15. Кравцова Л. Е. Гарантии конституционного принципа независимости судебной власти: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., МГУ, 2025.

Проблемы доказывания авторства произведения в условиях распространения генеративного контента

Артюхова Виолетта Кирилловна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье исследуется влияние генеративных технологий на презумпцию авторства и на сложившиеся способы ее подтверждения. Показано, что массовое распространение машинного контента обесценивает депонирование и другие статичные доказательства, а голословное заявление о генеративном происхождении работы грозит развернуть бремя доказывания против добросовестного автора. Предложены категория следа творческого процесса и стандарт мотивированного опровержения презумпции. Отдельно обосновано доказательственное значение маркировки материалов, создаваемых искусственным интеллектом.

Ключевые слова: *презумпция авторства, доказывание, генеративный контент, нейросеть, депонирование, маркировка контента, след творческого процесса, авторское право.*

Генеративные сервисы за короткий срок превратили создание текстов и изображений из ремесла в массовый навык. Дж. Хатсон справедливо замечает, что такие системы производят «совершенно новый контент, зачастую неотличимый от произведений человека» [7]. Пока доктрина спорит о том, охраняется ли машинный результат, в судах назревает другой вопрос, куда менее заметный. Как живому автору подтвердить, что произведение создано именно его трудом, если внешний вид работы больше ни о чем не свидетельствует? Настоящая статья посвящена доказательственной стороне этой проблемы.

Отправная точка здесь закреплена в статье 1257 Гражданского кодекса РФ. Автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано, а лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с пунктом 1 статьи 1300 ГК РФ, считается автором, пока не доказано иное [1]. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 109 постановления от 23 апреля 2019 г. № 10 добавил к названным способам указания имени реестры программ для ЭВМ и баз данных [3]. Замысел конструкции понятен, создатель освобождается от позитивного доказывания собственного творчества в каждом конфликте, иначе защита прав превратилась бы в бесконечную демонстрацию черновиков.

Работала эта логика в мире, где за каждым экземпляром стоял ощутимый труд. Генерация разорвала связь между наличием результата и усилием, ведь изображение приемлемого качества сегодня обходится в цену короткого запроса. Д. Д. Левит констатирует, что вследствие работы нейросетей «имеется огромный массив объектов, которые в настоящий момент находятся вне правовой охраны» [6]. Неохраняемый массив не отделен от охраняемого никакой видимой границей, а подпись на файле ставится одинаково легко и там, и там. Презумпция статьи 1257 ГК РФ начинает обслуживать в том числе лиц, не имеющих к творчеству никакого отношения, причем происходит такое смещение автоматически, без всякого умысла законодателя.

Вторая сторона проблемы зеркальна первой. Добросовестный создатель все чаще сталкивается с дежурным возражением, будто спорная работа сгенерирована и потому в юридическом смысле никем не создана. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 в пункте 110 требует исследовать иные доказательства авторства лишь тогда, когда авторство оспаривается путем представления соответствующих доказательств, причем исчерпывающего перечня таких доказательств не существует [3]. Формулировка оставляет открытым главный вопрос: обязан ли оппонент привести конкретные технические доводы или достаточно самого заявления о машинном происхождении. Если практика удовлетворится вторым вариантом, бремя доказывания фактически развернется против автора, которому придется реконструировать творческий процесс задним числом. Подобный разворот противоречит смыслу презумпции, задуманной как щит, а не как пустая декларация.

Ревизию арсенала доказательств уместно начать с депонирования, которое долго преподносилось едва ли не как замена государственной регистрации. Судебная практика оценила его куда сдержаннее. В деле № А40–46622/2019 предприниматель подтверждал права на образы игрушек свидетельствами о депонировании, однако Верховный Суд РФ указал, что депонирование остается добровольной процедурой, с которой закон не связывает наступления каких-либо последствий, и удостоверяет лишь существование экземпляра на определенную дату [4]. Пригодными коллегия назвала доказательства, отражающие сам факт создания, от черновиков до свидетельских показаний. Для нашей темы этот вывод звучит почти пророчески. Задепонировать можно и файл, полученный от нейросети пять минут назад, поскольку процедура никак не проверяет происхождение объекта. В эпоху генерации сервисы депонирования рискуют превратиться в фабрику красивых, но пустых бумаг.

Куда устойчивее выглядят доказательства, привязанные к процессу создания. В том же пункте 110 приведен характерный пример, авторство фотографа может подтверждаться в числе прочего необработанной фо-

тографией. Практика развила эту мысль, и суды принимают исходные файлы вместе со сведениями о серийном номере камеры, а отсутствие исходника в формате RAW само по себе автора не порочит, на что обращал внимание Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд в деле № А55–22784/2020 [11]. Значение метаданных подкрепляется и материальным законом. Сведения, идентифицирующие произведение и его автора, статья 1300 ГК РФ относит к охраняемой информации об авторском праве [1]. Использование чужой работы в сети фиксируется нотариальным протоколом осмотра, составляемым по правилам статей 102 и 103 Основ законодательства о нотариате [2]. Слабое место у перечисленных инструментов общее — каждый удостоверяет отдельный статичный момент, тогда как творчество разворачивается во времени.

Отсюда вытекает центральная идея настоящей работы. Доказательственную ценность в новых условиях приобретает не отдельный документ, а связная последовательность промежуточных состояний произведения, которую можно назвать следом творческого процесса. Черновики и наброски, слои графического файла, история правок в облачном редакторе складываются в картину постепенного движения замысла, тогда как машинная генерация оставляет след совершенно иной формы, где между запросом и готовым результатом промежуточных авторских решений нет вовсе. Подделать единичный файл несложно. Сфабриковать многомесячную историю версий с согласованными датами и логикой доработок многократно труднее, и именно эта трудоемкость возвращает доказыванию надежную опору.

П. В. Ересько верно подчеркивает, что «определяющим фактором авторства является идея и творческий замысел человека», при котором система искусственного интеллекта остается инструментом [5]. Согласиться с приведенной позицией можно с одной оговоркой, замысел как явление внутреннего мира суду недоступен, юридическое значение он приобретает только через объективированный след. Тому, кто честно применяет нейросеть в качестве подручного средства, разумно сохранять запросы и последующие доработки результата, иначе инструментальная роль машины останется недоказуемой.

Соблазнительным выходом кажется техническая экспертиза, распознающая генеративное происхождение по цифровым признакам. Полагаться на нее пока рано. Автоматические детекторы дают вероятностный, а не достоверный результат, и погрешность их растет по мере совершенствования моделей. О стандартизированных судебных методиках такого рода говорить пока не приходится. Заключение подобного сервиса допустимо рассматривать как один из доводов, однако опровержение презумпции авторства не может держаться на нем одном. Суд, положивший в основу решения вычисленный процент «искусственности», подменил бы оценку доказательств верой в непогрешимость еще одного алгоритма.

Определенные надежды связываются с маркировкой машинного контента. Принятый летом 2026 года федеральный закон о развитии технологий искусственного интеллекта закрепил добровольную модель, при которой пользователь вправе сопроводить предупреждением аудио- или видеоматериал, созданный с применением больших фундаментальных моделей, а владельцы площадок с суточной аудиторией свыше пятисот тысяч человек обязаны обеспечить техническую возможность подобной пометки [9].

Уже в августе того же года в Государственную Думу внесен законопроект № 1317978–8, предлагающий перейти от права к обязанности и охватить маркировкой материалы, созданные или измененные с применением таких моделей [8]. Доказательственное измерение названных новелл важнее информационного. Добровольная метка по своей природе близка к внесудебному признанию, лицо само сообщает о генеративном происхождении материала, и ссылаться впоследствии на презумпцию авторства в отношении помеченного объекта было бы непоследовательно. Обратный вывод недопустим. Отсутствие метки не доказывает человеческого творчества ни при действующей добровольной модели, ни при будущей обязательной, ведь недобросовестный участник оборота как раз маркировкой и пренебрежет.

Масштаб проблемы давно перестал быть теоретическим. По данным исследования юридической фирмы ЭБР, в 2024 году зарегистрировано 28,8 тыс. судебных споров о защите авторских и смежных прав, что на 35 % больше показателя предыдущего года и составляет свыше половины всех дел в сфере интеллектуальной собственности [10]. Каждое подобное разбирательство начинается с вопроса о принадлежности прав, и в каждом заявление о генеративном происхождении спорного объекта способно перевернуть ход процесса. Речь, стало быть, идет о доказательственных стандартах для самой массовой категории споров, а вовсе не для экзотики.

Изложенное позволяет сформулировать три предложения. Первое касается стандарта опровержения презумпции. Пункт 110 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 целесообразно дополнить указанием на то, что заявление о создании произведения генеративной системой само по себе авторства не колеблет, а оспаривающая сторона обязана привести конкретные фактические доводы, например назвать предполагаемый сервис или предъявить технические признаки генерации. Голословное возражение не должно запускать полномасштабную проверку творческой истории. Второе предложение обращено к оценке доказательств. Судебной практике имеет смысл признать след творческого процесса самостоятельным предметом исследования и оценивать промежуточные материалы в совокупности и взаимной связи, а пример с необработанной фотографией из пункта 110 распространить на произведения любого вида. Третье предложение относится к маркировке. Добровольной метке о применении искусственного интеллекта стоит придать значение признания, исключающего действие презумпции в отношении помеченного объекта,

одновременно закрепив правило о том, что отсутствие маркировки никакого преимущества в доказывании не создает.

Практический совет вытекает из сказанного сам собой. Автору, работающему в цифровой среде, разумно заранее заботиться о собственной доказательственной базе. Исходные материалы и промежуточные версии стоит хранить отдельно от итоговой публикации, а саму работу по возможности вести в средах, фиксирующих историю изменений. Депонировать имеет смысл и итоговый результат, и ключевые промежуточные редакции, тогда даже скептическое отношение судов к самой процедуре не обесценит представленную хронологию. Генеративные технологии не отменили презумпцию авторства, хотя сделали ее по-настоящему оспоримой. Устойчивость конструкции теперь зависит от того, насколько быстро практика выработает внятный стандарт ее опровержения. Пока такого стандарта нет, преимущество в процессе получает подготовленная сторона, и задача науки состоит в том, чтобы этой подготовке было на что опереться.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». — 25.12.2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462–1 // «Российская газета». — 13.03.1993. — № 49.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета». — 06.05.2019. — № 96.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2020 № 305-ЭС20–8198 по делу № А40–46622/2019. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Ересько, П. В. Проблемы признания и защиты авторских прав при использовании произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта / П. В. Ересько // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2024. — Т. 24, вып. 4. — С. 448–458.
6. Левит, Д. Д. Правовой режим результатов, созданных технологиями искусственного интеллекта / Д. Д. Левит // Legal Bulletin. — 2024. — Т. 9, № 2. — С. 108–119.
7. Хатсон, Дж. Эволюция роли авторского права в эпоху произведений, созданных искусственным интеллектом / Дж. Хатсон // Journal of Digital Technologies and Law. — 2024. — Т. 2, № 4. — С. 886–914.
8. В Госдуму внесли законопроект об обязательной маркировке ИИ-контента. — Текст: электронный // Клерк.ру. — URL: https://www.klerk.ru/buh/news/704942/ (дата обращения: 20.09.2026).
9. Госдума приняла закон о маркировке созданного ИИ контента. — Текст: электронный // РИА Новости. — 2026. — 8 июля. — URL: https://ria.ru/20260708/gosduma-2103531705.html (дата обращения: 21.09.2026).
10. Количество судебных споров из-за авторских и смежных прав выросло на треть. — Текст: электронный // Коммерсантъ. — 2025. — 24 марта. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/7602696 (дата обращения: 21.09.2026).
11. Фотографы и авторское право: как отсудить компенсацию за свой снимок. — Текст: электронный // Право.ру. — URL: https://pravo.ru/story/232628/ (дата обращения: 22.09.2026).

Порядок принятия решения о выдворении органами внутренних дел (полицией), его изменение и алгоритм процессуальных действий в связи с изменением законодательства

Бабенко Ульяна Артёмовна, слушатель
Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается активное развитие правового регулирования в сфере миграции, что связано с необходимостью обеспечения национальной безопасности, защиты правопорядка и контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны. Одним из значимых шагов в данном направлении стало внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, которое вступило в силу 5 февраля 2025 года. В частности, новые нормы предоставили сотрудникам полиции дополнительные полномочия по выдворению иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушающих правила пребывания или находящихся в стране без законных оснований.

В этой связи следует согласиться с И. И. Литвиным, что переход от судебной модели назначения выдворения

к смешанной (судебно-административной) модели изменил процессуальное положение полиции, должностные лица которой теперь не только составляют протоколы и передают материалы в суд, но и самостоятельно рассматривают дела и исполняют решения, что фактически делает полицию основным юрисдикционным органом при решении вопроса о выдворении [1, с. 86]. Как отмечают А. А. Брюхнов, В. В. Денисенко и О. И. Мойса, «проект изначально был направлен на расширение полномочий полиции по удалению иностранных граждан с территории РФ и сосредоточении всех видов удаления в их компетенции», а по мнению авторов законопроекта «повысится не только оперативность при принятии решений, связанных с высылкой иностранных граждан… но и произойдет сокращение временных затрат и финансовых расходов в этой области». О прежнем высоком масштабе судебной нагрузки косвенно свидетельствует статистика, приводимая этими авторами: в 2019 году суды применили выдворение в качестве основного наказания 1 406 раз и в качестве дополнительного — 123 790 раз; в 2023 году — 583 и 129 139 раз соответственно [2, с. 39]. Следовательно введение таких полномочий связано с необходимостью оперативного реагирования на нарушение миграционного законодательства, и обусловливает необходимость анализа соответствующих изменений в КоАП РФ и их реализации в практике органов внутренних дел.

Внесенные изменения затронули следующие статьи КоАП РФ: в ст. 3.10, 4.1, 18.1, 18.8, 18.9, 23.1, 23.3, 23.10.

Прежде всего следует разъяснить, что административное выдворение заключается в принудительном и контролируемом перемещении иностранных граждан и лиц без гражданства через Государственную границу РФ, а в случаях, предусмотренных законодательством, — в контролируемом самостоятельном выезде из РФ.

Так, важнейшим изменением, интересующим нас, стало дополнение в ст. 3.10 в которой указано, что административное выдворение за пределы Российской Федерации как мера административного наказания устанавливается в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства и назначается судьей, а также должностными лицами, указанными в пунктах 1, 2, 10–12 части 2 статьи 23.3 и части 2 статьи 23.10 КоАП РФ.

Известно, что ранее решение о применении меры административного наказания в виде административного выдворения по действующим до 5 февраля 2025 года нормам могло назначаться исключительно судьей, а в случае совершения административного правонарушения при въезде в Россию — должностными лицами пограничной службы. Теперь исходя из ч. 2 ст. 3.10 КоАП РФ к должностным лицам органов внутренних дел, уполномоченным назначать выдворение, отнесены: начальники территориальных управлений (отделов) внутренних дел и приравненных к ним органов, их заместители, заместители начальников полиции (по охране общественного порядка), начальники территориальных отделов (отделений, пунктов) полиции и их заместители; начальники линейных отделов (управлений) полиции на транспорте и их заместители; руководитель подразделения центрального аппарата МВД России по вопросам миграции и его заместители; руководители структурных подразделений по вопросам миграции территориальных органов и их заместители (в части правонарушений в сфере миграции); руководители структурных подразделений по контролю за оборотом наркотиков и их заместители (в части соответствующих правонарушений).

Однако следует отметить, что изначально материалы дела поступают не должностному лицу, которое будет его рассматривать, а в специализированное подразделение органов внутренних дел, в задачи которого входит проверка материалов, их учет и подготовка к рассмотрению — подразделение по исполнению административного законодательства (ИАЗ).

Действия данных сотрудников образуют своего рода стандартизированный алгоритм, направленный на решение следующих задач:

проверка материала дела на предмет законности и обоснованности составления протокола об административном правонарушении.

Следует подчеркнуть, что усмотрение должностного лица при выборе вида выдворения небезграничное. Так, А. А. Брюхнов, В. В. Денисенко и О. И. Мойса указывают, что изменения ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ, вступившие в силу в 2025 году, «касаются не только судейского, но и административного усмотрения при применении наказания органами и должностными лицами», а к обстоятельствам, учитываемым при замене выдворения штрафом или обязательными работами, относятся «продолжительность проживания в РФ… семейное положение, законопослушное поведение и иные обстоятельства» [2, с. 42]. Иными словами, выбор формы выдворения должен сопровождаться исследованием всей совокупности обстоятельств, позволяющих заменить его более мягким наказанием.

проверка правонарушителя на повторность совершения аналогичного правонарушения. В случае, если протокол об административном правонарушении составлен в отношении иностранного гражданина, то обязательная проверка на предмет наличия иностранного гражданина или лица без гражданства в Реестре контролируемых лиц (далее — РКЛ).

внесение информации о правонарушении в специализированные ведомственные информационные базы (Сервис обеспечения охраны общественного порядка) и регистрация в журнале учета дел об административных правонарушениях, в соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2014 года № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях».

подготовка дела и передача его должностному лицу органа внутренних дел, уполномоченному в соответствии

со ст. 23.3 КоАП РФ рассматривать дело об административном правонарушении и принимать по нему решение.

Указанный алгоритм един для всех правонарушений, однако после внесения изменений в миграционное законодательство, появились некоторые особенности для дел с данной категорией субъектов. Например, указанная выше проверка на наличие в РКЛ.

Существенное изменение претерпел алгоритм действий должностного лица ОВД, уполномоченного рассматривать дело об административном правонарушении и принимать по нему решение, в связи с возможностью назначения в качестве наказания административное выдворение иностранного гражданина за пределы Российской Федерации. В частности, в случае принятия решения о выдворении, должностное лицо должно решить ряд вопросов и выполнить связанные с этим действия, к которым относится следующее:

выбрать вид административного выдворения: принудительное или контролируемый самостоятельный выезд.

решить вопрос о помещении иностранного гражданина или лица без гражданства в специальное учреждение (далее — ЦВСИГ), в случае назначения принудительного выдворения.

подготовить ходатайство в районный суд о продлении срока содержания иностранного гражданина или лица без гражданства в ЦВСИГ, в случае, если процедура принудительного выдворения может занять более 48 часов.

установить потребность и возможность немедленного исполнения принудительного выдворения, в соответствии с частью 2 статьи 32.9 КоАП РФ.

Следует дополнить, что должностное лицо органа внутренних дел в рамках ч. 2 ст. 32.9 КоАП РФ только инициирует немедленное исполнение (ходатайство рассматривает судья), а само принудительное выдворение исполняют судебные приставы [2, с. 40].

передать иностранного гражданина или лицо без гражданства группе доставления, в целях его сопровождения в ЦВСИГ.

При этом сотрудники подразделений ИАЗ, участвуют в подготовке всех необходимых процессуальных документов: постановления о назначении административного наказания, ходатайства о продлении срока содержания иностранного гражданина или лица без гражданства в ЦВСИГ, расписки об уведомлении иностранного гражданина о месте и времени рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания в ЦВСИГ, справки из информационных баз данных МВД России. Постановление о назначении административного наказания незамедлительно вносят в Сервис обеспечения охраны общественного порядка.

Исходя из вышеперечисленной информации, можно подвести итог о том, что, данные изменения в административном законодательстве ничуть не упростили работу сотрудников органов внутренних дел, а лишь наделили более широкими полномочиями. Также не подверглись изменению сроки осуществления процессуальных действий, документация, необходимая для применения административного законодательства.

В заключение следует отметить, что Федеральный закон от 08.08.2024 № 248-ФЗ реализовал переход к смешанной (судебно-административной) модели назначения административного выдворения. Замысел законодателя — повышение оперативности реагирования и сокращение временных и финансовых затрат — потребовал расширения полномочий полиции, что закономерно сместило центр тяжести юрисдикционной деятельности на досудебные стадии. Однако процессуальная форма при этом не была упрощена: сроки и состав процессуальных действий сохранились, а нагрузка на должностных лиц возросла.

Практическая реализация полномочий выявила ряд организационных особенностей: обязательную проверку на наличие иностранного гражданина в реестре контролируемых лиц, необходимость взаимодействия с ФССП при исполнении принудительного выдворения, участие подразделений по делам несовершеннолетних и ИАЗ в подготовке всего комплекса процессуальных документов. Эти операции не урегулированы единым нормативным актом и существуют в форме фактически сложившегося алгоритма, воспроизведённого в настоящей статье.

Дальнейшее развитие института требует мониторинга практики. Как отмечают С. В. Васильева и Н. Н. Федоскин, изучение вопросов назначения и исполнения административного выдворения «даёт основание полагать, что возможно дополнительное регулирование указанных административных действий» [3, с. 162]. Конкретным шагом видится закрепление рассмотренного алгоритма в ведомственном нормативном акте МВД России: это обеспечит единообразие практики территориальных органов, прозрачность процедур для контролирующих субъектов и снижение рисков злоупотреблений, а также сохранение доступа иностранных граждан к судебной защите.

Литература:

1. Литвин И. И. Особенности рассмотрения полицией дел об административных правонарушениях при назначении наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2026. № 1 (49). С. 85–90.
2. Денисенко В. В., Мойса О. И., Брюхнов А. А. Особенности применения административного наказания в виде выдворения за пределы Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 2 (113). С. 38–45.
3. Васильева С. В., Федоскин Н. Н. Административное выдворение как мера государственно-властного воздействия на нелегальную миграцию // Вестник экономики и права. 2024. № 95. С. 155–162.

Трансформация правовых оснований прекращения военной службы в условиях современных вызовов: анализ законодательства 2024–2025 годов

Барсков Кирилл Максимович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор рассматривает системные изменения в правовом регулировании порядка пребывания на военной службе, произошедшие в Российской Федерации в 2024–2025 годах. Анализируются новеллы Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», касающиеся предельного возраста пребывания на службе, контрактной системы и правового статуса военнослужащих в период мобилизации. Исследуется проблема коллизии норм военного и трудового права.

Ключевые слова: *военная служба, правовой статус военнослужащего, прекращение контракта, предельный возраст, мобилизация, специальная военная операция, увольнение со службы.*

Правовое регулирование порядка пребывания на военной службе представляет собой динамичную систему, которая в последние два года претерпела фундаментальные изменения. Необходимость адаптации Вооруженных Сил к новым геополитическим реалиям потребовала пересмотра базовых принципов прохождения службы, в первую очередь — механизмов ее завершения. Если ранее законодательство о военной службе тяготело к диспозитивности (возможности увольнения по собственному желанию), то текущая нормативная база демонстрирует явный приоритет императивных начал, направленных на сохранение кадрового ядра армии.

Целью данной статьи является комплексный анализ актуальных изменений в законодательстве РФ, определяющих порядок и основания нахождения граждан на военной службе.

Центральным элементом регулирования остается Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Однако его редакция конца 2024 начала 2025 года существенно скорректировала парадигму пребывания на службе.

Во-первых, законодательно закреплено расширение предельного возраста пребывания на военной службе для отдельных категорий офицеров и высших офицеров. Данная мера направлена на удержание опытных командиров в строю в периоды повышенной интенсивности применения войск. Правовая природа этого ограничения изменилась: если раньше достижение предельного возраста было безусловным основанием для увольнения, то теперь оно рассматривается как повод для проведения аттестации и возможного продления контракта сверх установленных сроков.

Во-вторых, трансформировался институт расторжения контракта по инициативе военнослужащего. Введены жесткие фильтры для реализации права на досрочное увольнение. Основаниями, с которыми связано изменение служебно-правового положения, теперь выступают не только состояние здоровья или семейные обстоятельства, но и результаты профессионально-должностного отбора, а также решение аттестационной комиссии в контексте выполнения задач в зоне боевых действий. Это фактически переводит вопрос увольнения из плоскости субъективного права гражданина в плоскость государственной необходимости.

В-третьих, особое место занимает правовое регулирование пребывания в запасе и призыва на военные сборы. Согласно актуальному законодательству, пребывание в запасе перестает быть пассивным состоянием. В связи с принятием поправок 2024–2025 годов, граждане, пребывающие в запасе, несут расширенные обязанности по поддержанию боевой готовности, включая обязательную явку по электронным повесткам через портал «Госуслуги». Неявка влечет за собой автоматическое применение мер ограничительного характера, что напрямую влияет на правовой статус лица до момента фактического прибытия на сборный пункт.

Важной проблемой остается соотношение специального военного законодательства и Трудового кодекса РФ. Как отмечается в актуальной судебной практике, нормы трудового права могут применяться к правоотношениям, связанным с прохождением военной службы, лишь в исключительных случаях, прямо предусмотренных федеральными законами. Попытки оспаривания приказов об увольнении или переводе через призму защиты трудовых прав наемных работников судами отклоняются, так как военная служба базируется на принципах единоначалия и строгой субординации, несовместимых с трудоправовым равенством сторон.

Отдельного внимания заслуживает интеграция добровольческих формирований в общую систему правового регулирования. Лица, пребывающие в добровольческих формированиях, хотя формально и не являются военнослужащими по контракту в классическом понимании, подпадают под действие специальных актов, определяющих порядок их пребывания в зонах ответственности Минобороны, что стирает границы между статусом комбатанта и гражданского специалиста.

В заключение отмечу, что современное правовое регулирование порядка пребывания на военной службе характеризуется последовательным усилением публичного интереса над частным. Законодательство 2024–2025 годов сформировало закрытый перечень оснований для прекращения службы, где ключевую роль играет дискреция

командования, подтвержденная результатами аттестационных процедур. Дальнейшее развитие отрасли требует выработки четких критериев объективности таких решений для минимизации коррупциогенных факторов и защиты конституционных гарантий при сохранении обороноспособности государства.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в ред. от 02.10.2024, с изм. от 21.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в ред. от 29.05.2024).
3. Положение о порядке прохождения военной службы (утв. Указом Президента РФ от 16.09.1999 № 1237, с актуальными изм. 2024 г.).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.10.2025 № 21 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности.»...

Процедурно-процессуальные аспекты обеспечения законности при изменении срока пребывания на военной службе

Барсков Кирилл Максимович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор проводит анализ административных и судебных процедур, сопровождающих процесс увольнения с военной службы и изменения ее сроков. Рассматривается трансформация подсудности споров, возникающих из порядка пребывания на службе, и специфики доказывания уважительности причин для досрочного прекращения контракта в военных судах.

Ключевые слова: *военный суд, административное судопроизводство, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), дисциплинарная ответственность, аттестация, защита прав военнослужащих, процедура увольнения.*

Порядок пребывания на военной службе определяется не только материальными нормами (кто и сколько служит), но и сложными процессуальными механизмами. Любое изменение служебно-правового положения — будь то продление контракта сверх предельного возраста или досрочное увольнение по состоянию здоровья — должно проходить строгую процедуру легитимации. В 2024–2025 годах произошла существенная корректировка процессуального законодательства, затронувшая компетенцию военных судов и стандарты оценки действий командования.

Правовой режим пребывания на службе неразрывно связан с институтом аттестации. Согласно действующему Положению о порядке прохождения военной службы, именно аттестационная комиссия выступает первичным фильтром, принимающим решение о целесообразности дальнейшего использования военнослужащего. Юридическая значимость выводов комиссии стала абсолютной после вступления в силу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 28.10.2025 № 21. Судебная практика исходит из того, что суды не вправе переоценивать профессиональные качества военнослужащего, оцененные комиссией, если процедура аттестации была соблюдена формально. Бремя доказывания нарушения самой процедуры полностью ложится на административного истца.

Существенные изменения коснулись подсудности дел. В соответствии с актуальными положениями Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) и разъяснениями высшей судебной инстанции, военным судам стали подсудны практически все споры, связанные с изменением служебно-правового положения, даже если они инициированы бывшими военнослужащими в течение короткого срока после исключения из списков личного состава. Это исключает возможность выбора истцом более лояльного суда общей юрисдикции.

Процессуальной гарантией законности пребывания на службе выступает обязательное проведение военно-врачебной экспертизы (ВВК). В 2024 году был обновлен порядок медицинского освидетельствования. Установлена новая градация категорий годности, влияющая на сроки пребывания в строю. Интересной правовой коллизией является ситуация, когда военнослужащий признан ограниченно годным (категория «В»), но отказывается от увольнения, желая продолжить службу на конкретной должности. Законодательно закреплено право командования удовлетворить такую просьбу, однако это создает риски для безопасности (например, при работе со сложной техникой), которые пока не нашли однозначного разрешения в нормативных актах.

Особого анализа заслуживает процедура увольнения в связи с невыполнением условий контракта. Правовое регулирование здесь смещается в сторону упрощения процесса для работодателя в лице Министерства обороны. Досрочное прекращение службы по данному основанию больше не требует обязательного наличия вступившего в законную силу приговора суда, достаточно систематических нарушений воинской дисциплины, зафиксированных актами разбирательств и подтвержденных отрицательной характеристикой аттестационной комиссии. При этом соблюдение принципа состязательности в административном процессе обязывает командование предоставить суду полный массив доказательств негативного влияния поведения военнослужащего на боеготовность подразделения.

Нельзя обойти вниманием и цифровизацию процедур. Внедрение Единого реестра воинского учета изменило порядок уведомления военнослужащих о кадровых решениях. Электронное уведомление, прочитанное в личном кабинете, признается надлежащим извещением о начале процедуры увольнения или перевода, что запускает пресекательные сроки для обжалования данных действий. Это значительно сокращает время на подготовку правовой позиции защитой военнослужащего.

Специфику имеет и регулирование пребывания иностранных граждан на военной службе. Для них установлены иные сроки контрактов и ускоренная процедура увольнения в случае утраты доверия или совершения правонарушения вне рамок исполнения обязанностей, что обусловлено особенностями их миграционного статуса и доступа к сведениям, составляющим государственную тайну.

Подводя итог отмечу, что процедурный аспект правового регулирования пребывания на военной службе эволюционирует в сторону профессионализации судебного контроля при одновременном сужении предмета доказывания для военнослужащего. Акцент смещается с проверки обоснованности решения командира на проверку соблюдения регламента принятия этого решения. Такая модель обеспечивает высокую скорость ротации кадров, но требует внедрения независимых институтов военной адвокатуры для реального выравнивания позиций сторон в военном суде.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025).
2. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».
3. Указ Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 «Вопросы прохождения военной службы».
4. Приказ Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 87 «Об утверждении Инструкции по организации работы по подготовке и проведению аттестации.».. (в ред. 2024 г.).
5. Обзор судебной практики рассмотрения военными судами административных дел, связанных с увольнением с военной службы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.03.2025).

Особенности исследования доказательств различными участниками уголовного судопроизводства

Белая Алёна Алексеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Ястребова Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье анализируются особенности познавательной деятельности различных участников уголовного процесса при исследовании доказательств на досудебной и судебной стадиях. Рассматриваются позиции ученых (Брянской Е. В., Жусипбековой А. М., Комовой Ю. В.) относительно правовой природы исследования доказательств. Обосновывается вывод о том, что, несмотря на различия в процессуальном статусе субъектов, исследование является единым когнитивным этапом доказывания, требующим самостоятельной законодательной регламентации.

Ключевые слова: *исследование доказательств, субъекты доказывания, состязательность, досудебное производство, судебное следствие, УПК РФ.*

Институт доказывания выступает центральным элементом уголовного процесса, а его кульминацией является исследование сведений, полученных сторонами и органами следствия. Исследование доказательств представляет собой урегулированную законом деятельность по их непосредственной проверке, анализу и восприятию с целью установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Именно на этой стадии

собранные сведения проходят строгую проверку на относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Актуальность данной темы трансформируется под влиянием усложнения общественных отношений: от рутинной процедуры познание переходит к сложному творческому процессу, где любая судебная ошибка становится вызовом для всей правовой системы. Основной проблемой современного российского уголовного судопроизводства остается сохранение элементов инквизиционного процесса в условиях формально провозглашенной состязательности, что нарушает баланс между обвинением и защитой.

Анализ трудов ведущих специалистов позволяет выявить специфику участия различных субъектов в этом процессе.

Так, Е. В. Брянская [1] акцентирует внимание на судебном исследовании как ярчайшем проявлении состязательности сторон, отмечая, что полноценная проверка и оценка невозможны без предварительного изучения сущности доказательства. Для суда этот этап носит системный характер, результаты которого ложатся в основу мотивировочной части приговора, однако автор критикует отсутствие у судей четких обоснований результатов исследования, отдаваемых исключительно на «внутреннее убеждение».

Схожей позиции придерживается А. М. Жусипбекова [2], которая детально разграничивает деятельность властных и невластных субъектов на досудебной стадии. По её мнению, для следователя и дознавателя исследование характеризуется камеральностью, обязательностью и внеэтапностью, тогда как для защиты оно фрагментарно, ограничено материалами дела и осуществляется преимущественно через ознакомление с протоколами. Экспертам свойственна строгая формализация и ограниченность вопросами постановления, в то время как специалисты могут исследовать доказательства и непроцессуально.

Ю. В. Комова [3] рассматривает проблему через призму гражданских истцов — юридических лиц, указывая, что организации часто лишены возможности своевременно участвовать в исследовании из-за отсутствия обязанности следователя выявлять основания гражданско-правовой ответственности на ранних этапах, из-за чего их доказательственная база формируется с существенным запозданием.

Несмотря на разницу объектов исследования — будь то судебное заседание, кабинет следователя или интересы юридического лица — авторы приходят к схожим фундаментальным выводам. Все они указывают на искусственность удержания старой трехзвенной модели доказывания (собирание, проверка, оценка), закрепленной в ст. 85 УПК РФ. Исследователи сходятся во мнении, что изучение доказательств не сводится к проверке формы, а представляет собой мыслительную деятельность по проникновению в содержание информации. Без полноценного познания содержания невозможно ни проверить достоверность, ни правильно оценить достаточность совокупности сведений. Отсутствие легальной дефиниции данного этапа приводит к ошибкам правоприменения: утрате информации на следствии, нарушению прав организаций и размыванию границ судебного следствия. Авторы подчеркивают необходимость признания исследования самостоятельным четвертым элементом структуры доказывания, поскольку именно оно предшествует проверке и оценке, позволяя субъектам воспринять форму и содержание предметов, документов и показаний. При этом отмечается, что методы исследования основаны на закономерностях вербальной и невербальной перцепции и требуют привлечения специальных знаний там, где возможностей обычного восприятия недостаточно.

Различия в реализации полномочий обусловлены процессуальным статусом субъекта. Суд и сторона обвинения обладают наиболее широкими пределами исследования, возможностью инициировать экспертизы и вызывать свидетелей, направляя свою деятельность на установление объективной истины. Сторона защиты ограничена доступом к материалам лишь по мере их появления, однако зачастую именно защита выступает инициатором глубокого исследования альтернативных версий, как это видно из примеров назначения сложных комплексных экспертиз. Лица, несущие материальную ответственность за вред, причиненный преступлением, находятся в положении вынужденного ожидания, и их право на исследование доказательств ущемлено инквизиционным уклоном досудебного производства.

На мой взгляд, главная теоретическая коллизия заключается в том, что участники ежедневно исследуют материалы дела, но закон заставляет называть это либо «проверкой», либо частью «собирания». Проблема усугубляется дисбалансом ресурсов: стороне обвинения доступен весь аппарат государства, тогда как защите приходится работать в условиях дефицита времени.

Совершенствование деятельности видится в следующих направлениях:

– Законодательная реформа: внести изменения в ч. 1 ст. 85 УПК РФ, дополнив структуру доказывания термином «исследование».

– Процессуальная детализация: разработать четкие правила ознакомления с делом и закрепить обязанность следователя составлять краткий аналитический отчет об исследовании ключевых доказательств перед предъявлением обвинения.

– Цифровизация: внедрить обязательное использование аудио- и видеофиксации моментов непосредственного изучения вещественных доказательств и создать единую цифровую платформу ознакомления с материалами дела.

– Кадровая политика: усилить подготовку следователей и судей по методике криминалистического анализа.

Таким образом, исследование доказательств едино по своей гносеологической природе, но дифференцировано по форме реализации в зависимости от статуса участника. Только комплексное совершенствование законода-

тельства, внедрение цифровых инструментов контроля и повышение квалификации правоприменителей позволят трансформировать исследование из скрытой интеллектуальной операции в прозрачный процессуальный институт, гарантирующий правосудность итогового решения.

Литература:

1. Брянская Е. В. К вопросу о необходимости законодательной регламентации исследования доказательств как полноправного этапа процесса доказывания / в сборнике Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз (г. Саратов, 3 апреля 2020 г.) / [редкол.: Ю.В. Францифоров (отв. ред.) и др.] ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. — с. 21. https://kalinovsky-k.narod.ru/b1/2020_04_03_saratov.pdf
2. Жусипбекова А. М. Исследование доказательств в досудебном производстве по уголовному делу. https://cyberleninka.ru/article/n/forma-issledovaniya-dokazatelstv-i-ee-sistema/viewer
3. Комова Ю. В. Некоторые особенности доказывания по уголовным делам с участием юридических лиц... / в сборнике Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз (г. Саратов, 3 апреля 2020 г.) / [редкол.: Ю.В. Францифоров (отв. ред.) и др.] ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. — с. 71. https://kalinovsky-k.narod.ru/b1/2020_04_03_saratov.pdf
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

История формирования и развития регламентации преступного бездействия в уголовном законодательстве советского периода

Борлакова Карина Хусеевна, студент магистратуры
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

Научный руководитель: Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проводится анализ исторического генезиса уголовного законодательства РФ в советский период. В частности, проведено исследование преступного бездействия должностных лиц, оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении, несообщение соответствующим учреждениям или лицам об опасном для жизни положении другого лица и т. д.

Ключевые слова: *преступное бездействие, уголовная ответственность, оставление без помощи, советский период, уголовный закон.*

Со слов Г. В. Тимейко, «преступное бездействие — это общественно опасное, противоправное, волевое, сложное и пассивное по своей природе поведение человека, в результате которого не предотвращаются общественно опасные последствия и не достигаются общественно полезные результаты» [2, с. 14].

Преступления в форме бездействия не сразу нашли свое отражение в российской уголовно — правовой системе. Но несмотря на это обстоятельство, отечественное уголовное законодательство о преступном бездействии имеет длительную историю развития. Внимания заслуживает, в частности, уголовное законодательство советского периода.

Так, в соответствии с декретом СНК РСФСР «О борьбе с дезертирством», утвержденным ВЦИК РСФСР 2 февраля 1921 г., ответственность должностных лиц, чье бездействие в отношении дезертирства имело форму преступного попустительства, каралось военным трибуналом. В соответствии с п. «г» ч. 4 вышеуказанного нормативно — правового акта, «нижеследующие категории дел передавать в Революционные Военные Трибуналы фронтов, армий и округов, по принадлежности: а) дезертирство в боевой обстановке; б) дезертирство лиц командного, административного и комиссарского состава; в) дезертирство, отягощенное участием в вооруженных шайках (бандитизм); г) укрывательство, пособ-

ничество и попустительство дезертирству со стороны ответственных должностных лиц; д) участие в шайках, изготовляющих и распространяющих фальшивые воинские документы» [4]. Это являлось своего рода подтверждением того, что уголовное преследование преступного бездействия должностных лиц начинало формироваться практически с истоков.

В послереволюционной России впервые такое преступное деяние, как неоказание помощи больному, было упомянуто в УК РСФСР 1922 г. Уголовная ответственность за данное преступление устанавливалась ст. 163 УК РСФСР 1922 г. [5, с. 542]. В соответствии со ст. 163 УК РСФСР 1922 г.: «1. Оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишенного возможности самосохранения по малолетству, дряхлости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния, если оставивший без помощи был обязан иметь заботу о таком лице, карается -лишением свободы на срок до двух лет. 2. Если оставленное без помощи лицо, лишенное возможности самосохранения, не находилось на попечении оставившего, но последним было поставлено в заведомо опасное для жизни условие, — мера наказания может быть увеличена сроком до трех лет лишения свободы» [1].

Данный состав стал одним из трех составов, которые устанавливали уголовную ответственность за оставление в опасности; несмотря на то, что уголовная ответственность за такого рода преступления существовала и в дореволюционной России, именно советское уголовное законодательство в УК РСФСР 1922 г. упорядочило эти составы, выделив их в отдельные.

Далее обратимся к ст. 165 УК РСФСР 1922 г., которая гласит: «Неоказание помощи больному без уважительной причины лицом, обязанным ее оказывать по закону или по установленным правилам, карается принудительными работами на срок до одного года или штрафом до 500 рублей золотом. Отказ врача в оказании медицинской помощи, если он заведомо мог иметь опасные для больного последствия, карается лишением свободы на срок до двух лет» [1].

Таким образом, в соответствии со ст. 163 УК РСФСР потерпевшим являлось любое лицо, тогда как в соответствии со ст. 165 УК РСФСР 1922 г. потерпевшим являлся только больной. То же касается и субъектов преступления, по первому составу субъект — это лицо, в обязанность которого входила забота о потерпевшем, а по второму составу — лицо, которое было обязано лечить потерпевшего. Так же различаются в этих составах и объективные стороны: оставление без помощи и неоказание помощи больному.

Необходимо отметить, что состав преступления, уголовная ответственность за который устанавливалась ст. 163 УК РСФСР 1922 г., нашел свое отражение в ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности», а состав, заключенный в ст. 165 УК РСФСР, — в ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному».

Уголовная ответственность за преступное бездействие нашла свое отражение и в УК РСФСР 1926 г. Так, например, согласно ст. 156 УК РСФСР 1926 г.: «Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии, лишенного возможности принять меры самоохранения по малолетству, дряхлости, болезни или, вообще, вследствие своей беспомощности, в случаях, если оставивший без помощи обязан был иметь заботу об оставленном и имел возможность оказать помощь, принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф до трехсот рублей» [2].

Проведя сравнительно-правовой анализ статей УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г., содержащих в себе уголовную ответственность за оставление без помощи лица, можно сделать выводы, что в УК РСФСР 1926 г. диспозиция статьи стала более уточненной и санкция снижена. Так как уголовная ответственность в виде лишения свободы в размере до двух лет за основной состав и в размере до трех лет за квалифицированный состав сменилась на принудительные работы сроком до шести месяцев или штраф до трехсот рублей. Причем законодатель упразднил квалифицированный состав в данной уголовно — правовой норме.

Далее рассмотрим преступное бездействие по УК РСФСР 1960 г.

Ст. 127 УК РСФСР 1960 г. гласит: «1. Неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой и явно нетерпящей отлагательства помощи, если она заведомо могла быть оказана виновным без серьезной опасности для себя или других лиц, либо несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи наказывается исправительными работами на срок до шести месяцев или общественным порицанием, либо влечет применение мер общественного воздействия.

2. Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности, в случаях если виновный имел возможность оказать потерпевшему помощь и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни состояние, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года» [3].

В сравнении с таким же составом в предыдущем УК РСФСР 1926 г. законодатель в основном составе изменил ответственность сменив принудительные работы на исправительные и добавив применение мер общественного воздействие, а также вернув в уголовно-правовую норму квалифицированный состав данного преступления.

Также в УК РСФСР 1960 г. остается норма, устанавливающая уголовную ответственность за неоказание помощи больному (ст. 128), и добавляется ст. 129 «Неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие».

Таким образом, мы видим, что преступное бездействие находит свое отражение в советском уголовном законодательстве, видоизменяясь и совершенствуясь на протяжении всего существования советского уголовного законодательства.

Литература:

1. УК РСФСР 1922 г. Режим доступа: URL: https://pravo.by
2. УК РСФСР 1926 г. — URL: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф.С.Р».) — КонсультантПлюс
3. УК РСФСР 1960 г. — Режим доступа: URL: https://pravo.by
4. Декрет СНК РСФСР «О борьбе с дезертирством», утвержденный ВЦИК РСФСР 2 февраля 1921. — Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9469#R3rmOWVZ6rAAzWe5
5. Нуралиева, З. А. История развития отношений, регулирующих ответственность за неоказание помощи больному / З. А. Нуралиева. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2013. № 5 (52). С. 542–544. URL: https://moluch.ru/archive/52/6946.
6. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. — Ростов-н/Д., 1977.

Институт медиации в системе примирительных процедур: барьеры правоприменения и механизмы модернизации

Василенко Борис Николаевич, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье анализируется современное состояние института посредничества (медиации) в российской системе примирительных процедур. Автор констатирует, что принятие процессуальных реформ 2019 года не завершило формирование института, а лишь перевело его в фазу активного поиска баланса между диспозитивностью и публичным контролем. Выявлены системные барьеры, сдерживающие развитие медиации: криминогенные риски нотариального удостоверения соглашений, отсутствие единого квалификационного стандарта, декларативный характер медиативных оговорок. На основе сравнительно-правового анализа и зарубежного опыта предложены механизмы модернизации: наделение нотариусов функциями антиотмывочного контроля, создание Единого государственного реестра медиаторов, наделение медиативной оговорки ограниченным досудебным эффектом, а также ратификация Сингапурской конвенции о медиации.

Ключевые слова: *посредничество, медиация, примирительные процедуры, медиативное соглашение, нотариальное удостоверение, Сингапурская конвенция, альтернативное разрешение споров, судебное примирение.*

Введение

Современный этап развития отечественного права характеризуется активным поиском баланса между государственным правосудием и альтернативными способами разрешения споров. Принятие Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ [2] стало важной вехой, интегрировавшей примирительные процедуры в процессуальные кодексы. Однако институциональное оформление посредничества не означает завершения реформы; напротив, мы наблюдаем ее динамичную фазу, требующую осмысления и корректировки.

Несмотря на формальное закрепление института, статистика его применения остается критически низкой: по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, доля дел, прекращенных в связи с заключением медиативного соглашения, не превышает 0,08–0,1 % от общего числа гражданских и арбитражных споров. Данный разрыв между нормативной базой и правоприменительной практикой свидетельствует о том, что существующая модель нуждается не в декларативном стимулировании, а в создании жесткой инфраструктуры доверия, исполнимости и публичного контроля.

Криминогенные риски и необходимость усиления нотариального контроля

Переломным этапом в развитии внесудебной медиации стало наделение нотариально удостоверенного медиативного соглашения силой исполнительного документа. Данная конструкция позволила сторонам миновать стадию судебного разбирательства при бесспорных обязательствах. Вместе с тем практика выявила существенные правоприменительные риски. Упрощенный порядок придания исполнительной силы стал использоваться недобросовестными участниками оборота для создания искусственной задолженности, вывода активов и внеочередного удовлетворения требований аффилированных кредиторов в процедурах банкротства [5, с. 90; 6, с. 102].

Медиатор, связанный режимом конфиденциальности (ст. 5 ФЗ № 193-ФЗ [1]), и нотариус, являющийся субъектом Федерального закона № 115-ФЗ, оказываются в со-

стоянии нормативной коллизии. Нотариус проверяет дееспособность и законность текста, однако лишен инструментария для верификации реальности первичных правоотношений.

В целях нейтрализации этих рисков представляется необходимым дополнить ст. 12 ФЗ № 193-ФЗ и Основы законодательства РФ о нотариате нормой, обязывающей нотариуса перед удостоверением соглашения проводить проверку сторон по перечню Росфинмониторинга и запрашивать документы, подтверждающие реальность базового обязательства. При наличии обоснованных сомнений нотариус должен быть наделен правом отказать в удостоверении с направлением информации в правоохранительные органы. Такой «превентивный фильтр» сохранит скорость процедуры для добросовестных сторон, но закроет канал для легализации доходов.

Институциональный каркас: реестр и страхование ответственности

Эффективность посредничества напрямую зависит от доверия сторон к фигуре медиатора. Действующая модель множественных реестров, ведущихся саморегулируемыми организациями (СРО), не обеспечивает единого стандарта допуска к процедурам, связанным с судебным утверждением и нотариальным удостоверением. Разрозненность программ подготовки и отсутствие эффективных механизмов дисциплинарной ответственности в СРО снижают общее качество медиативных услуг [8, с. 82].

Для преодоления информационной асимметрии и повышения статуса профессии предлагается закрепить в ФЗ № 193-ФЗ требование о ведении Единого государственного реестра профессиональных медиаторов уполномоченным федеральным органом (Минюстом России). Критериями включения должны стать наличие высшего образования, прохождение специализированной подготовки (не менее 120 часов), отсутствие дисциплинарных взысканий и, что критически важно, обязательное страхование гражданско-правовой ответственности на сумму не менее 1 млн рублей. Страхование не только защитит имущественные интересы сторон в случае нарушения медиатором принципа нейтральности или конфиденциальности, но и создаст финансовый стимул для соблюдения этических стандартов [8, с. 88].

Процессуальные стимулы и статус медиативной оговорки

Серьезным барьером на пути развития коммерческой медиации является фактическая «беззубость» медиативных оговорок. Включение в договор условия о обязательном досудебном урегулировании спора путем медиации не порождает для суда обязанности проверять факт попытки обращения к посреднику. В отличие от претензионного порядка, медиативная оговорка не влечет процессуальных санкций за ее игнорирование, что обесценивает принцип pacta sunt servanda. Примирение не подменяет суд и не умаляет его роли, однако для его реальной работы необходимы процессуальные рычаги [3, с. 54].

Для придания оговорке реального веса предлагается дополнить ст. 135 ГПК РФ и ст. 129 АПК РФ основанием для возвращения искового заявления, если истец не представил доказательств обращения к медиатору. Исключения должны быть предусмотрены лишь для дел, требующих принятия обеспечительных мер, защиты интересов несовершеннолетних, а также случаев, когда ответчик уклоняется от участия. Параллельно целесообразно дополнить ст. 202 ГК РФ нормой о приостановлении течения срока исковой давности на период проведения медиации, что снимет с добросовестной стороны риск «потерять срок» [4, с. 95].

Дополнительным механизмом популяризации, успешно апробированным в Италии и Германии, является введение обязательной первичной информационной встречи с медиатором для отдельных категорий споров (семейные дела с участием детей, корпоративные конфликты). Уклонение от такой встречи без уважительных причин должно влечь возложение судебных расходов на уклонившуюся сторону независимо от итогов дела. Ключевой признак, отграничивающий примирение от юрисдикции, — отсутствие у третьего участника властных полномочий [4, с. 115], поэтому информирование не нарушает принцип добровольности.

Международный вектор: Сингапурская конвенция

Глобализация экономического оборота требует единых стандартов исполнения трансграничных медиативных соглашений. Фундаментальным актом в этой сфере выступает Сингапурская конвенция о медиации 2018 года [9], установившая механизм прямой принудительной исполнимости международных коммерческих соглашений без необходимости их «переигрывания» в национальных судах [7, с. 19].

Для российского бизнеса ратификация Конвенции станет инструментом снижения трансграничных издержек. Однако для имплементации ее положений необходимо введение в Раздел VI АПК РФ новой главы 36.1 «Производство по делам о признании и принудительном исполнении международных коммерческих медиативных соглашений». В главе должны быть определены порядок подачи заявления и исчерпывающие основания для отказа в исполнении, соответствующие ст. 5 Конвенции, включая оговорку о публичном порядке, которая позволит сохранить судебный фильтр в отношении соглашений, направленных на обход императивных норм о банкротстве или антимонопольном регулировании [6, с. 105].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт посредничества в российской системе примирительных процедур обладает сформиро-

ванным нормативным каркасом, однако ему недостает механизмов, обеспечивающих реальную исполнимость и защищенность от злоупотреблений. Эффективность медиации напрямую зависит от того, насколько нормы ФЗ № 193-ФЗ согласованы с процессуальными кодексами, нотариальным и антиотмывочным законодательством.

Преодоление выявленных барьеров требует отхода от исключительно пассивно-добровольной модели. Комплекс мер, включающий наделение нотариусов полномочиями по проверке реальности обязательств, создание Единого реестра медиаторов при Минюсте РФ, наделение медиативной оговорки процессуальными последствиями, а также ратификацию Сингапурской конвенции, позволит трансформировать медиацию из декларативной альтернативы в полноценный, технологичный и надежный элемент системы защиты гражданских прав.

Литература:

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 30. — Ст. 4151.
3. Борисова, Е. А. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: учебное пособие / Е. А. Борисова. — Москва: Городец, 2023. — 216 с.
4. Носырева, Е. И. Альтернативное разрешение споров в Российской Федерации: учебник для вузов / Е. И. Носырева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 312 с.
5. Давыденко, Д. Л. Нотариально удостоверенное медиативное соглашение как исполнительный документ: проблемы и перспективы / Д. Л. Давыденко // Закон. — 2022. — № 9. — С. 85–94.
6. Ярков, В. В. Оспаривание притворных медиативных соглашений в процедурах банкротства / В. В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 11. — С. 100–108.
7. Загайнова, С. К. Сингапурская конвенция о медиации и ее влияние на национальное законодательство / С. К. Загайнова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2022. — № 12. — С. 18–24.
8. Аболонин, В. О. Страхование ответственности медиаторов как фактор института доверия / В. О. Аболонин // Вестник гражданского процесса. — 2023. — Т. 13, № 2. — С. 80–92.
9. Конвенция Организации Объединенных Наций об международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Сингапурская конвенция о медиации): принята в г. Нью-Йорке 20.12.2018 // Организация Объединенных Наций: [официальный сайт]. — URL: https://treaties.un.org (дата обращения: 15.05.2024).

Процессуально-правовые и институциональные механизмы повышения эффективности медиации в цивилистическом процессе

Василенко Борис Николаевич, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье исследуются процессуальные и институциональные барьеры, сдерживающие развитие института посредничества (медиации) в российской системе защиты гражданских прав. Автор подчеркивает, что процессуальная реформа 2019 года не завершила формирование института, а лишь перевела его в фазу активной практической апробации, требующей точечной корректировки. Анализируется декларативный характер медиативных оговорок и предлагается механизм их реального процессуального воздействия через возвращение искового заявления. Обосновывается необходимость создания Единого государственного реестра медиаторов и введения обязательного страхования их ответственности. Рассматриваются экономические стимулы, включая возврат государственной пошлины и институт обязательной информационной встречи.

Ключевые слова: *посредничество, медиация, цивилистический процесс, медиативная оговорка, исковая давность, единый реестр медиаторов, страхование ответственности, примирительные процедуры.*

Введение

Современный этап развития отечественного процессуального законодательства характеризуется активным поиском оптимального баланса между государственным правосудием и альтернативными способами разрешения споров. Принятие Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ стало важнейшей вехой, в ходе которой нормы

о медиации были интегрированы в гражданское, арбитражное и административное судопроизводство. Однако институциональное оформление примирительных процедур не означает завершения реформы; напротив, мы наблюдаем ее динамичную фазу, требующую осмысления правоприменительных проблем и выработки дополнительных стимулов.

Несмотря на формальное закрепление института, статистика его применения остается критически низкой: доля дел, прекращенных в связи с заключением медиативного соглашения, не превышает 0,08–0,1 % от общего числа споров. Данный разрыв свидетельствует о том, что существующая модель нуждается не в декларативном стимулировании, а в создании действенных процессуальных рычагов и институциональных гарантий доверия. Целью настоящего исследования является анализ процессуальных и институциональных механизмов, способных трансформировать медиацию из факультативной альтернативы в полноценный элемент системы защиты гражданских прав.

Процессуальный статус медиативной оговорки и исковой давности

Серьезным барьером на пути развития коммерческой и корпоративной медиации является фактическая «беззубость» медиативных оговорок. Включение в договор условия об обязательном досудебном урегулировании спора путем медиации не порождает для суда обязанности проверять факт попытки обращения к посреднику. В отличие от претензионного порядка, медиативная оговорка не влечет процессуальных санкций за ее игнорирование, что обесценивает принцип pacta sunt servanda. Примирение не подменяет суд и не умаляет его роли, однако для его реальной работы необходимы процессуальные рычаги [1, с. 54].

Для придания оговорке реального веса представляется необходимым дополнить ст. 135 ГПК РФ и ст. 129 АПК РФ основанием для возвращения искового заявления, если сторонами заключено соглашение о применении процедуры медиации и истец не представил доказательств обращения к медиатору. Исключения должны быть предусмотрены лишь для дел, требующих принятия обеспечительных мер, защиты интересов несовершеннолетних, а также случаев, когда ответчик уклоняется от участия. Подобная формулировка сохранит судебную дискрецию и не превратит оговорку в абсолютный барьер доступа к правосудию, но сформирует устойчивую практику соблюдения договоренностей [2, с. 115].

Параллельного решения требует вопрос приостановления течения срока исковой давности. Действующая редакция ст. 202 ГК РФ прямо не называет медиацию в числе оснований приостановления, что создает для добросовестной стороны риск «потерять срок» на период ведения переговоров. Целесообразно дополнить ст. 202 ГК РФ нормой о приостановлении течения срока исковой давности на период проведения процедуры медиации, но не более чем на срок, установленный соглашением сторон (предлагается предельный срок 60 дней). Данная новелла устранит правовую неопределенность и повысит привлекательность внесудебного урегулирования [3, с. 95].

Институциональные гарантии: реестр и страхование ответственности

Эффективность посредничества напрямую зависит от доверия сторон к фигуре медиатора. Действующая модель множественных реестров, ведущихся саморегулируемыми организациями (СРО), не обеспечивает единого стандарта допуска к процедурам, связанным с судебным утверждением и нотариальным удостоверением соглашений. Разрозненность программ подготовки и отсутствие эффективных механизмов дисциплинарной ответственности снижают общее качество медиативных услуг [4, с. 82].

Для преодоления информационной асимметрии и повышения статуса профессии предлагается закрепить в ФЗ № 193-ФЗ требование о ведении Единого государственного реестра профессиональных медиаторов уполномоченным федеральным органом (Минюстом России). Критериями включения должны стать наличие высшего образования, прохождение специализированной подготовки (не менее 120 часов), отсутствие дисциплинарных взысканий и обязательное страхование гражданско-правовой ответственности.

Введение обязательного страхования ответственности профессиональных медиаторов (на сумму не менее 1 млн рублей) выступает не только гарантией защиты имущественных интересов сторон в случае нарушения принципа нейтральности или конфиденциальности, но и создает финансовый стимул для соблюдения этических стандартов. Страховые компании, оценивая риски, объективно будут способствовать отсеву неквалифицированных участников рынка, формируя институт доверия [5, с. 88].

Экономические стимулы и обязательная информационная встреча

Процессуальное законодательство предусматривает возврат части государственной пошлины при утверждении медиативного соглашения в качестве мирового. Однако данный стимул часто не учитывается сторонами на досудебной стадии. Предлагается внести изменения в п. 3 ч. 1 ст. 333.40 НК РФ, увеличив размер возвращаемой пошлины до 100 процентов при урегулировании спора медиацией на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Это создаст прямой финансовый интерес к раннему примирению.

Дополнительным механизмом популяризации, успешно апробированным в Италии и Германии, является введение обязательной первичной информационной

встречи с медиатором для отдельных категорий споров. Уклонение от такой встречи без уважительных причин должно влечь возложение судебных расходов на уклонившуюся сторону независимо от итогов дела. К категориям споров с обязательным информированием целесообразно отнести семейные споры о порядке общения с детьми, корпоративные конфликты при равных долях участия, а также индивидуальные трудовые споры о восстановлении на работе. Ключевой признак, отграничивающий примирение от юрисдикции, — отсутствие у третьего участника властных полномочий [3, с. 115], поэтому информирование не нарушает принцип добровольности, но снимает барьер правового нигилизма.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт посредничества в российской системе примирительных процедур обладает сформированным нормативным каркасом, однако ему недостает механизмов, обеспечивающих реальную процессуальную мотивацию сторон и институциональное доверие к медиаторам. Эффективность медиации напрямую зависит от того, насколько нормы ФЗ № 193-ФЗ согласованы с процессуальными кодексами и налоговым законодательством.

Преодоление выявленных барьеров требует отхода от исключительно пассивно-добровольной модели. Комплекс мер, включающий наделение медиативной оговорки процессуальными последствиями, создание Единого реестра медиаторов при Минюсте РФ, введение обязательного страхования их ответственности, а также реализацию механизма обязательной информационной встречи по отдельным категориям дел, позволит трансформировать медиацию в технологичный и надежный элемент системы защиты гражданских прав. Дальнейшее развитие института должно опираться на эмпирический анализ пилотных проектов и точечную корректировку процессуальных норм, что соответствует современному этапу ongoing-реформирования отечественного судопроизводства.

Литература:

1. Борисова, Е. А. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: учебное пособие / Е. А. Борисова. — Москва: Городец, 2023. — 216 с.
2. Носырева, Е. И. Альтернативное разрешение споров в Российской Федерации: учебник для вузов / Е. И. Носырева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 312 с.
3. Загайнова, С. К. Законодательные инициативы по развитию медиации в цивилистическом процессе / С. К. Загайнова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 10. — С. 15–22.
4. Аболонин, В. О. Страхование ответственности медиаторов как фактор института доверия / В. О. Аболонин // Вестник гражданского процесса. — 2023. — Т. 13, № 2. — С. 80–92.
5. Шамликашвили, Ц. А. Концепция популяризации медиации в РФ: направления реформирования / Ц. А. Шамликашвили // Вопросы правоведения. — 2023. — № 1. — С. 60–68.
6. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 30. — Ст. 4151.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.

Электронный способ заключения договора: самостоятельная форма сделки или фикция письменной формы (сравнительно-правовой аспект)

Василянская Кристина Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается правовая природа электронного способа заключения договора после изменения статей 160 и 434 Гражданского кодекса Российской Федерации в 2019 г. Сопоставлены две позиции: согласно первой, электронная форма является самостоятельной формой сделки, согласно второй, она представляет собой разновидность письменной формы. Проанализированы подходы международных актов, германского и французского права. Обосновано, что российский законодатель выбрал модель функционального эквивалента и закрепил фикцию письменной формы. Предложено уточнить условия, при которых электронная сделка признается совершенной в письменной форме, не вводя в закон третью форму сделки.

Ключевые слова: *форма сделки, письменная форма, электронная форма, фикция письменной формы, функциональный эквивалент, электронный документ, электронная подпись, договор, заключенный дистанционно.*

Большинство договоров, которые граждане и организации заключают на расстоянии, сегодня оформляется без бумаги. Стороны обмениваются электронными письмами, нажимают кнопку согласия на сайте, подтверждают заказ кодом из СМС-сообщения. Долгое время закон не давал ясного ответа на вопрос, соблюдена ли в таких случаях письменная форма. Ответ появился в 2019 г.: абзац второй п. 1 ст. 160 ГК РФ установил, что письменная форма считается соблюденной и тогда, когда сделка совершена с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести ее содержание на материальном носителе в неизменном виде, а требование о подписи выполнено, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю [1]. Тем же законом была изменена редакция п. 2 ст. 434 ГК РФ о заключении договора путем обмена электронными документами [1; 2]. Казалось бы, спор исчерпан. Однако вопрос о том, является ли электронная форма самостоятельной или только разновидностью письменной, после реформы стал обсуждаться еще активнее. От ответа на него зависит, нужны ли Гражданскому кодексу новые нормы и какими они должны быть.

Наиболее последовательно самостоятельность электронной формы отстаивает Л. Г. Ефимова. Ее главный довод связан с природой электронного документа. Он записан не на человеческом языке, а цифровым кодом, и чтобы человек мог его прочитать, документ нужно преобразовать в доступный для восприятия вид. Кроме того, электронный документ может существовать не только как файл, внешне похожий на бумажный документ, но и как программа, которая следит за исполнением договора, реагирует на новые события и показывает актуальное состояние отношений сторон. Еще одно различие касается подписи: при электронном способе заключения договора подпись сторон может вообще отсутствовать, и в этом Л. Г. Ефимова видит самое серьезное отличие от традиционной письменной формы. Ее вывод однозначен: «электронная форма сделки не является разновидностью простой письменной формы», поэтому Гражданский кодекс нужно дополнить специальной нормой о ней [3, с. 132–136].

Сходные предложения встречаются и у других авторов. Я. Г. Бигалиева предлагает определить электронную форму договора как разновидность формы, при которой воля сторон выражается электронными средствами связи и фиксируется в электронном документе, и закрепить это определение в новой ст. 434.1 ГК РФ [4, с. 106]. При этом не учтено, что статья с таким номером в кодексе уже есть и посвящена переговорам о заключении договора. Более осторожна Д. П. Стригунова. По ее мнению, «уже можно вести речь об электронной форме как самостоятельной форме контракта, которая в большинстве случаев может признаваться аналогом (своего рода фикцией) письменной формы договора» [5, с. 163]. В этой формулировке есть внутреннее противоречие. Самостоятельной форме не нужно быть фикцией другой формы, а форма, которая признается письменной в силу фикции, уже не может считаться самостоятельной.

Слабость первой позиции хорошо видна, если обратиться к последствиям. Форма сделки имеет значение прежде всего потому, что ее несоблюдение влечет неблагоприятные последствия: стороны лишаются права ссылаться на свидетельские показания, а в случаях, прямо указанных в законе, сделка признается недействительной (ст. 162 ГК РФ). А. В. Бодиловский справедливо обращает внимание на то, что для правовых последствий имеют значение лишь два состояния: форма либо соблюдена, либо нет. Отсюда он делает вывод, что ни электронную, ни дистанционную форму выделять не требуется [6, с. 109]. Если ввести в кодекс третью форму, придется решать, что будет при ее нарушении. Скорее всего, ответ совпадет с последствиями нарушения письменной формы, и новая категория не даст участникам оборота дополнительных гарантий. Доводы о машинном языке и динамических документах описывают реальные свойства электронных документов, но касаются доказывания содержания договора и его исполнения, а не формы.

Сторонники второй позиции исходят из того, что технология меняет только способ записи текста. А. А. Крыцула пишет: «Возможности для заключения контрактов, которые привносит интернет, чисто технологические, и поэтому такой обмен волеизъявлениями должен относиться к письменной форме». Переход от пера и бумаги к компьютеру он считает естественным развитием способов передачи информации, а не появлением новой формы сделок. Одновременно исследователь обращает внимание на юридическую технику: законодатель прибегнул к правовой фикции, указав, что письменная форма в этих случаях «считается соблюденной» [7, с. 31]. О. С. Гринь приходит к тому же выводу и описывает новую систему так: письменная форма договора теперь существует в двух основных вариантах, когда стороны подписывают один документ или обмениваются документами, и дополняется двумя фикциями: акцептом письменной оферты путем совершения действий и совершением сделки электронными либо иными техническими средствами. По его оценке, реформой введен «еще один случай фикции письменной формы договора» [8, с. 56].

Выбор российского законодателя становится понятнее при сравнении с международными актами. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. [9] не создает электронной формы. Он лишь запрещает отказывать договору в силе на том основании, что при его заключении использовались сообщения данных, и признает требование письменной формы выполненным, если инфор-

мация доступна для последующего использования. Так же построена Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г.: электронное сообщение отвечает требованию о письменной форме, если содержащаяся в нем информация доступна для последующего обращения к ней (ст. 9) [10]. Для России Конвенция действует с 1 августа 2014 г., однако с оговоркой о том, что она применяется только по соглашению сторон. Такой подход называют принципом функционального эквивалента: электронный документ не объявляется письменным, но при соблюдении определенных условий выполняет ту же функцию и влечет те же последствия. Как отмечает О. С. Гринь, после реформы нормы ГК РФ воспроизводят именно это решение, включая требование воспроизводимости информации [8, с. 54, 56].

Национальные правопорядки решают ту же задачу по-разному. Германское гражданское уложение выделяет электронную форму в отдельную категорию (§ 126a): письменную форму можно заменить электронной, но только если документ подписан квалифицированной электронной подписью [10]. Французское право, по данным А. В. Бодиловского, считает электронный договор равнозначным письменному при двух условиях: личность того, кто его заключил, можно надежно установить, а сам документ сохраняется целым и без изменений [6, с. 72]. Первый путь можно назвать формально-техническим: закон указывает конкретный инструмент, без которого форма не соблюдена. Второй путь функциональный: закон называет цель, а средства ее достижения оставляет сторонам. А. В. Бодиловский считает, что «отечественное регулирование схожих вопросов находится где-то между Францией и Германией» [6, с. 73], и с этим можно согласиться. Общие критерии ст. 160 ГК РФ близки к французским, однако аналог собственноручной подписи по-прежнему допускается лишь в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон. Германская модель надежна, но плохо подходит для массового оборота: покупатель интернет-магазина квалифицированной подписью почти никогда не пользуется.

Принять модель фикции еще не значит решить все проблемы. Условия, названные в ст. 160 ГК РФ, сформулированы слишком обобщенно. Требование о возможности воспроизвести содержание сделки на материальном носителе А. В. Бодиловский считает неудачным, поскольку из него неясно, достаточно ли сохранить файл или нужно распечатать документ, а распечатка без подписей сторон юридической силы не имеет. Исследователь предлагает говорить о фиксации содержания сделки на материальном носителе, позволяющей воспроизвести его в неизменном виде [6, с. 101–102]. Л. Г. Ефимова добавляет, что закон фактически требует «перевода» договора с компьютерного языка на язык человека [3, с. 133]. Сложности возникают и с неизменностью текста. Е. А. Летягина отмечает, что электронная сделка «одновременно может иметь статус и подлинника, и копии, а вносимые изменения не всегда могут быть определены во времени» [11, с. 253]. Практическое значение этой проблемы показывает пример, приведенный А. В. Бодиловским: после возникновения спора продавец редактирует текст оферты на сайте, и покупатель уже не может доказать, на каких условиях он присоединился к договору. Поэтому исследователь предлагает включить в число условий соблюдения формы возможность отследить внесение изменений в документ [6, с. 105–106].

Второе условие, достоверное определение лица, выразившего волю, отражает отказ от обязательной подписи. Л. Г. Ефимова формулирует его смысл так: «понятие «аутентифицированный документ» шире понятия «подписанный документ»» [3, с. 135]. Для соблюдения формы важна не подпись сама по себе, а возможность доказать, что документ исходит от определенного лица. Это полностью соответствует логике функционального эквивалента, ведь и собственноручная подпись всегда служила лишь средством подтверждения авторства и согласия с текстом. А. В. Бодиловский видит в реформе смену подхода: форма теперь определяется не инструментом заключения договора, а правовой целью, которую необходимо достигнуть [6, с. 97].

Промежуточной точки зрения придерживается Е. А. Летягина: по ее мнению, на сегодняшний день электронную сделку нельзя во всех случаях приравнивать к письменной. Любопытно, что в обзоре дискуссии она причисляет Л. Г. Ефимову к тем, кто считает электронную форму видом письменной [11, с. 253], тогда как в действительности Л. Г. Ефимова отстаивает ее самостоятельность [3, с. 136]. Такая путаница говорит о том, что спор нередко ведется без четкого разграничения формы сделки, способа ее совершения и средств доказывания.

Проведенный анализ позволяет заключить, что электронный способ заключения договора является разновидностью письменной формы, а точнее, ее фикцией, основанной на принципе функционального эквивалента. Этот выбор российского законодателя согласуется с международными подходами и лучше германской модели подходит для массового оборота. Отдельная электронная форма не нужна, поскольку особенности электронных документов, на которые ссылаются ее сторонники, касаются доказывания и исполнения договора. Вместе с тем фикция работает надежно лишь тогда, когда ясны условия ее применения. Поэтому абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ целесообразно уточнить, указав на фиксацию содержания сделки, исключающую его изменение без следа, и на возможность воспроизвести это содержание в виде, понятном человеку. Для договоров с потребителями полезно также закрепить обязанность продавца или исполнителя направлять контрагенту подтверждение условий договора на носителе, который позволяет хранить информацию и воспроизводить ее без изменений; понятие такого долговременного носителя уже известно праву Европейского союза. Эти меры усилят доказательственную функцию формы, которая исторически была для нее основной, и не потребуют введения в Гражданский кодекс третьей формы сделки.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 2026. — № 24. — Ст. 3099.
2. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 12. — Ст. 1224.
3. Ефимова Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex russica. 2019. № 8 (153). С. 129–137.
4. Бигалиева Я. Г. Место электронного договора в системе частноправовых отношений // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 103–107.
5. Стригунова Д. П. О заключении дистанционных контрактов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 162–165.
6. Бодиловский А. В. Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из договоров, заключенных дистанционно: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2021. 180 с.
7. Крыцула А. А. Соотношение электронной и письменной форм сделок // Российское правосудие. 2023. № 2. С. 30–39.
8. Гринь О. С. Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 49–57.
9. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (Принят в г. Нью-Йорке 28 мая 1996 г. — 14 июня 1996 г. на 29-й сессии ЮНСИТРАЛ) // Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1996 год. Т. XXVII.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1998. С. 319–323.
10. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23 ноября 2005 г.) // Бюллетень международных договоров. — 2018. — № 6.
11. Германское гражданское уложение 1896 г. (Bürgerliches Gesetzbuch / принято Рейхстагом Германской империи) // Reichsgesetzblatt. — 1896. — Nr. 21. — S. 195–615.
12. Летягина Е. А. Электронная форма сделки: теоретические и практические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 251–253.

Сравнительный анализ правового регулирования аренды недвижимого имущества в Российской Федерации и Германии

Виноградова Алёна Владимировна, студент магистратуры
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье сопоставляются основные элементы правового регулирования аренды недвижимого имущества в Российской Федерации и Германии. Исследуются юридическая конструкция договора, объект и форма аренды, распределение обязанностей сторон, арендная плата, последствия смены собственника и прекращение договора. Отдельное внимание уделено найму жилых помещений как сфере повышенной защиты пользователя. Обосновывается вывод о сходстве базовых обязательственных принципов двух правопорядков и о большей детализации германских норм, регулирующих стабильность жилищного найма.

Ключевые слова: *аренда, недвижимое имущество, договор, арендная плата, жилое помещение, наниматель, арендодатель, Российская Федерация, Германия.*

Введение

Аренда недвижимого имущества является одним из основных способов осуществления правомочия пользования вещью без перехода права собственности. Посредством аренды обеспечивается доступ к земельным участкам, зданиям, сооружениям и помещениям, необходимым для проживания и предпринимательской деятельности. Экономическая значимость этого института требует сочетания свободы договора с гарантией устойчивости пользования объектом. Особенно заметно такое требование в жилищной сфере, где прекращение договора или изменение платы непосредственно затрагивает интересы нанимателя.

Российская Федерация и Германия принадлежат к романо-германской правовой семье, поэтому в обоих правопорядках аренда рассматривается как обязательственное отношение, а собственник сохраняет право на вещь. В России общие правила закреплены в главе 34 Гражданского кодекса Российской Федерации, а наём жилого помещения регулируется главой 35. В Германии основным источником выступает Bürgerliches Gesetzbuch, прежде всего §§ 535–580a BGB. При этом германское законодательство подробнее регулирует жилищный наём и устанавливает значительное число императивных гарантий нанимателя.

Цель исследования заключается в выявлении общих черт и различий российского и германского регулирования аренды недвижимости. Сравнение проводится по вопросам юридической конструкции договора, объекта и формы, содержания обязанностей сторон, платы и обеспечения, смены собственника и прекращения договора.

Понятие договора и источники регулирования

По договору аренды арендодатель обязан предоставить имущество арендатору за плату во временное владение и пользование либо во временное пользование [1, ст. 606]. Существенное значение имеет определённость объекта: договор должен позволять установить имущество, передаваемое арендатору [1, ст. 607]. Российская модель распространяет общие положения на разные виды аренды, а специальные правила устанавливаются для проката, аренды транспортных средств, зданий и сооружений, предприятий и финансовой аренды. Наём жилого помещения выделен в самостоятельную конструкцию: наймодатель предоставляет гражданину жилое помещение для проживания за плату [1, ст. 671].

Германское право также исходит из обязанности наймодателя передать вещь во владение и состоянии, пригодном для договорного использования, а наниматель обязан уплачивать согласованную плату. Общая конструкция закреплена в § 535 BGB. Различие между коммерческой арендой и жилищным наймом проявляется не столько в юридической природе договора, сколько в объёме специальных ограничений. Для жилья законодатель ограничивает возможность произвольного повышения платы и прекращения договора, поскольку пользование жилым помещением связано с личной и социальной сферой.

Таким образом, исходные конструкции совпадают: договор является консенсуальным, возмездным и длящимся, а право собственности не переходит к пользователю. Различие состоит в степени детализации специальных прав. Российское право в большей мере оставляет сторонам возможность самостоятельно определить содержание договора, тогда как BGB последовательно дополняет договор императивными гарантиями нанимателя.

Объект, форма и регистрация договора

Объектом аренды в России могут быть земельные участки, здания, сооружения, помещения и иные непотребляемые вещи. Арендодателем выступает собственник либо лицо, управомоченное законом или собственником [1, ст. 608]. Договор аренды на срок более года, а также договор с участием юридического лица независимо от срока заключается в письменной форме. Договор аренды недвижимого имущества подлежит государственной регистрации, если иное не установлено законом [1, ст. 609]. Для аренды здания или сооружения на срок не менее года регистрация договора имеет специальное значение [1, ст. 651].

Договор найма жилого помещения заключается в письменной форме. Обременение права собственности, возникающее из найма жилого помещения на срок не менее года, подлежит государственной регистрации в установленном порядке [1, ст. 674]. Следовательно, российская система связывает длительное пользование недвижимостью с формальными требованиями, которые направлены на публичную достоверность сведений о правах и ограничениях.

В Германии договор найма обычно не требует нотариального удостоверения или государственной регистрации как условия его действительности. Однако если договор о найме на срок более одного года не заключён в письменной форме, он, как правило, считается заключённым на неопределённый срок; для коммерческой недвижимости соответствующее правило применяется через § 578 BGB [2, §§ 550, 578]. Такая конструкция отличается от российской: нарушение формы преимущественно влияет на срок и возможность прекращения договора, но не превращает длительное пользование в недействительное правоотношение.

Содержание обязанностей сторон и плата

Арендодатель обязан своевременно предоставить имущество, соответствующее договору и его назначению, а также обеспечивать возможность пользования им. При обнаружении недостатков арендатор вправе требовать их устранения, соразмерного уменьшения платы или возмещения расходов в зависимости от характера нарушения [1, ст. 611–612]. Арендатор, в свою очередь, должен пользоваться объектом в соответствии с договором, своевременно вносить плату и возвратить имущество после прекращения договора [1, ст. 614, 622]. Расходы на содержание и ремонт распределяются законом и договором, поэтому точное описание объекта и порядка обслуживания имеет существенное практическое значение.

Размер и порядок внесения платы определяются договором. При отсутствии согласованного механизма её изменения одностороннее увеличение платы ограничено законом и условиями договора [1, ст. 614]. В коммерческой аренде стороны обычно свободнее согласуют индексацию, эксплуатационные расходы и обеспечительный платёж. В жилищном найме значение приобретают предсказуемость платежей и защита от необоснованного ухудшения положения нанимателя.

В германском праве базовая обязанность наймодателя поддерживать помещение в состоянии, пригодном для договорного использования, установлена § 535 BGB. Наниматель обязан вносить Mietzins, а при существенных недостатках может требовать уменьшения платы по § 536 BGB. Для жилых помещений закон регулирует отдельные способы изменения платы, включая согласование ступенчатой или индексной платы и повышение до уровня сопоставимой местной платы. В районах с напряжённым рынком жилья первоначальная плата, при наличии предусмотренных законом условий, не должна превышать сопоставимую местную плату более чем на десять процентов [2, § 556d].

Обеспечительный платёж в Германии по общему правилу не может превышать трёх месячных платежей без учёта сумм, относящихся к эксплуатационным расходам, и должен храниться отдельно от имущества наймодателя [2, § 551]. Российское право не содержит столь универсального ограничения для всех договоров аренды, поэтому размер и порядок возврата обеспечения преимущественно определяются соглашением сторон. Это повышает значение добросовестного согласования условий и ясного указания оснований удержания денежных средств.

Смена собственника и прекращение договора

Смена собственника не должна сама по себе разрушать законное пользование объектом. В российском праве переход права собственности или иного вещного права на сданное в аренду имущество не является основанием для изменения или расторжения договора, а новый собственник занимает место арендодателя [1, ст. 617]. Аналогичный принцип выражен в германском праве формулой «Kauf bricht nicht Miete»: приобретатель недвижимости вступает в положение наймодателя при сохранении существующего отношения найма [2, § 566].

Прекращение договора в России возможно по истечении срока, по соглашению сторон, при одностороннем отказе в предусмотренных законом или договором случаях, а также по требованию стороны через суд. Арендодатель может требовать расторжения, в частности, при существенном нарушении условий пользования или невнесении платы; арендатор защищён от прекращения договора без предусмотренного основания [1, ст. 619–620]. Для жилого помещения наниматель вправе расторгнуть договор с письменным предупреждением наймодателя за три месяца, а расторжение по инициативе наймодателя обычно осуществляется в судебном порядке при наличии установленных нарушений [1, ст. 687].

Германское право предоставляет жилищному нанимателю более устойчивое положение. Обычное прекращение найма наймодателем допускается только при наличии законного интереса; прекращение исключительно для повышения платы исключается [2, § 573]. Срочный договор допустим при наличии прямо предусмотренного основания, которое наймодатель сообщает нанимателю [2, § 575]. Для коммерческой аренды действует более гибкий режим, что отражает различие между предпринимательским риском и социальной функцией жилья.

Сравнительная оценка и направления совершенствования

Сопоставление показывает, что российское и германское право исходят из одинаковой основы: аренда предоставляет временное пользование за плату, сохраняет право собственности за арендодателем и возлагает на него обязанность обеспечить пригодность объекта. В обеих системах договор сохраняется при смене собственника, а нарушение обязанностей может повлечь уменьшение платы, возмещение убытков или прекращение договора.

Главное различие выражается в механизмах стабилизации жилищного найма. В Германии такие механизмы образуют относительно целостную систему, включающую предел обеспечения, специальные правила изменения платы, ограничение обычного прекращения договора и требования к срочному найму. В России соответствующие вопросы чаще решаются общими нормами, договором и судебной практикой. Это позволяет учитывать особенности конкретного оборота, но одновременно повышает риск неопределённости для гражданина, который пользуется жильём на длительной основе.

Перспективным направлением для российского законодательства является повышение прозрачности условий индексации и изменения платы, а также закрепление более ясных правил о составе расходов по содержанию объекта. Практическое значение имеет развитие требований к описанию недвижимости, состоянию помещения и процедуре передачи. В жилищной сфере может быть полезна дальнейшая систематизация гарантий нанимателя, однако заимствование отдельных германских решений должно учитывать российскую структуру рынка, уровень доходов и баланс интересов собственника и пользователя.

Заключение

Правовое регулирование аренды недвижимого имущества в Российской Федерации и Германии основано на общих принципах обязательственного права, но различается по степени детализации и императивности специальных норм. Российская модель устанавливает развернутые общие правила об объекте, форме, регистрации, плате и прекращении аренды. Германская модель сочетает общие положения BGB с более плотной системой защиты нанимателя жилого помещения.

Наиболее существенными для сравнительной оценки являются правила о форме длительного договора, сохранении аренды при смене собственника, пределах изменения платы, обеспечительном платеже и основаниях прекращения жилищного найма. Российское регулирование может развиваться в направлении большей пред-

сказуемости платежей, ясного распределения расходов и укрепления гарантий стабильного проживания. При этом совершенствование должно сохранять равновесие между защитой нанимателя, правом собственника распоряжаться имуществом и нормальным функционированием рынка недвижимости.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.10.2026).
2. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Ausfertigungsdatum 18.08.1896; aktuelle Fassung // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 11.10.2026).
3. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.10.2026).
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 5-е изд. М.: Статут, 2000.
5. Витрянский В. В. Договор аренды и его виды. М.: Статут, 1999.
6. Markesinis B. S., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract: A Comparative Treatise. 2nd ed. Oxford: Hart Publishing, 2006.

Анализ судебной практики Российской Федерации по договорам аренды недвижимого имущества

Виноградова Алёна Владимировна, студент магистратуры
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье исследуется современная судебная практика Российской Федерации по спорам, возникающим из договоров аренды недвижимого имущества. Рассматриваются вопросы заключения и государственной регистрации договора, определения объекта аренды, изменения арендной платы, взыскания задолженности, досрочного прекращения договора, возврата имущества и возмещения расходов арендатора. Анализируются правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и подходы арбитражных судов, позволяющие выявить тенденцию к оценке не только буквального содержания договора, но и поведения сторон, добросовестности, фактической передачи объекта и экономического результата обязательства. Обосновывается необходимость более точного согласования условий договора и документального подтверждения всех юридически значимых обстоятельств.

Ключевые слова: *аренда недвижимости, договор аренды, арендная плата, государственная регистрация, расторжение договора, судебная практика, добросовестность.*

Введение

Договор аренды недвижимого имущества сохраняет значение одного из наиболее распространённых инструментов гражданского оборота. Через аренду обеспечивается использование помещений, зданий, сооружений, земельных участков и иных объектов без перехода права собственности к пользователю. Практическая ценность арендных отношений одновременно порождает значительное количество судебных споров. Их причиной становятся неопределённость объекта, несогласованность платы, нарушение порядка пользования, одностороннее изменение условий, задолженность и несвоевременный возврат имущества.

Актуальность исследования определяется тем, что единообразие правоприменения в сфере аренды формируется не только нормами главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации, но и разъяснениями высших судов, а также позициями, выработанными при рассмотрении конкретных дел. При разрешении спора суд устанавливает действительное содержание договорённости сторон, проверяет фактическое исполнение и соотносит последствия нарушения с принципами разумности и добросовестности. Поэтому анализ практики позволяет определить, какие условия договора имеют решающее значение и какие доказательства суды признают достаточными.

Цель статьи состоит в выявлении актуальных подходов российской судебной практики к разрешению споров по договорам аренды недвижимого имущества. Для достижения этой цели рассматриваются нормы гражданского законодательства, разъяснения высших судов и отдельные судебные акты, опубликованные в официальном банке судебных до-

кументов Верховного Суда Российской Федерации. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Определение объекта аренды и заключение договора

Судебная практика последовательно исходит из того, что объект аренды должен быть индивидуализирован таким образом, чтобы из договора можно было установить имущество, подлежащее передаче арендатору. Такое требование вытекает из статьи 607 Гражданского кодекса Российской Федерации. Для недвижимости обычно используются адрес, площадь, этаж, номер помещения, кадастровый номер, технические характеристики и ссылка на план или экспликацию. Отсутствие одного из реквизитов само по себе не всегда означает незаключённость договора, если совокупность условий и последующее поведение сторон позволяют достоверно определить объект [1, ст. 607].

Вместе с тем суды не должны подменять волю сторон предположениями. Когда в одном здании имеется несколько помещений с близкими характеристиками, а договор не содержит сведений о границах или номере объекта, невозможность определить предмет аренды может повлечь вывод о незаключённости договора. Иной подход применяется, если объект фактически передан, арендатор длительное время им пользуется, оплачивает аренду, а арендодатель принимает платежи и предъявляет требования, связанные именно с этим помещением. Такие обстоятельства оцениваются в совокупности с текстом договора и документами передачи, но не устраняют необходимости установить согласованную сторонами недвижимость.

Особое значение имеет разграничение между незаключённостью и недействительностью договора. Незаключённый договор не порождает договорного обязательства вследствие отсутствия соглашения по существенному условию, тогда как недействительная сделка формально совершена, но не соответствует требованиям закона. Неправильная квалификация влияет на предмет доказывания и правовые последствия. В споре о фактическом пользовании помещением суд может взыскать не договорную арендную плату, а неосновательное обогащение, если договор не был заключён, но имущество находилось у ответчика без правового основания.

Для аренды здания или сооружения закон связывает возникновение правового результата с передачей объекта по передаточному акту либо иному документу о передаче, если иное не установлено договором. На практике акт нередко рассматривается не как формальность, а как доказательство состояния объекта, наличия недостатков, состава имущества и момента начала начисления платы. Отсутствие акта не всегда лишает договор силы, если фактическая передача подтверждена перепиской, допуском арендатора, оплатой коммунальных услуг, размещением оборудования и другими доказательствами. Однако отсутствие подробной фиксации состояния объекта осложняет последующие требования о ремонте и возмещении убытков [2, п. 6].

Государственная регистрация и продолжение пользования объектом

Договор аренды недвижимого имущества, заключённый на срок не менее года, подлежит государственной регистрации, если специальным законом не предусмотрено иное. Регистрация направлена на обеспечение публичной достоверности сведений о праве и не должна использоваться недобросовестной стороной как средство уклонения от исполнения уже достигнутой договорённости. В судебной практике разграничиваются вопрос о действительности соглашения между сторонами и вопрос о его противопоставимости третьим лицам.

Если стороны согласовали все существенные условия, арендатор получил объект и исполнял обязательства, суды оценивают отказ от регистрации с учётом поведения каждой стороны. Уклонение от подачи документов может стать основанием для требования о понуждении к государственной регистрации, когда другая сторона исполнила свои обязанности и представила необходимые документы. При этом регистрация не заменяет согласование предмета, срока и платы, а её отсутствие не позволяет автоматически признать любые требования арендатора обоснованными.

Продолжение пользования имуществом после окончания срока договора также требует внимательной оценки. Если арендатор продолжает пользоваться объектом, а арендодатель не возражает, договор может возобновиться на неопределённый срок на условиях, установленных законом и соглашением сторон. Направление уведомления о прекращении пользования, предъявление требования о возврате объекта или обращение в суд свидетельствуют о наличии возражений и препятствуют выводу о продолжении аренды. При разрешении таких споров суд исследует даты уведомлений, доказательства получения корреспонденции и фактические действия сторон.

Арендная плата и задолженность

Наиболее распространённую категорию составляют споры о взыскании арендной платы. Согласно статье 614 Гражданского кодекса Российской Федерации арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом. Размер, сроки и порядок внесения платы определяются договором. Если договор предусматривает фиксированную сумму, суд проверяет период начисления, факт передачи объекта и наличие платежей. Если плата зависит от площади, курса валюты, выручки или показаний приборов, истец должен представить расчёт и документы, позволяющие проверить исходные данные [1, ст. 614].

Судебный подход к изменению арендной платы основан на необходимости соблюдать договорный порядок.

Арендодатель не вправе произвольно заменить согласованную методику расчёта уведомлением или односторонним счётом, если договор не предоставляет ему такого полномочия. Одновременно условие о возможности изменения платы не толкуется изолированно: значение имеют пределы изменения, периодичность, способ уведомления и связь изменения с объективными обстоятельствами. При отсутствии ясного механизма суд может признать требование о дополнительной плате недоказанным.

Важным является вопрос о начислении платы в период, когда арендатор фактически не мог пользоваться объектом. Само по себе временное отсутствие деятельности арендатора, снижение доходов или экономическая невыгодность продолжения бизнеса обычно не прекращают обязанность платить. Иной вывод возможен при доказанности обстоятельств, препятствующих пользованию по причинам, зависящим от арендодателя, либо при наличии недостатков, делающих объект непригодным для согласованной цели. В таких случаях применяются положения о надлежащем состоянии имущества, ремонте и соразмерном уменьшении платы [1, ст. 611, 612].

Показательным для текущей практики является внимание судов к реальному исполнению обязательства и расчёту задолженности. В опубликованном определении Верховного Суда Российской Федерации по делу о взыскании задолженности по договору аренды недвижимого имущества проверялись период пользования, размер заявленной суммы и выводы нижестоящих судов о частичном удовлетворении требований [4]. Данный подход подтверждает, что формального указания на наличие договора недостаточно: взыскание требует установить конкретный период, встречное исполнение и сальдо взаимных расчётов.

Расторжение договора и возврат недвижимости

Досрочное прекращение договора аренды оценивается через содержание договора и характер нарушения. Существенным признаётся нарушение, которое лишает другую сторону того, на что она вправе была рассчитывать при заключении договора. Неуплата арендных платежей, систематические нарушения сроков оплаты, использование объекта не по назначению, существенное ухудшение имущества и отказ от предусмотренного ремонта могут образовывать основания для расторжения. Однако единичное нарушение сроков оплаты не всегда автоматически свидетельствует о существенном нарушении, особенно если задолженность погашена до рассмотрения спора и последствия нарушения незначительны.

При рассмотрении требования о расторжении суды исследуют соблюдение претензионного порядка, если он установлен законом или договором, а также содержание предупреждения о необходимости исполнить обязательство. Уведомление должно позволять понять, какое нарушение допущено, какой срок предоставлен для устранения и какое последствие наступит при бездействии. Неопределённое уведомление или направление его ненадлежащему лицу может стать причиной отказа в иске либо отложить момент прекращения обязательства.

После прекращения договора арендатор обязан вернуть имущество арендодателю в состоянии, в котором получил его, с учётом нормального износа. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 за 2025 год подчёркнуто, что прекращение договора влечёт обязанность возвратить объект, а наличие у арендатора соответствующего разрешения или лицензии само по себе не препятствует удовлетворению требования о возврате земельного участка [3, с. 52]. Для практики это означает, что публичные разрешения и продолжение хозяйственной деятельности не заменяют правового основания владения после прекращения аренды.

Если арендатор не возвращает объект, арендодатель может требовать его возврата и возмещения убытков, включая плату за период просрочки возврата недвижимого имущества, если соответствующие требования подтверждены договором и законом. Размер последствий определяется с учётом фактического состояния имущества, возможности его использования и доказанности убытков. Передаточный акт при возврате имеет такое же значение, как и акт при первоначальной передаче: он фиксирует состояние объекта, наличие повреждений, ключи, оборудование и дату прекращения фактического владения.

Ремонт, улучшения и распределение рисков

Судебные споры о ремонте и улучшениях показывают, что общих ссылок на обязанность содержать имущество недостаточно. Договор должен разграничивать текущий и капитальный ремонт, устанавливать порядок согласования работ, сроки уведомления о неисправностях и последствия бездействия. По общему правилу капитальный ремонт относится к обязанности арендодателя, а текущий ремонт и содержание имущества осуществляет арендатор, если законом или договором не предусмотрено иное [1, ст. 616]. Суд сопоставляет установленное договором распределение обязанностей с характером конкретных работ.

Требование о зачёте расходов на ремонт в счёт арендной платы удовлетворяется при наличии доказательств согласования расходов либо при доказанности того, что арендодатель уклонялся от исполнения своей обязанности после получения уведомления. Самовольное проведение дорогостоящих работ не гарантирует компенсации. Необходимы документы о состоянии объекта, сметы, акты выполненных работ, платежные документы и сведения о том, что улучшения были необходимы для сохранения имущества или его использования по назначению.

Неотделимые улучшения требуют отдельной оценки. Если они произведены с согласия арендодателя, арендатор может претендовать на возмещение стоимости, если договором не установлен иной порядок. При отсутствии согласия расходы, как правило, не компенсируются, а вопрос о результатах проведенных работ разрешается с учётом возможности его отделения без вреда для иму-

щества. Судебная практика тем самым стимулирует стороны заранее фиксировать перечень разрешённых работ, источник финансирования и результат улучшений после прекращения договора.

Современные тенденции правоприменения

Современная практика по договорам аренды недвижимости развивается в направлении индивидуализации оценки каждого спора. Суд не ограничивается проверкой наличия договора, а устанавливает экономическое содержание отношений и последовательность поведения сторон. При этом принцип добросовестности не устраняет обязательность договора и не превращается в основание для освобождения от исполнения без доказательств объективных препятствий. Сторона, ссылающаяся на невозможность пользования, изменение обстоятельств или недействительность условия, должна раскрыть фактическую основу своей позиции.

Другой устойчивой тенденцией является повышение требований к доказательствам. Переписка, электронные сообщения, счета, акты, платежные поручения, документы о допуске в помещение и фотографии могут подтверждать исполнение, но их доказательственное значение зависит от достоверности и связи с конкретным объектом. Суды сопоставляют содержание документов с действиями сторон, поскольку отдельный документ, вырванный из общей последовательности отношений, не всегда отражает действительную волю участников.

Показательным является также стремление судов не допускать необоснованного обогащения одной из сторон. Факт признания договора аренды незаключенным не устраняет обязанность арендатора, осуществлявшего фактическое пользование недвижимым имуществом, компенсировать его стоимость арендодателю. Арендодатель, в свою очередь, не вправе взыскивать договорную плату за период, когда объект недвижимого имущества не был передан либо использование объекта было невозможно по его вине. В каждом случае определяется надлежащее правовое основание взыскания и проверяется соответствие суммы последствиям фактического пользования.

Актуальные материалы Верховного Суда Российской Федерации показывают, что споры об аренде сохраняют межотраслевой характер. В них могут пересекаться нормы гражданского, земельного, градостроительного и процессуального права. При аренде земельного участка суду приходится учитывать разрешённое использование, наличие построек, последствия прекращения договора и обязанность освободить земельный участок. При аренде нежилого помещения дополнительно оцениваются требования к эксплуатации, доступу, коммунальным платежам и соблюдению назначения объекта недвижимого имущества.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что российская судебная практика по договорам аренды недвижимого имущества ориентируется на сочетание требований закона и фактических обстоятельств исполнения обязательств сторон. Определяющими обстоятельствами становятся индивидуализация объекта недвижимого имущества, доказанность его передачи, согласование арендной платы, соблюдение порядка изменения условий, наличие реального нарушения и своевременность возврата недвижимого имущества. Эффективность реализации права на судебную защиту обусловлена не только формально-юридической моделью договора, но и полнотой формирования доказательственной базы, фиксирующей динамику исполнения обязательств. Наиболее эффективным способом предупреждения споров является детальная фиксация объекта в приложениях к договору, описание его состояния и назначения, установление прозрачного механизма расчёта платы, распределение обязанностей по ремонту и определение порядка уведомлений. При возникновении конфликта сторонам необходимо сохранять документы о передаче, платежах, неисправностях, доступе к помещению и переговорах о прекращении договора. Полнота указанной доказательственной базы обеспечивает суду возможность определить действительное содержание и динамику обязательств сторон, что служит основанием для определения адекватных мер гражданско-правовой ответственности. Обобщение правоприменительных тенденций позволяет констатировать, что современная практика не формирует абсолютно формального или исключительно экономического подхода. Она стремится обеспечить баланс интересов собственника и пользователя объекта недвижимого имущества, пресечь недобросовестное поведение и одновременно не допустить взыскания, не подтверждённого фактическим пользованием или договором.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025), утверждённый Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г., с изменениями, внесёнными 19 ноября 2025 г. // Офи-

циальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/reviews/34521/ (дата обращения: 11.10.2026).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2025 г. № 305-ЭС25–7717 по делу № А41–73017/2023 // Банк судебных документов Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2497064 (дата обращения: 11.10.2026).
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 18-КГ25–457-К4 // Банк судебных документов Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2524958 (дата обращения: 11.10.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

Ответственность в семейном праве: теоретико-правовые основы

Волина Екатерина Васильевна, студент магистратуры
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

Статья посвящена комплексному анализу ответственности в семейном праве, раскрывающему её понятие, природу, механизмы реализации, юридические конструкции и правовые режимы. В работе обосновывается отсутствие единой доктринальной дефиниции, выявляются ключевые проблемы нормативной разрозненности и неупорядоченности правоприменения, предлагаются направления совершенствования законодательного регулирования.

Ключевые слова: *семейное право, семейно-правовая ответственность, правонарушение, меры принуждения, имущественная ответственность, личная (неимущественная) ответственность, правовой режим, механизм реализации.*

Семейно-правовая ответственность занимает центральное место среди инструментов защиты прав членов семьи. Без неё стабильность внутрисемейных отношений была бы просто декларацией. Вместе с тем содержание этого института, его структура и реальные механизмы применения по-прежнему вызывают споры в научном сообществе. И это не просто академическая дискуссия. Это проблема, которая напрямую влияет на то, получит ли конкретный ребёнок или супруг защиту в суде.

В научной литературе подчёркивается, что единое определение института семейно-правовой ответственности до сих пор отсутствует [2, с. 81]. Многие исследователи рассматривают её как межотраслевой институт. Ю. М. Савельев формулирует это так: «межотраслевой функциональный институт юридической ответственности в сфере семейно-правовых отношений, обеспечивающий применение к правонарушителю мер личного или имущественного характера» [6, с. 61]. С. О. Карибян при этом констатирует очевидное: «единое понятие в доктрине так и не сложилось» ввиду многогранности явления [1, с. 7]. Представляется, что именно эта терминологическая неопределённость и порождает большинство практических проблем.

В самом общем виде семейно-правовая ответственность понимается как набор мер правового принуждения, которые применяются к участникам семейных правоотношений за нарушение их обязанностей. Меры делятся на два блока. Первый личный, неимущественный, например лишение или ограничение родительских прав. Второй имущественный, взыскание алиментов или компенсация причинённого вреда [8, с. 258–259].

Когда анализируешь существующие подходы, довольно быстро выходишь на одну и ту же проблему. В доктрине нет выработанных критериев, которые позволяли бы уверенно говорить о семейно-правовой ответственности как о самостоятельном институте, а не о производной от гражданско-правовой или административной ответственности. Большинство авторов всё же склоняются к её самостоятельности, аргументируют это сочетанием частноправового и публично-правового принуждения, а также воспитательной функцией, которой нет ни в гражданском, ни в административном праве. Это убедительная позиция, хотя граница между заимствованными и собственными элементами остаётся размытой.

Предметом семейного права выступают имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения между членами семьи [5, с. 864]. Семейное законодательство регулирует весь жизненный цикл семейных обязанностей: возникновение, изменение, прекращение и правовые последствия нарушения. В контексте ответственности это прежде всего отношения, возникающие после совершения семейного правонарушения. Неисполнение родительских обязанностей, уклонение от уплаты алиментов и подобные ситуации влекут применение конкретных санкций к нарушителю.

Метод семейно-правового регулирования принято называть дозволительно-императивным. Суть в сочетании

диспозитивных и императивных норм. С одной стороны, законодатель допускает брачный договор, соглашения об уплате алиментов, другие добровольные механизмы. С другой, ряд предписаний носит жёсткий обязательный характер и не предполагает никаких отступлений. Исследователи обращают внимание на следующее: общие обязанности, например, забота о детях или взаимное содержание супругов, закреплены императивно, зато конкретные формы их исполнения стороны нередко определяют самостоятельно. Современные научные работы фиксируют усиление диспозитивной основы при сохранении ключевых императивных гарантий [5, с. 865]. Это разумная тенденция. Но именно здесь кроется риск — расширение свободы сторон без чёткого контроля может превратить диспозитивность в инструмент уклонения от обязанностей, особенно в ущерб правам детей.

Механизм реализации семейно-правовой ответственности строится на нескольких каналах. Санкции применяются через суды общей юрисдикции и органы опеки и попечительства, а часть вопросов урегулируется напрямую через соглашения между участниками семейных отношений.

На практике этот механизм работает с очевидными нарушениями. К. П. Карибян прямо указывает: «правоприменительная практика свидетельствует об отсутствии необходимого механизма реализации и применения норм, предусматривающих семейно-правовую ответственность» [1, с. 6]. Нормы об ответственности распределены по семейному, гражданскому, административному законодательству. Единого процессуального алгоритма их применения не выстроено. Итог закономерен. Эффективность ответственности снижается, а возможности комплексного реагирования упускаются. Например, лишение родительских прав крайне редко сочетается с параллельным обязательным лечением родителя от алкогольной или наркотической зависимости, хотя именно такое сочетание могло бы дать реальный результат.

В семейном праве меры ответственности делятся на две группы. Личные неимущественные включают лишение и ограничение родительских прав, запрет на усыновление, ограничение общения. Имущественные предполагают взыскание алиментов и возмещение ущерба. А. В. Юрина строит свою дефиницию именно вокруг этого деления, понимая семейно-правовую ответственность как «совокупность личных неимущественных и (или) имущественных мер принуждения… применяемых к лицам, совершившим семейное правонарушение» [8, с. 259]. Такой подход выглядит логично, поскольку охватывает оба регистра воздействия на нарушителя.

По источнику возникновения меры разграничиваются на законные и договорные. Законные меры установлены Семейным кодексом Российской Федерации (СК РФ), а договорные формируются брачным договором или соглашениями.

Отдельно стоит остановиться на делении форм ответственности на прямые и косвенные. Прямые — это то, что прямо закреплено в СК РФ как меры ответственности: лишение родительских прав, запрет усыновления, административное взыскание за неуплату алиментов. Всё это конкретные, поимённо названные инструменты. Косвенные формы работают иначе. Последствия нарушения семейных обязанностей наступают через смежные отрасли: гражданско-правовое возмещение вреда, уголовное преследование за домашнее насилие. На мой взгляд, такое деление удобно теоретически, но на практике создаёт путаницу, потому что человек, столкнувшийся с нарушением своих прав, редко понимает, к какой именно ветви обращаться. Современные исследователи справедливо указывают на то, что применение косвенных санкций не перекрывает возможность одновременного использования собственно семейных мер ответственности [6, с. 60].

Если сопоставить подходы разных авторов, картина получается не очень утешительная. Классификации семейно-правовой ответственности остаются фрагментарными и попросту не успевают за практикой: смешанные формы мер, которые реально применяются судами, в эти схемы не вписываются. Исследования в данной области всё настойчивее подводят к одному выводу — наиболее рабочими оказываются комбинированные меры. Те, что одновременно затрагивают личную и имущественную сферы нарушителя: ограничение родительских прав в связке с удержанием алиментов и обязательным прохождением коррекционной программы. Разрозненные санкции так не работают.

В теории семейно-правовой ответственности есть несколько ключевых конструкций, без которых этот институт не функционирует. Центральная из них — семейное правонарушение. Это не просто бытовое понятие, а юридический состав: совокупность фактических признаков нарушения семейных обязанностей, которая и становится основанием для привлечения к ответственности. Как только состав правонарушения зафиксирован, запускается охранительное правоотношение. У пострадавшей стороны возникает право требовать, у нарушителя — обязанность исполнять (выплатить алименты, возместить ущерб, устранить иные последствия своих действий) [6, с. 60].

Конструкции ответственности не существуют сами по себе. Они встроены в конкретные институты семейного права. Семейное законодательство предусматривает специальные санкции: лишение и ограничение родительских прав, вмешательство органов опеки, назначение вспомогательных выплат. Эти институты задают рамки, внутри которых реализуются семейно-правовые меры. Характерный пример — лишение родительских прав, которое прямо квалифицируется в СК РФ как крайняя мера ответственности родителей. Или алиментное соглашение, будь то добровольный договор или судебное решение о взыскании, оно юридически оформляет имущественную ответственность за ненадлежащее содержание детей.

Семейно-правовую ответственность образуют три взаимосвязанных элемента.

Первый — субъект ответственности, то есть правонарушитель: супруги, родители, иные члены семьи.

Второй — семейное правонарушение как основание ответственности.

Третий — семейно-правовые санкции как её содержание.

Все три элемента объединяются в СК РФ. Нормы Кодекса прямо предусматривают меры принудительного характера, лишающие лиц семейных прав. При этом многие исследователи обращают внимание на специфику этого вида ответственности. И здесь согласится с их позицией. Семейно-правовая ответственность действительно занимает важное место среди других видов, потому что большинство её оснований формально добровольны, а санкции преследуют прежде всего воспитательный, а не карательный эффект.

Режимы ответственности делятся на законные и договорные, а порядок реализации на частный и публичный. Звучит логично. Но именно в этой точке проявляется наиболее острая практическая проблема. Законные режимы жёсткие и не рассчитаны на многообразие современных семейных моделей (неполные семьи, партнёрские союзы, смешанные семьи с детьми от разных браков). Договорные режимы теоретически гибче, но ограничены публичными принципами и потому не дают реального инструмента для перераспределения обязанностей между супругами. Дополнительную сложность создаёт сохраняющееся противоречие между частной автономией и государственным контролем. Публично-правовые механизмы, как правило, начинают действовать уже на стадии обострившегося конфликта, тогда как частноправовые средства не всегда позволяют эффективно урегулировать возникающие разногласия на раннем этапе.

Анализ доктринальных позиций и нормативного материала приводит к выводу, что семейно-правовая ответственность остаётся плохо систематизированным институтом. Единого понимания природы ответственности нет. Критерии семейного правонарушения размыты. Механизм применения мер не унифицирован. Нормы разбросаны по нескольким отраслям права, суды по-разному трактуют уклонение от содержания и по-разному оценивают степень вины родителей. Традиционные классификации — личные и имущественные меры, прямые и косвенные санкции, отражают теоретическую логику, но не то, что реально происходит в судебных делах. Комбинированные меры, объединяющие последствия сразу в нескольких сферах, показывают наибольшую эффективность. Нормативного закрепления они при этом так и не получили.

Выявленные проблемы указывают на необходимость модернизации правового режима ответственности, включая системное закрепление состава семейного правонарушения, разработку единых процедур применения санкций и внедрение гибких, комбинированных механизмов реагирования, учитывающих разнообразие семейных отношений. Перспективным направлением является нормативное закрепление комбинированных мер, переосмысление баланса между публичным контролем и автономией семьи, а также изучение зарубежного опыта для прогнозирования направлений модернизации российского законодательства, включая развитие договорных механизмов, расширение коррекционных мер и интеграцию цифровых инструментов контроля исполнения семейных обязанностей.

Литература:

1. Карибян С. О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография. М., 2018. 192 с.
2. Кудрявцева Л. В., Куемжиева С. А., Масленникова Л. В. Актуальные проблемы семейного права: учеб. пособие. Краснодар, 2019. 105 с.
3. Лейба Л. В., Трус Т. А. Понятие ответственности в семейном праве: материалы II ежегодных международных научно-практических чтений ставропольского института кооперации (филиала) букэп. 2016. С. 156–158.
4. Муратова С. А. Семейное право: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 384 с.
5. Панькова К. В. Предмет и метод семейного права // Молодой ученый. 2014. № 4 (63). С. 864–866.
6. Савельев Ю. М. Взаимосвязь ответственности в семейном праве с иными видами юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. №. 2. С. 59–62.
7. Тихонов В. Н., Гумеров Р. Р. Правовая сущность и отличительные признаки семейно-правовой ответственности // Теория и практика современной науки. 2016. № 12–2 (18). С. 312–315.
8. Юрина А. В. Ограничение и лишение родительских прав как меры юридической ответственности // Молодой ученый. 2017. № 46 (180). С. 258–261.

Доверительное управление цифровыми активами: практические проблемы и направления законодательных изменений

Володькина Екатерина Викторовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Гребеньков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье анализируются проблемы применения норм о доверительном управлении к цифровым активам в России. Рассматривается, насколько традиционная модель договора (глава 53 ГК РФ) совместима с технологической природой криптовалют. На основе обзора судебной практики 2021–2026 годов и положений Федерального закона № 282-ФЗ от 04.08.2026 предлагаются конкретные меры по доработке законодательства для защиты прав инвесторов.

Ключевые слова: *доверительное управление, цифровые активы, криптовалюта, цифровая валюта, судебная практика, защита прав потребителей, блокчейн, мисселинг.*

Введение

Регулирование цифровых активов в России долго оставалось в «серой зоне». Ситуация изменилась с принятием Федерального закона № 282-ФЗ, подписанного 4 августа 2026 года. В законе официально признали цифровую валюту имуществом, а с 1 сентября 2026 года рынок должен стать полностью легальным.

Однако применение норм о доверительном управлении (ДУ) к цифровым активам вызывает серьезные сложности. Глава 53 Гражданского кодекса РФ разрабатывалась для управления недвижимостью, ценными бумагами и иным «классическим» имуществом. Цифровые активы существуют только в виде записей в распределенном реестре, не имеют физической привязки к стране и долгое время находились вне правового поля. Попытка применить старые правила к новым технологиям породила массу практических проблем.

Можно ли передать в доверительное управление то, что не имеет физической основы?

Это первый же вопрос, который возникает у юристов: подпадают ли цифровые активы под статью 1013 ГК РФ? Если формально, то — да. Ведь новый закон называет валюту имуществом.

Но на практике возникает проблема обособления. По закону имущество клиента в доверительном управлении (ДУ) должно учитываться отдельно от имущества самого управляющего. Если с акциями или недвижимостью это сделать просто, то с криптовалютой уже гораздо сложнее. Как именно управляющий должен хранить и учитывать биткоины клиента, чтобы они не смешивались с его собственными? В законе № 282-ФЗ нет таких уточняющих пояснений. Помимо этого, закон лишь упоминает, что управление цифровыми валютами относится к деятельности по их обращению, но не дает ответа на главный организационный вопрос: кто имеет право этим заниматься?

Здесь ситуация проясняется. Согласно части 1 статьи 16 Федерального закона № 282-ФЗ, доверительное управление цифровыми валютами и цифровыми правами вправе осуществлять только управляющая компания или управляющий. Управляющий действует в соответствии с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг», а управляющая компания — в соответствии с Федеральным законом «Об инвестиционных фондах». Законодательство пошло по пути распространения уже существующих моделей регулирования на новый вид активов. Не ясно только, какими именно лицензиями должен обладать управляющий, какие требования к капиталу и кибербезопасности к нему предъявляются? В законе даны лишь общие понятия и рамки, а детали остаются на усмотрении Банка России.

Каким образом суды решают возникающие споры.

Пока законодатель молчит, суды формируют практику, опираясь на общие нормы о защите прав потребителей. За последние пять лет выделились три основные категории дел.

Подмена понятий. Доверительное управление вместо вклада.

Самая массовая проблема — мисселинг. Под этим термином понимается ситуация, когда клиенту продают один финансовый продукт под видом другого, более простого и понятного. В контексте нашей темы это означает продажу договора доверительного управления под видом банковского вклада.

В деле № 2–146/2026 (Советский районный суд г. Омска) клиент пришел в банк за вкладом на 223 000 рублей. В итоге подписал документы на доверительное управление, в следствии чего деньги ушли в стороннюю компанию. Суд признал договор ДУ недействительным, так как воля клиента была направлена именно на открытие вклада. Суд взыскал средства с банка-агента в пользу потерпевшей стороны.

В деле № 2–1190/2026 (Ленинский районный суд г. Нижнего Новгорода) 75-летняя женщина в Почта-Банке вместо вклада оформила договор страхования жизни. Суд встал на сторону пенсионерки, сославшись на то, что она не могла осознать суть сделки. В решении отдельно отметили ссылку на информационное письмо Банка России, осуждающее подобные продажи.

Эти дела показывают общую уязвимость данной системы. Клиенты не считают нужным подробно изучать многостраничные регламенты. Суды их защищают, но делают это уже после того, как люди потеряли доступ к своим деньгам на время разбирательства.

Доходность не гарантирована

Вторая группа споров — жалобы на убытки. В апелляционном определении № 11–6784/2026 (Челябинский областной суд) инвестор передал 550 000 рублей, а через три года получил меньше 200 000. Он потребовал компенсацию, утверждая, что его не предупредили о рисках. Суд отказал. В материалах дела была подпись клиента под документом о рисках. Для судов это решающий аргумент: если процедура раскрытия информации формально соблюдена, падение стоимости активов является риском инвестора, а не виной управляющего. Проблема заключается в том, что подпись под многостраничным документом на практике редко означает реальное понимание рисков.

Как доказать передачу криптовалюты?

Третья категория — самые сложные споры, где фигурируют сами цифровые активы. В деле № 02–10985/2024 (Московский городской суд) клиент пытался оспорить перевод 50 миллионов рублей в ДУ, заявляя о подделке подписи. Экспертиза подтвердила подлинность росчерка, в иске было отказано.

Однако главная сложность даже не в подписях. В отличие от акций, которые хранятся на счетах депо с четкой записью в реестре, криптовалюта — просто запись в блокчейне. Если нет отдельного бумажного акта приема-передачи с указанием конкретного адреса-идентификатора, доказать в суде, что именно эти цифровые монеты были переданы в управление, практически невозможно. Суды часто используют неопределенность статуса актива как самостоятельное основание для отказа в защите прав истца.

Закон № 282-ФЗ: что изменилось, а что осталось прежним

Новый закон — серьёзный шаг. Он вводит понятия «цифровой счёт» и «цифровой депозитарий». Для операций с цифровыми валютами устанавливаются лимиты. Для неквалифицированных инвесторов сумма не должна превышать 300 000 рублей в год через одного посредника. При превышении этой суммы физическому лицу потребуется пройти специальное тестирование у лицензированного посредника.

Отдельного упоминания заслуживает часть 4 статьи 16 Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах». В ней закреплена важная гарантия для учредителей управления. На цифровые валюты и цифровые права, переданные в доверительное управление, не может быть обращено взыскание по обязательствам управляющего. Аналогичное правило действует и в отношении активов одного клиента — по ним нельзя обратить взыскание из-за обязательств другого клиента. Это создает базовую защиту интересов учредителей управления.

Тем не менее, существуют пробелы:

Нет детальных требований к управляющему. Закон говорит, что такая деятельность существует, но не устанавливает конкретных требований к капиталу и системе безопасности.

Нет правил при взломе. Если хакеры украдут активы с кошелька управляющего, будет ли он нести полную материальную ответственность? Прямого ответа в законе нет.

Нет прозрачного учета. Как клиенту проверить баланс своих активов в режиме реального времени, если нет привычного депозитарного учета?

Заключение

Признание цифровой валюты имуществом дало рынку легальный статус, но не решило операционных проблем.

Судебная практика показывает, что главные риски лежат в плоскости защиты потребителя. Чтобы доверительное управление стало безопасным, необходимо:

Внести изменения в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг». Требования к брокерам по части отчётности, раскрытия информации и ответственности должны в полной мере распространиться и на управляющих цифровыми активами. Это создаст единый стандарт для всего рынка ДУ.

Разработать детальные инструкции Банка России. Регулятору следует установить технические требования к хранению ключей, правила идентификации клиентов в блокчейне и порядок действий при технических сбоях.

Закрепить требования к раскрытию информации о рисках. Анализ дел о мисселинге показывает, что формальная подпись под многостраничным документом не означает понимания рисков. Законодательно стоит обязать управляющих раскрывать информацию о рисках в доступной форме, чтобы это было кратко и наглядно, желательно с примерами.

Урегулировать вопрос ответственности при кибератаках. Если активы клиента украдены хакерами, управляющий должен нести ответственность, если не докажет, что принял все разумные меры защиты.

Создать схему, которая будет подтверждать факт передачи цифровых активов. Без документального оформления (акт приема-передачи с указанием адреса-идентификатора) клиент практически не может защитить свои права в суде. Стоит закрепить обязательную форму такого документа.

Без всех этих шагов доверительное управление цифровыми активами останется инструментом с непредсказуемыми правовыми последствиями.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 32. — Ст. 4501.
3. Дендиберя, М. Ю. К вопросу о «мисселинге» как разновидности недобросовестных финансовых операций / М. Ю. Дендиберя. — Текст: непосредственный // Сибирская финансовая школа. — 2020. — № 3. — С. 82–88. — URL: https://sfs.elpub.ru/jour/article/view/123/0
4. Гузнов, А. Г. Особенности правового статуса финансового уполномоченного / А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская. — Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 10. — С. 45–54. — URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/591/0
5. Сарнакова, А. В. Мисселинг: механизмы противодействия и защиты прав потребителей финансовых услуг / А. В. Сарнакова, А. А. Онегова. — Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 6. — С. 145–153. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/misseling-mehanizmy-protivodeystviya-i-zaschity-prav-potrebiteley-finansovyh-uslug
6. Тропина, Ж. Н. Предотвращение мисселинга как мера обеспечения безопасности инвестиционной деятельности физических лиц / Ж. Н. Тропина. — Текст: непосредственный // Национальная безопасность / nota bene. — 2019. — № 4. — С. 1–12. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predotvraschenie-misselinga-kak-mera-obespecheniya-bezopasnosti-investitsionnoy-deyatelnosti-fizicheskih-lits

Исполнение предписаний прокуратуры, органов государственного контроля (надзора) и органов муниципального контроля

Грачев Валентин Олегович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует правовую природу и механизмы исполнения представлений прокурора и предписаний органов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля с учетом изменений законодательства в период 2024 по 2026 гг. Автор приходит к выводу, что предписание контрольного органа к настоящему времени обладает завершенной процедурой исполнения, тогда как порядок исполнения представления прокурора урегулирован лишь в общих чертах и во многом складывается под влиянием судебной практики. Выявлены асимметрия процедур исполнения, риск параллельного реагирования на одно и то же нарушение и несогласованность санкций статей 17.7 и 19.5 КоАП РФ, предложены пути их устранения.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, представление прокурора, акты прокурорского реагирования, предписание, государственный контроль, надзор, муниципальный контроль, обязательность, исполнимость, административное принуждение.*

Система правовых гарантий законности в деятельности органов публичной власти и хозяйствующих субъектов опирается на два самостоятельных, но тесно соприкасающихся механизма: прокурорский надзор и государственный (муниципальный) контроль (надзор). Реформа контрольно-надзорной деятельности, проведенная в 2020 году, сместила приоритет с наказания контролируемых лиц на профилактику и реальное устранение нарушений обязательных требований. Основным правовым средством достижения такого результата стало предписание контрольного (надзорного) органа. Прокурорский надзор законодатель сознательно выводит за пределы государственного контроля (надзора), а сама прокуратура при осуществлении надзора не подменяет иные государственные органы. Тем не менее оба механизма решают общую задачу — выявить нарушение и добиться его устранения, причем для прокурора основным средством остается представление об устранении нарушений закона.

В результате один и тот же поднадзорный субъект может получить властные требования различной правовой природы, исполнение которых подчинено разным правилам. При этом федеральные законы от 28.12.2024 № 540-ФЗ и от 29.12.2025 № 567-ФЗ существенно детализировали порядок исполнения предписаний, тогда как нормы Закона о прокуратуре об исполнении представления не изменялись. Цель работы — сопоставить два механизма исполнения, выявить порождаемые их различиями проблемы и предложить пути их преодоления.

Для анализа представляется необходимым развести два свойства любого властного акта, которые нередко смешиваются: обязательность и исполнимость. Обязательность отражает юридическую силу акта, то есть его способность возлагать на адресата обязанность под угрозой ответственности. Исполнимость характеризует фактическую сторону: может ли адресат реально выполнить требование в отведенный срок. Акт может быть обязательным, но неисполнимым, например, если в нем не указано, какое нарушение следует устранить, или если срок заведомо нереален.

Обязательность требований прокурора закреплена в п. 1 ст. 6 Закона о прокуратуре, который придает безусловную обязательность требованиям, основанным на полномочиях прокурора, а за их неисполнение предусматривает ответственность, конкретизированную в ст. 17.7 КоАП РФ. Представление, вносимое в рамках общего надзора, по мнению автора, следует рассматривать как индивидуальный ненормативный акт прокурора, порождающий у адресата две взаимосвязанные обязанности: рассмотреть акт по существу и принять меры к устранению выявленных нарушений. Содержание этих обязанностей раскрывает п. 1 ст. 24 Закона о прокуратуре: представление «подлежит безотлагательному рассмотрению», и в течение месяца со дня его внесения «должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих» [2].

Обращает на себя внимание, что законодатель говорит именно о принятии мер, а не о полном устранении нарушения. Это позволяет рассматривать возникающую обязанность как обязанность поведения, а не результата: адресат должен совершить конкретные действия, направленные на устранение нарушения, но не всегда обязан завершить его устранение в течение месяца. Вместе с тем закон не определяет ни требований к содержанию представления, ни порядка изменения срока его исполнения. Показательно, что для требований прокурора о предоставлении информации п. 2 ст. 6 Закона о прокуратуре устанавливает конкретные сроки и прямо допускает их продление при объективной невозможности уложиться в срок, однако на представление эта модель не распространена.

Образовавшийся пробел закономерно восполняется судебной практикой. Как показала Т. И. Афанасьева, обобщившая значительный массив судебных актов, исполнимость следует рассматривать как самостоятельное требование к актам прокурорского реагирования, отличное от их обязательности. Суды признают такие акты неисполнимыми, если в них не указаны конкретные меры там, где способ устранения нарушения неочевиден, если акт направлен лицу, которое не в состоянии устранить нарушение, если в нем отсутствует конкретика относительно самого нарушения либо если акт внесен с таким опозданием, что его требования утратили актуальность. Одновременно суды признают за адресатом представления право самостоятельно выбирать способ устранения нарушения, поскольку иное означало бы вмешательство прокурора в его хозяйственную деятельность [4, с. 38–43]. Следовательно, исполнение представления обеспечивается общим принципом обязательности требований прокурора и угрозой административной ответственности, тогда как процедура исполнения остается неформализованной и выстраивается судами применительно к конкретным делам.

Иначе урегулировано исполнение предписания контрольного органа. Оно выдается по итогам контрольного (надзорного) мероприятия при выявлении нарушений обязательных требований (ст. 90 Закона № 248-ФЗ), а ст. 90.1 того же Закона определяет, какие сведения предписание должно содержать по каждому нарушению: в чем оно выразилось и какую норму нарушает, к какой конкретной дате его следует устранить, какие мероприятия для этого рекомендуются и чем подтверждается устранение [3]. Таким образом, те признаки исполнимости, которые для представления прокурора выработаны судами, для предписания прямо закреплены в законе.

Правовая природа предписания в административно-правовой науке определяется преимущественно через категорию принуждения. С. М. Зубарев отмечает, что предписание традиционно рассматривается как форма государственного принуждения, а применение принудительных мер служит одним из критериев, позволяющих отграничить надзорную деятельность от контрольной [6, с. 29–31]. Разделяя этот подход, полагаем, что предписание следует квалифицировать как меру административного принуждения пресекательно-восстановительного характера: оно направлено на прекращение нарушения и восстановление положения, существовавшего до него, а не на наказание контролируемого лица. Обязательность предписания обеспечивается административной ответственностью, а его исполнимость гарантируется законодательными требованиями к содержанию.

Процедура исполнения предписания составляет предмет главы 17 Закона № 248-ФЗ. Если контролируемое лицо по объективным причинам не может уложиться в срок, исполнение может быть отсрочено на период до одного года (ст. 93). По окончании срока контрольный орган проверяет исполнение, как правило, по представленным документам, а при их недостаточности проводит контрольное мероприятие (ст. 95), причем с 2026 года в ряде случаев такое мероприятие не требует согласования с прокуратурой. Если нарушение не устранено, предписание выдается повторно с новым сроком, а при дальнейшем неисполнении контрольный орган вправе обратиться в суд. Новым элементом стало соглашение о надлежащем устранении нарушений (ст. 90.2): если устранение нарушения требует значительных затрат, контролируемое лицо обязуется поэтапно выполнить согласованную с прокуратурой программу, а действие предписания на это время приостанавливается. Представляется, что соглашение не заменяет предписание, а дополняет его: оно меняет лишь порядок и сроки исполнения, сохраняя само властное требование. Следовательно, предписание в настоящее время

обладает завершенным циклом исполнения, в котором императивные начала сочетаются с договорными, а прокуратура участвует в нем через согласование соглашений.

Различаются и способы защиты адресата от незаконного требования. Решения контрольного органа, включая предписание, по общему правилу подлежат обязательному досудебному обжалованию в порядке главы 9 Закона № 248-ФЗ. Жалоба на предписание подается в течение десяти рабочих дней с момента его получения, и контролируемое лицо вправе одновременно ходатайствовать о приостановлении его исполнения. Представление прокурора оспаривается непосредственно в суде, в порядке административного судопроизводства либо в арбитражном суде, а само обращение в суд исполнение представления не приостанавливает. Адресат представления, таким образом, вынужден одновременно оспаривать акт и исполнять его.

Различие механизмов проявляется и в субъектном составе. Предписание адресуется контролируемому лицу, допустившему нарушение обязательных требований. Представление же вносится в орган или должностному лицу, полномочным устранить нарушение, и нередко адресуется самому органу государственного или муниципального контроля, например при его бездействии в отношении известных ему нарушений. С позиции автора, для таких ситуаций более точным инструментом является требование прокурора о проведении контрольного (надзорного) мероприятия, предусмотренное ст. 63 Закона № 248-ФЗ: оно включает прокурорское реагирование в процедуру контроля и не создает для контролируемого лица дополнительной обязанности, не связанной с выданным предписанием.

Сопоставление позволяет выделить три проблемы правоприменения. Первая из них заключается в асимметрии процедур. Адресат предписания располагает законными средствами отсрочить исполнение или перейти к поэтапному устранению нарушения, тогда как адресат представления подобных средств лишен. Между тем значительная часть нарушений, выявляемых прокурорами в жилищно-коммунальной и дорожной сферах, объективно не может быть устранена в течение месяца. В итоге достаточность принятых мер оценивается лишь постфактум — в деле об административном правонарушении.

Вторая проблема состоит в возможности параллельного реагирования на одно и то же нарушение. Одно нарушение обязательных требований может стать основанием и для выдачи предписания, и для внесения представления. Адресат получает две обязанности с разными сроками и рискует быть дважды привлеченным к ответственности — по ст. 17.7 и по ст. 19.5 КоАП РФ — за одно и то же бездействие. Особенно заметна несогласованность, если контрольный орган уже предоставил отсрочку или заключил с контролируемым лицом согласованное с прокуратурой соглашение: представление с месячным сроком в такой ситуации фактически лишает эти решения смысла.

Третья проблема связана с несогласованностью санкций. Для юридического лица умышленное невыполнение требований прокурора влечет штраф от 50 до 100 тысяч рублей либо приостановление деятельности на срок до 90 суток (ст. 17.7 КоАП РФ), тогда как неисполнение предписания по общему составу — штраф от 10 до 20 тысяч рублей (ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ) [1]. При этом для привлечения к ответственности по ст. 17.7 необходимо доказать умысел, а для ч. 1 ст. 19.5 такого условия нет. е. Р. Ергашев и К. А. Асоян обращают внимание на то, что даже санкции ст. 17.7 не обеспечивают должного превентивного эффекта, поскольку для среднего и крупного бизнеса уплата штрафа зачастую обходится дешевле устранения нарушения, и предлагают соотносить размер штрафа с имущественным положением юридического лица [5, с. 105]. Этот довод, по нашему мнению, еще более справедлив применительно к общему составу ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным, во-первых, дополнить ст. 24 Закона о прокуратуре минимальными требованиями к содержанию представления: указанием на нарушенную норму, описанием нарушения, сроком рассмотрения и, если способ устранения неочевиден, перечнем мер, которых ожидает прокурор. Во-вторых, адресату представления необходимо предоставить право мотивированно уведомить прокурора о невозможности устранить нарушение за месяц, а прокурору — обязанность рассмотреть вопрос о новом сроке, по аналогии с механизмом, уже действующим для требований о предоставлении информации и для предписаний. В-третьих, при наличии действующего предписания, отсрочки или соглашения по тому же нарушению прокурору целесообразно реагировать прежде всего в отношении контрольного органа, используя требование о проведении контрольного мероприятия, что следует закрепить в ведомственных актах Генеральной прокуратуры РФ. В-четвертых, требуется согласовать санкции ст. 17.7 и ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ, установив повышенную ответственность за повторное неисполнение и дифференцировав штрафы для юридических лиц.

Таким образом, исполнение предписаний контрольных органов и требований прокурора строится на общем начале — обязательности властного требования, подкрепленной административной ответственностью. Однако в 2024–2026 годах пути развития этих механизмов разошлись: предписание получило подробную процедуру, сочетающую императивные и договорные элементы, тогда как исполнение представления по-прежнему регулируется одной статьей Закона о прокуратуре и практически полностью зависит от судебного толкования.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 04.08.2026) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47, ст. 4472; Российская газета. 25.11.1995. № 229.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (ч. I), ст. 5007; Российская газета. 05.08.2020. № 171.
4. Афанасьева Т. И. Исполнимость как требование к актам прокурорского реагирования (по материалам судебной практики) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3 (91). С. 35–44.
5. Ергашев Е. Р., Асоян К. А. О современных проблемах представления, применяемого при осуществлении надзорной функции прокуратуры // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 101–107.
6. Зубарев С. М. Имеет ли место административное принуждение при осуществлении контроля, квазиконтроля и надзора в сфере государственного управления? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6 (82). С. 23–32.

Функциональное дублирование прокурорского надзора и государственного контроля: понятие и средства предупреждения

Грачев Валентин Олегович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается проблема повторного проверочного воздействия на одно и то же лицо со стороны органов прокуратуры и контрольных (надзорных) органов по тождественным обстоятельствам. Обосновывается, что совпадение объекта проверки не свидетельствует о дублировании, поскольку прокурорский надзор и государственный контроль (надзор) реализуют различные публично-правовые функции. Предложено понятие функционального дублирования, определены его признаки и проведено его отграничение от подмены компетенции. Введена категория надзорной необходимости как критерия допустимости повторного вмешательства, сформулированы предложения по совершенствованию организации прокурорского надзора.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, государственный контроль, надзор, муниципальный контроль, функциональное дублирование, подмена компетенции, надзорная необходимость.*

Действующее правовое регулирование допускает ситуацию, при которой одно и то же лицо по одним и тем же обстоятельствам последовательно становится объектом контрольного (надзорного) мероприятия и прокурорской проверки. Так, контрольный орган по итогам выездной проверки выдает предписание об устранении нарушения обязательных требований, а до истечения срока его исполнения прокурор по обращению о том же нарушении проводит проверку, истребует те же документы и вносит представление аналогичного содержания. Каждый орган действует в пределах своей компетенции, однако повторное вмешательство не влечет нового правового результата и лишь увеличивает нагрузку на проверяемое лицо.

Критерии оценки подобных ситуаций законодательством не установлены. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — Закон № 248-ФЗ) [1] предусматривает механизмы, препятствующие избыточному вмешательству, в том числе принцип соразмерности (ст. 9), межведомственное информационное взаимодействие (ст. 20) и единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ст. 19). Однако прокурорский надзор в силу п. 7 ч. 3 ст. 1 данного закона к государственному контролю (надзору) не относится, и на отношения прокуратуры с контрольными органами эти механизмы не распространяются. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) [2] содержит лишь общий запрет подмены иных государственных органов (п. 2 ст. 21). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17.02.2015 № 2-П [3] связал обоснованность прокурорской проверки, помимо прочего, с невозможностью получить необходимые сведения иным путем, в том числе от компетентных органов. Вместе с тем критерий, позволяющий отграничить обоснованное повторное вмешательство от избыточного, остается неразработанным.

Решение этого вопроса целесообразно начать с определения того, что дублированием не является. Прежде всего, к нему не сводится совпадение объекта проверки: производственный объект, как правило, подпадает под несколько видов государственного контроля (надзора), каждый из которых охраняет самостоятельную ценность и предполагает оценку соблюдения собственных обязательных требований. Не является дублированием и обращение прокурора к обстоятельствам, ранее исследо-

ванным контрольным органом. Органы контроля и их должностные лица отнесены Законом о прокуратуре к поднадзорным субъектам (п. 1 ст. 21), поэтому прокурор вправе оценивать ту же фактическую ситуацию с точки зрения законности действий (бездействия) самого контрольного органа.

Отсюда следует принципиально важный вывод. Конкуренция полномочий внутри системы государственного контроля устраняется нормативным распределением объектов между уровнями публичной власти, а пересечение компетенции подразделений прокуратуры — определением ведущего подразделения. К соотношению прокурорского надзора и государственного контроля такой подход неприменим: речь идет не о конкурирующих полномочиях, а о самостоятельных функциях с различным предметом и юридической целью. Поэтому избыточное повторное вмешательство на данном стыке может быть выявлено лишь путем анализа функции, которую выполняет процедура.

Такое вмешательство предлагается обозначить понятием функционального дублирования, понимая под ним повторное проведение проверочной процедуры, которая по своему содержанию и результату воспроизводит ранее осуществленную деятельность иного органа. Дублирование предполагает одновременное наличие следующих признаков: тождество фактических обстоятельств и проверяемого периода; совпадение разрешаемого правового вопроса; сопоставимость обременений, возлагаемых на проверяемое лицо; отсутствие у повторной процедуры самостоятельного юридического результата. При отсутствии хотя бы одного из них дублирование исключается. В частности, изучение прокурором материалов проведенного контрольного мероприятия не создает для лица новых обременений и дублированием не является.

Функциональное дублирование следует отграничивать от подмены иных государственных органов. Подмена есть нарушение распределения компетенции, при котором прокурор принимает решение, отнесенное законом к ведению другого органа, например, определяет содержание технических мер вместо контрольного органа; такое нарушение возможно и без предшествующей проверки. Дублирование же характеризует несоразмерность вмешательства и может иметь место, даже если прокурор использует исключительно собственные средства реагирования. Так, представление по нарушению, в отношении которого уже выдано и исполняется предписание, подменой не является, однако при отсутствии самостоятельной цели может оказаться избыточным. Смешение этих категорий приводит к тому, что отсутствие подмены ошибочно воспринимается как достаточное обоснование повторного вмешательства.

Поскольку дублирование определяется через отсутствие нового юридического результата, практике необходим и позитивный критерий допустимости повторного вмешательства. Таким критерием может служить надзорная необходимость, то есть самостоятельное правовое основание, обусловливающее потребность именно в прокурорской проверке или мере прокурорского реагирования. Она возникает при наличии сведений о незаконности или неполноте контрольного мероприятия, при выявлении новых обстоятельств, бездействии контрольного органа, проверке исполнения ранее внесенного акта прокурорского реагирования, а также в случаях, когда требуются средства, которыми располагает только прокурор (протест, обращение в суд, возбуждение дела об административном правонарушении).

Данный критерий не ограничивает прокурорский надзор: Закон о прокуратуре не ставит проведение проверки в зависимость от предварительного использования механизмов государственного контроля, и при очевидном нарушении закона прокурор вправе действовать незамедлительно. Вместе с тем выбор между собственной проверкой, истребованием материалов контрольного органа и требованием о проведении контрольного (надзорного) мероприятия является выбором между правомерными вариантами поведения. Именно в таких случаях, как отмечается в литературе, значение приобретают соображения целесообразности, подчиненные в прокурорской деятельности требованиям законности [4, с. 193]. Наличие выбора и обусловливает необходимость его мотивирования.

Применительно к приведенному в начале статьи примеру это означает следующее. В период исполнения предписания прокурорская проверка организации не приведет к новому правовому результату, и достаточно изучить материалы контрольного мероприятия. Иная оценка требуется, если заявитель указывает на ненадлежащее проведение контрольного мероприятия: предметом проверки в этом случае становится законность деятельности самого контрольного органа, и возникающая надзорная необходимость обращена к нему, а не к контролируемому лицу. По тем же основаниям не является дублированием проверка бездействия органа пожарного надзора, не реагирующего на обращения граждан.

На практике встречается и противоположная проблема. Должностное лицо контрольного органа, привлеченное прокурором к проверке в качестве специалиста, нередко фактически проводит контрольные действия (осмотр, отбор проб, инструментальное обследование). Повторного вмешательства здесь нет, однако сведения, по существу являющиеся результатами контрольного мероприятия, получены без гарантий, установленных Законом № 248-ФЗ для контролируемого лица. Д. В. Кочева указывает на отсутствие законодательной регламентации участия специалистов в общем надзоре

[5, с. 215–217]. Представляется, что при необходимости применения специальных методов исследования надлежащим средством является требование прокурора о проведении контрольного (надзорного) мероприятия (ст. 63 Закона № 248-ФЗ).

Предупреждение функционального дублирования возможно в рамках совершенствования организации про-

курорского надзора, без изменения законодательства. Целесообразно закрепить в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора РФ требование об указании в решении о проведении проверки сведений о ранее проведенных по тому же предмету контрольных (надзорных) мероприятиях и мотивов, по которым их результаты признаны недостаточными. Это не сужает компетенцию прокурора, но делает его выбор доступным для оценки вышестоящим прокурором и судом. Организационной основой служит единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, оператором которого является Генеральная прокуратура РФ, а в информационные системы прокуратуры целесообразно встроить уведомление о совпадении объекта, периода и предмета планируемой проверки с мероприятиями, сведения о которых содержатся в реестре. Наконец, сведения, находящиеся в распоряжении государственных органов, следует истребовать прежде всего у этих органов; к проверяемому лицу целесообразно обращаться лишь при отсутствии такой возможности.

Таким образом, проблема избыточного проверочного воздействия на стыке прокурорского надзора и государственного контроля не может быть решена разграничением компетенции, поскольку эти виды деятельности различаются по функциональному назначению и неизбежно пересекаются по объекту. Ее решение связано с использованием понятия функционального дублирования, отграничивающего повторное вмешательство без нового правового результата от правомерной множественности форм обеспечения законности, и с закреплением обязанности мотивировать надзорную необходимость. Такой подход не ослабляет прокурорский надзор, а позволяет сосредоточить его на задачах, которые не могут быть решены иными органами, прежде всего на обеспечении законности деятельности самих контрольных органов.

Литература:

1. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5007.
2. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
3. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «АГОРА» и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 9. — Ст. 1389.
4. Смирнов, А. Ф. Соотношение принципов законности и целесообразности в организации деятельности прокуратуры / А. Ф. Смирнов // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 8 (93). — С. 188–194.
5. Кочева, Д. В. О взаимодействии прокуроров со специалистами при реализации надзорных полномочий вне уголовно-правовой сферы / Д. В. Кочева // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16, № 12 (133). — С. 212–220.

Формы и способы защиты прав акционеров в теории гражданского права

Гюльметова Алина Робертовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются теоретические и практические аспекты применения различных форм и способов защиты прав акционеров. Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования эффективных правовых механизмов, способных обеспечить стабильность корпоративных отношений. В работе подчеркивается комплексный характер системы защиты прав инвесторов, требующий интеграции норм различных отраслей права.

Ключевые слова: *акционерное общество, акционер, формы и способы, защита прав акционеров, нормативное регулирование.*

Forms and methods of protecting shareholders' rights in civil law theory

The article examines the theoretical and practical aspects of employing various forms and methods for protecting shareholders' rights. The relevance of the topic stems from the need to establish effective legal mechanisms capable of ensuring the stability of cor-

porate relations. The study emphasizes the multifaceted nature of the investor rights protection system, which requires the integration of norms from various branches of law.

Keywords: *joint-stock company, shareholder, forms and methods, protection of shareholder rights, regulatory framework.*

Защита прав акционеров (участников) и их охраняемых законом интересов осуществляется в предусмотренном законом порядке, то есть посредством применения надлежащей формы и способов защиты.

В качестве способов защиты прав следует понимать закрепленные законом материально-правовые и процессуальные меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и осуществляется воздействие на правонарушителя.

Понятие способа защиты субъективных прав не имеет легального определения. В законодательстве РФ содержатся лишь перечни конкретных способов защиты, опосредующих те или иные правоотношения. В ст. 12 ГК РФ закреплены универсальные способы защиты гражданских прав, которые в полном объеме применяются и в корпоративных правоотношениях, получая там свою специфическую конкретизацию [1].

Под формой защиты понимается комплекс внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов. Целесообразно разделить формы защиты на судебные и внесудебные.

Под судебной формой защиты подразумевается деятельность уполномоченных государством органов по защите нарушенных или оспариваемых прав. Суть ее заключается в том, что лицо, права и законные интересы которого нарушены неправомерными действиями, обращается за защитой к государственным или иным компетентным органам, которые уполномочены принять необходимые меры для восстановления нарушенного права либо пресечения правонарушения.

Защита прав и интересов участников корпоративных правоотношений может осуществляться и при помощи внесудебных форм защиты, например, при помощи нотариальной защиты, досудебного урегулирования и т. п. Следует иметь в виду, что право на иск в корпоративных отношениях имеют только лица, уполномоченные законом.

По правовому содержанию способы защиты можно разделить условно на две следующие группы: — предупредительные или превентивные с целью недопущения нарушения. Это прежде всего акционерное соглашение; — пресекательные, когда нарушение уже допущено и нужно минимизировать его последствия. Разновидности пресекательных средств защиты: недопущение продолжения нарушения и привлечение к ответственности, в виде наказания и иных видов ответственности.

Инструменты защиты прав участников акционерного соглашения могут включать в себя голосование на паритетных началах, не зависящее от объема принадлежащих им пакетов акций. Кроме того, такое соглашение может предусматривать право вето в отношении отдельных или всех вопросов повестки дня общего собрания.

Лица, допустившие нарушение прав акционеров, привлекаются к дисциплинарной, административной либо уголовной ответственности в соответствии с законодательством РФ (включая КоАП РФ [2] и УК РФ [3]). Независимо от вида ответственности, права акционера подлежат восстановлению в полном объеме, в том числе путем возмещения причиненных убытков и недополученных доходов.

Способы защиты прав акционеров делятся на государственные и негосударственные. В рамках государственной защиты выделяют два ключевых направления: — **Гражданско-правовое:** отстаивание интересов в судебном порядке через подачу исков в арбитражный суд с целью прекратить нарушения и восстановить нарушенные права; — **Административно-правовое:** привлечение регулятора (федерального органа по контролю финансовых рынков) для применения санкций и взысканий к самой компании или ее руководству.

Акционер имеет право оспорить незаконные решения, действия или бездействие контролирующих органов через суд либо в административном порядке. При этом процедура такого обжалования регулируется не Кодексом об административных правонарушениях (КоАП РФ), который предназначен для дел об административных правонарушениях, а положениями Арбитражного процессуального кодекса (АПК РФ) [4], Кодекса административного судопроизводства (КАС РФ) [5] или Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре)» [6].

По заявлению участников акционерного общества органы финансового контроля уполномочены проводить внеплановые проверки эмитента. Основанием для их назначения выступает установленный факт нарушения законных прав акционеров либо обоснованная угроза их возникновения. В случае фиксации нарушений законодательства финансовый регулятор передает соответствующие материалы в правоохранительные органы.

К негосударственным способам защиты относятся:

– защита прав инвесторов и акционеров через саморегулируемые организации. Однако саморегулируемые организации вправе представлять интересы только тех лиц, чьи компании входят в эту организацию;

– **защита через Федеральный общественно-государственный фонд по защите прав вкладчиков и акционеров.** Данная организация осуществляет следующие функции:

– осуществление компенсационных выплат субъектам, понесшим финансовые потери в результате деятельности на рынках капитала.

– представительство и защита имущественных интересов граждан в судебных органах и исполнительном производстве.

– инициирование судебных процессов в отношении лиц, нарушивших права вкладчиков и владельцев акций.

– учет и систематизация сведений о пострадавших гражданах, а также об институтах, ответственных за причинение вреда.

Таким образом, законодательство и нормативные акты, регулирующие деятельность акционерных обществ, устанавливают правила и процедуры защиты интересов акционеров от недобросовестного поведения органов управления и корпоративных олигархических сил. Данные правила предоставляют акционерам доступ к информации о деятельности компании, расширяя защиту их прав, а также защиту их интересов в суде. Судебная практика и судебные решения — основа для развития юридической практики и развитие механизмов защиты акционеров от нарушений их прав. Защита прав акционеров необходимая составляющей развития корпоративной культуры и стабилизации финансового сектора. Для обеспечения защиты интересов акционеров и содействия развитию рынка ценных бумаг необходимо улучшение законодательной и исполнительной практики, а также, развитие современных тенденций в области корпоративного управления.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1, ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
4. Арбитражный процессуальный кодекс от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, № 1, ст. 1391.
6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31, ст. 5007.

Цифровая танатология: проблема квалификации неправомерного доступа к данным умерших людей и цифровой наследственной массе (статья 272 Уголовного кодекса РФ)

Дареева Анастасия Альбертовна, студент магистратуры
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

В статье автор исследует правовые противоречия при квалификации доступа к цифровым данным умерших людей.
Ключевые слова: *цифровая танатология, неправомерный доступ, наследственная масса.*

Цифровая танатология — это новая междисциплинарная область, исследующая феномены смерти, посмертного существования и обращения с цифровыми следами личности в условиях тотальной цифровизации. В центре внимания оказываются так называемые «цифровые останки» (digital remains) — совокупность данных, аккаунтов, переписок, фото, видео, финансовых активов и иных цифровых артефактов, остающихся после смерти пользователя. [7, с.104]

Если касаться вопроса о содержании феномена цифровая танатология, в российской исследовательской литературе И. И. Булычев и Ю. В. Назарова дают такое определение понятия: «Цифровая танатология — это спектр философских проблем, связанных с вопросами цифровой смерти, бессмертия и после смертного существования в виртуальном пространстве, в их социальном, культурном, онтологическом, антропологическом и этическом аспектах». [6, с.57]

Данное определение выражает только аспекты взаимодействия в виртуальном пространстве, но оставляет за скобками изменения, происходящие в «аналоговом» мире, которые также имеют место в связи с технологическими трансформациями. Если принять это определение в качестве рабочего, то получится разделение на две «та-

натологии»: одна имеет значение для окружающей нас реальности, другая — для виртуальной.

Как мы считаем, это определение также не вполне отражает феномен цифровой танатологии, поскольку предлагает выделять танатологию в общем как сферу и способ концептуализации смерти, а уже внутри нее обозначать область цифровой танатологии. Такое терминологическое решение позволит не разделять феномен смерти на то, что происходит в разных реальностях, а рассматривать его в своей целостности, то есть исходим из предпосылки, что смерть обладает единой природой и способом определения вне зависимости от того, в каком пространстве она происходит.

Другое определение, которое дают исследователи Э.Бонойер и М. Гиттон, лучше выражает указанные аспекты: «Мы предлагаем определить кибертанатологию как артикуляцию смерти и других связанных с ней явлений (-танатология) с помощью цифровой сферы и внутри нее (кибер-)». [5, с.80]

Это определение, несмотря на свой абстрактный характер, на наш взгляд, более подходит для анализа явлений как реальных, так и виртуальных, но оно позволяет также анализировать феномены в пересекающемся множестве этих понятий.

Право в России традиционно ориентировано на защиту живых субъектов — их собственности, тайны переписки и физической безопасности.

Статья 272 Уголовного Кодекса РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации») создавалась как инструмент защиты интересов активных пользователей и корпоративных структур. Однако стремительная цифровизация быта породила феномен цифровое наследие (digital legacy) — огромного массива данных, принадлежавших умершим людям.

В данной статье анализируется правовой пробел, возникающий при попытке применить ст. 272 УК РФ к посягательствам на аккаунты, облачные хранилища и цифровые следы умерших лиц (deceased persons). Мы сталкиваемся с ситуацией, когда информация физически существует, имеет ценность, но лишается своего правообладателя, превращаясь в юридическую аномалию.

Для возбуждения уголовного дела по ст. 272 УК РФ необходимо наличие объекта преступления — охраняемой законом компьютерной информации. Закон связывает охрану информации либо с государственным статусом (государственная тайна), либо с волей обладателя (коммерческая тайна, персональные данные, личная тайна).

Проблема первая: угасание воли.

Персональные данные неразрывно связаны с живым субъектом. Согласно ФЗ № 152 «О персональных данных», обработка прекращается со смертью субъекта, если иное не предусмотрено завещанием или законом. Следовательно, классическая защита через призму нарушения конфиденциальности персональных данных перестает работать.

Проблема вторая: отсутствие материального ущерба.

Часть 1 ст. 272 УК РФ требует наступления последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации.

Если злоумышленник взломал аккаунт умершего человека в социальной сети:

– Уничтожил ли он информацию? Нет, она осталась на серверах провайдера.

– Модифицировал ли? Только если опубликовал пост от имени умершего человека.

– Копировал ли? Да, но кому причинен ущерб?

Поскольку честь, достоинство и деловая репутация защищаются только при жизни (за исключением случаев реабилитации или защиты памяти умершего близкими в гражданском порядке) (ст.152 Гражданского Кодекса РФ), уголовный состав часто не образуется из-за невозможности доказать материальный ущерб или вред конкретному живому лицу.

Смерть пользователя стала индустрией. Существуют теневые форумы, где продаются доступы к банковским приложениям умерших, крипто кошелькам без известных ключей восстановления и архивам почты.

Здесь возникает парадокс «неправомерности доступа к «ничейному».

Если лицо подобрало пароль к заброшенной почте человека, о смерти которого оно не знало, а почта не использовалась 10–15 лет:

Был ли нарушен установленный порядок доступа? Формально — да.

Была ли информация «охраняемой»? Владелец сам перестал ее охранять.

Кто является потерпевшим? Наследники зачастую даже не знают о существовании этих активов.

Судебная практика вынуждена применять расширительное толкование, признавая потерпевшими родственников на основании ст. 1112 ГК РФ (наследство включает имущественные права и обязанности). Однако цифровая информация сама по себе часто нематериальна. Взлом облака с семейными фотоархивами квалифицируется по ст. 272 УК РФ, но наказание, например, за «копирование чужих фотографий покойного мужа для сестры» выглядит комически, хотя факт вторжения в частную жизнь семьи налицо.

Квалификация неправомерного доступа к данным умершего человека требует выработки новых правовых и этических стандартов, учитывающих баланс между правами наследников, достоинством умершего и требованиями информационной безопасности. Российское законодательство пока жестко стоит на позиции недопустимости передачи личной переписки по наследству, однако развитие технологий и цифровая трансформация общества делают этот вопрос все более актуальным для юридической науки и практики.

Таким образом, несмотря на развитие технологий и цифровую трансформацию, российское законодательство продолжает защищать право на приватность даже после смерти человека, что создает определенные трудности для передачи цифровых активов по наследству.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 315-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона от 04 августа 2026 г. № 300-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»: в ред. Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 265-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.
5. Бонойер, Э. Кибертанатология: за пределами смерти в цифровую эпоху / Бонойер, Э. — Текст: непосредственный // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. — 2025. — № 1. — С. 80–94.
6. Булычев, И. И. Современные проблемы и перспективы цифровой танатологии: этический / И. И. Булычев. — Текст: непосредственный // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 2021. — № 4. — С. 57.
7. Савушкина, М. А. Этико-философские аспекты цифровой танатологии / М. А. Савушкина. — Текст: непосредственный // Философия и общество. — 2024. — № 1. — С. 104–113.

Институт обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства на территории Российской Федерации и иностранных государств

Дегтярева Елизавета Алексеевна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В научной статье рассматриваются отношение к институту обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства на территории Российской Федерации и зарубежных стран. Далее производится анализ нормы ст. 1190 Гражданского Кодекса Российской Федерации, который регулирует вышеуказанный и анализ зарубежного законодательства. По результатам исследования делается вывод о разных подходах к институту обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства.

The institution of renvoi and the reference to the law of a third state within the territory of the Russian Federation and in foreign states

The scientific article examines the attitude towards the institution of renvoiand the reference to the law of a third state within the Russia Federation and other countries. In then proceeds to analyze Articlt 1190 of the Civil Code of the Russian Federation, which governs these matters, as well as relevant foreign legislation. The study concudes by highlighting the differing approaches to the institution of renvoi and the reference to the law of a third state.

Институт обратной отсылки и отсылки к праву третьего государств на сегодняшний день является одной из самых обсуждаемых и сложных тем в курсе Международного частного права, которая вызывает споры между учёными, поскольку каждый учёный имеет свою точку зрения в части принятия или не принятия института обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства.

На сегодняшний день не только между учёными возникает вопрос о принятии или не принятии обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства, такая же проблема возникает на территории иностранных государств. Например, в Австрии и Германии применяется как институт обратной отсылки, так и отсылка к праву третьего государства. В таких странах как Япония и Венгрия, где есть выбор применять либо обратную отсылку, либо отсылку к праву третьего государства. В законодательстве таких стран как Китай или Бразилия не применяется ни обратная отсылка, ни отсылка к праву третьего государства.

Рассмотрим законодательства таких стран ниже, а также проанализируем законодательство Российской Федерации в части отношения к институту обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства.

В соответствии со статьёй 1190 п. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации «Любая отсылка к иностранному праву в соответствии с правилами настоящего раздела должна рассматриваться как отсылка к материальному, а не к коллизионному праву соответствующей

страны, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи [1].

В качестве примера рассмотрим такую ситуацию гражданин Российской Федерации Иванов Иван постоянно проживал на территории Германии. После смерти гражданина Иванова в суд республики Германии его супругой Фроловой И. Б. было подано исковое заявление о признании завещания недействительным. Судом Республики Германии было принято своё право, однако в соответствии с статьёй 5 частью 1 Вводного закона 1896 г. к Германскому гражданскому уложению «Если имеет место отсылка к праву того государства, гражданином которого лицо является и если оно является гражданином нескольких государств, то применяется право того их этих государств, с которым лицо наиболее тесно связано, в частности, посредством своего обычного местопребывания или ходом своей жизни» [2].

Вышеизложенная ситуация является ярким примером того, каким образом проявляется обратная отсылка, то есть при данной ситуации получилась такая ситуация, что было применено право Германии, однако в соответствии с правом Германии делается отсылка на право именно Российской Федерации.

В качестве страны, где в целом как учёные, так и судьи при вынесении решения относятся положительно как к институту обратной отсылки, так и отсылки к праву третьего государства можно рассмотреть законодательство Австрийской Республики. В этой стране институт регулируется Федеральным законом о международном частном праве.

В соответствии со ст. 5 п. 2 «Если иностранный правопорядок отсылает обратно, то применяются австрийские материальные нормы (правовые нормы, исключая отсылочные нормы); в случае последующей отсылки определяющими, при соблюдении последующих отсылок, являются материальные нормы того правопорядка, который, со своей стороны, далее не отсылает или, соответственно, к которому отсылка производится в первый раз обратно» [3].

Для наглядности можно рассмотреть ситуацию, при которой в Австрийский суд было подано исковое заявление гражданкой Австрии Никоновой Е. Н. о признании недееспособным своего отца гражданина Франции Фролова Е. Г. Австрийским судом была сделана отсылка к Французскому законодательство, поскольку имеется отсылка к личному закону физического лица.

Однако Французское законодательство гласит о том, что в соответствии со ст. 3 Гражданского Кодекса Республики Франции «Законы, касающиеся гражданского состояния и способности [право- дееспособности] лиц, распространяются на французов, даже находящихся в иностранном государстве» [4].

Таким образом получилась точно такая же ситуация как была описана в первой ситуации, Австрийское законодательство делает ссылку на Французское законодательство, поскольку недееспособным является гражданином Франции, однако во Французском законодательстве имеется коллизионная норма, которая делает отсылку к Французскому законодательству.

Как уже было ранее сказано есть ряд стран, где не применятся ни институт прямой отсылки, ни институт обратной отсылки, ни отсылок к праву третьих стран. В качестве примера такой страны можно привести законодательство такой страны, как Бразилия. Борисова А. Н. в своей научной статье «Зарубежная доктрина и законодательство об обратной отсылке» делает отсылку на то, что «Коллизионное регулирование в Бразилии содержится во Вводном законе к Гражданскому Кодексу, принятому 4 сентября 1942 г. № 4. 657. Этот Закон достаточно оригинален, так что законодательство Бразилии по международному частному праву в Латинской Америке относят даже к особой группе. Статья 16 вышеуказанного Закона чётко определяет: «Когда согласно предыдущим статьям следует применить иностранный закон, принимаются во внимание его положения без учёта какой-либо отсылки, сделанной им к другому закону» [5].

Существует ряд веских причин для использования механизма обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства. Прежде всего, коллизионная норма государства, рассматривающего дело, уже достигла основной цели — определение права, применимого к каждому конкретному правоотношению. Следовательно, последующее обращение к коллизионным нормам другого государства способов привести к неопределённости и затягиванию судебных заседаний. Далее, в контексте правового статуса физического лица, нередко проявляется тесная связи с правом другого государства, например, в силу места жительства или гражданства. В таких ситуациях обратная отсылка может способствовать выявлению наиболее подходящего правопорядка.

На сегодняшний день существует несколько основных позиций относительно данного института. Некоторые правовые системы полностью отказываются от применения такой доктрины как revoi, явно исключая с помощью анализа коллизионных норм чужих правопорядков. Иные же государства допускают обратную отсылку, но при этом есть определённые ограничения. Также встречаются страны, которые в некоторых случаях признают возможность отсылки к правопорядку третьего государства.

Международные соглашения также играют определённую роль в решениях суда. В случаях, когда международный документ явно предписывает использование обратной отсылки и отсылки к законодательству другого государства, нормы внутреннего законодательства могут и не быть применимы. Более того, концепция отсылок входит в конфликт с принципом свободы договора: при самостоятельном выборе сторонами регулирующего права, они, как правило, подразумевают определённые материальные нормы, а не вероятность того, что коллизионные нормы выбранного права инициируют последующую отсылку.

Таким образом, концепция отсылки, как к собственной правовой системе, так и к праву другого госу-

дарства, представляет собой не тривиальную техническую задачу, а многогранный инструмент, требующий от юриста тщательного компромисса. Российская правовая система предусматривает сбалансированный подход: основное положение, нацеленное на укрепление правовой определённости, и тщательно выведанный отход от него для тех случаев, когда очевидна тесная связь с правом страны, где рассматривается дело. Будущее развитие данного аспекта, вероятно, будет определяться тенденциями к унификации норм международного частного права и особенностями осуществления положения международных соглашений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Вводный закон к Германскому гражданскому уложению (Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche — EGzBGB). Часть первая [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. — URL: hse.ru
3. Австрия. Законы. О международном частном праве: Федеральный закон от 15 июня 1978 г. // Высшая школа экономики: [сайт]. — URL: https://hse.ru
4. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21 марта 1804 г. (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. — URL: https://www.hse.ru
5. Борисова, А. Н. Зарубежная доктрина и законодательство об обратной отсылке / А. Н. Борисова // Актуальные проблемы российского права. — 2007. — № 2. — С. 504–511.

Правовой механизм исполнения налоговых обязательств в Российской Федерации: современное состояние и перспективы трансформации

Деняпкина Мария Николаевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена теоретико-правовому и практическому анализу современного состояния правового механизма исполнения налоговых обязательств в Российской Федерации. Автором исследуются правовая природа налоговой обязанности, порядок и способы ее добровольного и принудительного исполнения, а также институциональные изменения, произошедшие в связи с внедрением и развитием системы Единого налогового счета (ЕНС) и Единого налогового платежа (ЕНП). Особое внимание уделено обеспечению баланса публичных интересов государства и частных интересов налогоплательщиков, анализу судебной практики и выявлению правовых пробелов в процедурах списания безнадежной задолженности.

Ключевые слова: *налоговое обязательство, налоговая обязанность, исполнение налоговой обязанности, Единый налоговый счет, ЕНС, ЕНП, налоговое администрирование, принудительное взыскание, безнадежная задолженность, Налоговый кодекс РФ.*

Введение

Конституционная обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ) составляет экономическую основу функционирования любого государства. Однако сама по себе норма декларативна без наличия четкого, сбалансированного и эффективного правового механизма её реализации [1].

Правовой механизм исполнения налоговых обязательств представляет собой совокупность юридических норм, институтов и процедур, регулирующих процесс поступления денежных средств от налогоплательщиков в бюджетную систему РФ. В последние годы данный механизм подвергся наиболее масштабной цифровой и процедурной трансформации за всю историю существования современной налоговой системы России. Внедрение института Единого налогового счета (ЕНС) принципиально изменило порядок консолидации и погашения налоговых обязательств.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правовой природы и структуры современного механизма исполнения налоговых обязательств в РФ, выявление ключевых проблем его функционирования и разработка рекомендаций по оптимизации нормативно-правового регулирования.

1. Теоретико-правовая природа налоговой обязанности и ее исполнения

В доктрине финансового права продолжается дискуссия относительно соотношения понятий «налоговая обязанность» и «налоговое обязательство».

Часть исследователей (С. Г. Пепеляев, Н. И. Химичева) традиционно используют термин «конституционная налоговая обязанность», подчеркивая односторонне-властный характер налоговых правоотношений [7,10]. В то же время сторонники концепции «налогового обязательства» (Д. В. Винницкий, М. В. Карасева) указывают на относительный характер взаимодействия налогоплательщика и государства, где публичному долгу налогоплательщика соответствует право требования государства в лице налоговых органов [4,5].

Правовая природа исполнения налоговой обязанности характеризуется следующими ключевыми признаками:

Публично-правовой характер: исполнение осуществляется в интересах всего общества и государства, а не конкретного кредитора.

Императивность и индивидуальная безвозмездность: уплата налога не предполагает получения налогоплательщиком прямого встречного эквивалента.

Денежный характер: согласно ст. 45 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ), налоговая обязанность исполняется исключительно в денежной форме (в валюте РФ) [2].

Структурно правовой механизм исполнения налоговой обязанности включает в себя три основных этапа:

– Установительно-расчетный этап (возникновение объекта налогообложения, исчисление налоговой базы и суммы налога);

– Процедурно-исполнительный этап (перечисление денежных средств в бюджетную систему в установленные сроки);

– Контрольно-обеспечительный этап (проверка полноты и своевременности уплаты, принудительное взыскание в случае неисполнения).

2. Институт единого налогового счета (ЕНС) как новая парадигма исполнения налоговых обязательств

Ключевым этапом модернизации механизма исполнения налоговых обязательств стало введение с 1 января 2023 года института Единого налогового счета и Единого налогового платежа (Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ). Данная реформа фактически изменила правовую модель погашения налоговых долгов [3].

До введения ЕНС исполнение обязанности по каждому налогу носило точечный характер: налогоплательщик формировал отдельные платежные поручения с указанием десятков реквизитов (КБК, ОКТМО, статус плательщика и др.). В новой модели происходит консолидация всех налоговых обязательств на едином «виртуальном кошельке» налогоплательщика в органах Федерального казначейства.

Правовой механизм ЕНС базируется на следующих принципах:

Принцип консолидации сальдо: формирование единого совокупного показателя состоятельности налогоплательщика перед бюджетом (положительное, нулевое или отрицательное сальдо ЕНС).

Принцип строгой последовательности погашения задолженности: п. 8 ст. 45 НК РФ установил четкую очередность списания денежных средств с ЕНС.

Данная очередность имеет важное социальное значение, так как приоритет НДФЛ направлен на обеспечение устойчивости региональных и местных бюджетов.

Однако практическая реализация механизма ЕНС выявила существенную правовую проблему: необходимость подавать Уведомления об исчисленных суммах налогов. В случаях, когда декларация подается позже срока уплаты налога (или не подается вовсе, например, по авансовым платежам), налоговый орган без уведомления не может квалифицировать поступивший на ЕНП платеж и зачесть его в счет конкретного налога.

3. Принудительный механизм и способы обеспечения исполнения налоговых обязательств

В случае, когда добровольный порядок исполнения налоговой обязанности нарушается, вступает в действие принудительный механизм налогового администрирования.

Правовой механизм принудительного исполнения дифференцирован в зависимости от правового статуса налогоплательщика:

– Для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ст. 46, 47 НК РФ): действует бесспорный (внесудебный) порядок взыскания. Налоговый орган направляет поручение в банк на списание средств с расчетных счетов, а при их недостаточности — обращается к судебным приставам-исполнителям для взыскания за счет имущества.

– Для физических лиц, не имеющих статуса ИП (ст. 48 НК РФ): действует приоритет судебного порядка взыскания, гарантирующий конституционные права граждан. Взыскание осуществляется на основании вступившего в законную силу судебного акта (судебного приказа или решения суда).

Обеспечительные меры (гл. 11 НК РФ) служат гарантией исполнения налогового обязательства и включают залог имущества, поручительство, пеню, приостановление операций по счетам в банках и арест имущества.

Связав принудительное взыскание с сальдо ЕНС, законодатель упростил процедуру: выставляется единое требование об уплате задолженности (положив в основу отрицательное сальдо ЕНС), а не отдельные требования по каждому налогу. Это существенно снизило административную нагрузку, однако породило новые риски. При наличии технической ошибки в расчете сальдо ЕНС налоговый орган блокирует сразу всю сумму операций налогоплательщика, что может привести к параличу хозяйственной деятельности субъекта предпринимательства [10].

4. Актуальные проблемы правоприменения и пути их решения

На основе анализа судебной практики и правоприменительной деятельности налоговых органов выделяются две ключевые проблемы действующего механизма:

Проблема соотношения решений суда об отказе во взыскании и процедуры списания безнадежной задолженности (ст. 59 НК РФ)

На практике возникают ситуации, когда налоговому органу отказывают в суде во взыскании налоговой задолженности (например, в связи с пропуском трехлетнего срока исковой давности или срока на подачу заявления). Однако само по себе решение суда об отказе в иске не всегда автоматически приводит к исключению сумм из ЕНС.

Согласно пп. 4 п. 1 ст. 59 НК РФ безнадежной к взысканию признается задолженность, право на взыскание которой утрачено налоговым органом, что подтверждается судебным актом. Если в резолютивной части решения суда первой инстанции четко не указано, что отказ связан именно с утратой права на взыскание, налоговый орган не имеет юридических оснований для вынесения решения о списании этой суммы с ЕНС. В результате возникает тупиковая ситуация: публичная власть не может взыскать долг, но и не может его списать, а налогоплательщик продолжать наблюдать отрицательное сальдо ЕНС.

2. Избыточный формализм и проблемы разъяснения судебных актов

При обращении налоговых органов в суды с заявлениями о разъяснении решений (в порядке ст. 202 КАС РФ / ст. 179 АПК РФ) с целью уточнения, является ли отказ основанием для применения ст. 59 НК РФ, суды нередко отказывают в разъяснении, мотивируя это тем, что решение «понятно и не требует уточнений». Это свидетельствует об отсутствии надлежащего взаимодействия между судебной системой и налоговыми органами в вопросах очистки ЕНС от нереальной к взысканию задолженности [8].

Заключение и предложение

Правовой механизм исполнения налоговых обязательств в РФ находится в фазе активной цифровой трансформации. Переход на ЕНС позволил систематизировать учет налоговых обязательств, однако требует дальнейшего точечного совершенствования законодательства.

По **результатам** исследования предлагается:

Внести изменения в ст. 59 НК РФ: Дополнить перечень оснований признания задолженности безнадежной нормой о том, что вступившее в законную силу решение суда об отказе налоговому органу во взыскании задолженности по любым процессуальным основаниям является безусловным основанием для списания такой задолженности и обнуления соответствующего отрицательного сальдо ЕНС.

Закрепить в ст. 45 НК РФ «Презумпцию добросовестного платежа»: Если денежные средства поступили в бюджетную систему в полном объеме и в установленный срок, но налогоплательщик допустил ошибку в Уведомлении об исчисленных суммах, пени не должны начисляться, так как публичный интерес (поступление средств в бюджет) фактически удовлетворен.

Разработать Совместные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и ФНС РФ по вопросам отражения в судебных актах правовых последствий отказа во взыскании налогов для целей администрирования ЕНС.

Реализация данных предложений позволит укреплять баланс частных и публичных интересов, повысить правовую определенность и защищенность налогоплательщиков при исполнении ими конституционной обязанности по уплате налогов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть I). Ст. 5230.
4. Винницкий Д. В. Налоговое право: учебник для вузов / Д. В. Винницкий. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 458 с.
5. Карасева М. В. Финансовое правоотношение: монография / М. В. Карасева. — М.: Норма, 2021. — 288 с.
6. Кучеров И. И. Налоговое право России: курс лекций / И. И. Кучеров. — М.: Центр ЮрИнфоР, 2020. — 384 с.
7. Пепеляев С. Г. Налоговое право: учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. — М.: Альпина Паблишер, 2022. — 796 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2020. № 153.
9. Тютин Д. В. Налоговое право: курс лекций / Д. В. Тютин // СПС КонсультантПлюс. 2024.
10. Химичева Н. И., Беликов Е. Г. Исполнение налоговой обязанности как условие обеспечения финансовой безопасности государства // Налоговое право. — 2022. — № 4. — С. 12–18.

Перспективы использования статистики органов прокуратуры и поднадзорных ей органов при осуществлении надзора

Дубилин Кирилл Вадимович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В настоящей статье рассматривается вопрос о значении официальной государственной статистической информации, ведения ведомственного статистического учета в органах прокуратуры Российской Федерации и статистической отчетности поднадзорных прокуратуре органов при осуществлении прокурорского надзора.

Ключевые слова: *официальная государственная статистическая информация, ведомственный статистический учет, прокуратура Российской Федерации, Росстат, Росприроднадзор.*

Prospects for using statistics from the Prosecutor's Office and the bodies under its supervision in the exercise of oversight

Dubilin Kirill Vadimovich, master's student
Saratov State Law Academy

This article examines the issue of the significance of official state statistical information, the maintenance of departmental statistical records in the bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, and statistical reporting by bodies supervised by the Prosecutor's Office in the implementation of prosecutorial supervision.

Keywords: *official state statistical information, departmental statistical records, Prosecutor's Office of the Russian Federation, Rosstat, Rosprirodnadzor.*

В России статистика как вид государственной деятельности зародилась в начале XIX века с изданием Высочайшего Манифеста от 8 сентября 1802 года «Об учреждении Министерств» (далее — Манифест) [1]. Согласно Манифесту каждому министру в конце года надлежало подавать через Правительствующий Сенат письменный отчет об управлении вверенных ему частей, исключая дела секретные. Манифест предусматривал, что отчет должен был содержать в себе сведения о том, сколько израсходовано денежных средств, выделенных на содержание частей, какие результаты достигнуты частями, каково их состояние и что будет свершаться в будущем. С этого момента статистика стала неотъемлемой частью всей государственной деятельности. По мере становления государственного аппарата её применение становилось всё более обширным. Она прошла путь от средства осведомления руководства страны и общества о протекающих процессах, до способа оценки результативности и эффективности деятельности органов государственной власти [2].

В свою очередь, сегодня официальная статистическая информация, будучи документированными сведениями, выражающими количественные показатели о массовых общественных процессах, как и на всём протяжении своего существования, позволяет выявлять отрицательную или положительную динамику в деятельности государственных органов, а также осуществлять прогнозирование и оценку результатов проводимых реформ [3]. Официальный статистический учет в Российской Федерации ведет специально-уполномоченный орган — Федеральная служба государственной статистики (далее — Росстат). Исходя из полномочий Росстата, видится возможным заключить, что его назначением является предоставление населению и органам государственной власти официальной статистической информации, а также разработка методологии её получения [4]. Однако информация, предоставляемая Росстатом, дает понимание об общих результатах, достигнутых государственными органами по итогам их деятельности.

Так, сам Федеральный закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» указывает на то, что под официальной статистической информацией надлежит понимать сведения о социальных явлениях, носящих массовый характер, указывая на процессы экологического, демографического, экономического и иного общественного характера.

Таким образом, официальная статистическая информация, предоставляемая Росстатом, позволяет сделать вывод о макросоциальных процессах, указав на проблемные с общественной точки зрения направления деятельности органов государственной власти.

Для органов прокуратуры данная информация может служить «маркером» определения приоритетных направлений надзора. Однако с точки осуществления непосредственно надзорной деятельности более интересной представляется иной вид статистики — ведомственная статистика.

У ведомственной статистики отсутствует законодательно закрепленное понятие, что объясняется её самостоятельным ведением каждым из органов, и, как правило,

самостоятельным её пониманием, отражённым в подзаконных актах. Как и Росстат, при ведении ведомственной статистики органы государственной власти полагаются на получаемые ими данные. Однако в отличии от статистических данных, получаемых Росстатом, как правило, источником этих данных являются результаты деятельности каждого из органов, его территориальных подразделений или подконтрольных (поднадзорных) объектов.

Рассмотрим ведомственную статистику органов прокуратуры Российской Федерации. Так, в органах прокуратуры ведется постоянный статистический учет [5]. Формы ведения статистического учета и порядок его ведения утверждаются, как правило, отдельными нормативно-правовыми актами прокуратуры. Одной из задач ведомственного статистического учета является: «формирование, представление и обработка статистических данных, характеризующих состояние надзорной и иных направлений деятельности органов прокуратуры». В результате получаемые при ведении ведомственной статистики сведения позволяют выявить положительный опыт и недостатки в деятельности отдельно взятых прокуратур.

Отдельного упоминания в этом свете заслуживает система Государственной автоматизированной правовой статистики [6]. Ученые отмечают, что значение данной системы заключается в ускорении процесса получения прокуратурами субъектов и вышестоящими прокуратурами необходимой статистической информации о деятельности подчиненных подразделений. Система также позволяет осуществлять текущий контроль за деятельностью отдельно взятого работника и оперативно отслеживать все её недостатки [7]. При этом отмечается значительное увеличение нагрузки, ложащейся на отдельных работников, что является наиболее значимым недостатком системы [8].

Важность получаемых прокуратурой статистических данных, которые благодаря Государственной автоматизированной правовой статистики поступают в «онлайн» режиме, сложно переоценить. Они дают представление о состоянии законности в реальном времени. Также учеными и практическими работниками отмечается, что реализация задач, стоящих перед вводимой в эксплуатацию системой правовой статистики, позволит в перспективе сделать работу правоохранительных органов более открытой. По мере оптимизации её работы будет, наоборот, способствовать снижению трудозатрат работников для ведения статистического учета [9]. Особенностью статистического учета в органах прокуратуры является то, что он формируется не только по внутренним показателям надзорного ведомства, но и обобщает деятельность поднадзорных ему органов.

Важность статистических учётов вряд ли можно переоценить. Так, Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее — портал) позволяет специалистам-криминологам и ученым осуществлять постоянный мониторинг состояния преступности. Он позволяет оценить законность как по территориальному признаку (по субъектам Российской Федерации), так и по видам общественно-опасных деяний [10], например, экономической преступности, преступности несовершеннолетних и т. д.

Результатом сбора статистических данных о деятельности органов прокуратуры является Доклад о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению Генерального прокурора Российской Федерации (далее — Доклад). Содержание Доклада позволяет Палатам Федерального Собрания Российской Федерации понять, в каком направлении необходимо осуществлять дальнейшее правотворчество.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что ведомственная статистика и официальная статистическая информация имеют важное законодательное и организационное значение для государства и органов прокуратуры. Издаваемое после заслушивания доклада Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации постановление корректирует работу органов прокуратуры. Следовательно, видится возможным выдвинуть предложение и о совершенствовании исследований в теоретической плоскости путем изучения обозначенных документов с использованием статистических данных, что позволит оценить полноту издаваемого постановления с учетом статистической информации.

Литература:

1. Высочайший Манифест от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении Министерств» [Электронный ресурс] // Справочно-правовое обеспечение Гарант [сайт]. URL: https://base.garant.ru/58101807/ (дата обращения: 30.03.2025).
2. Хронология российской статистики [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11725 (дата обращения: 30.03.2025).
3. Федеральный закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6043; 2023. № 10. Ст. 1578.
4. Постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 420 «О Федеральной службе государственной статистики» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 23. Ст. 2710; 2024. № 16. Ст. 2237.
5. Приказ Генеральной прокуратуры России от 16.01.2012 № 8 «Об утверждении Инструкции по ведению ведомственного статистического учета в органах прокуратуры Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/ (дата обращения: 30.03.2025).
6. Приказ Генеральной прокуратуры России от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Законность. 2017. № 12.

7. Инсаров, О. А. Новые шаги в создании и развитии государственной автоматизированной системы правовой статистики / О. А. Инсаров // Прокурор. — 2016. — № 2. — С. 51–54.
8. Вяткин А. А. О методике использования ГАС ПС при проведении прокуратурой субъекта Российской Федерации проверки эффективности ведомственного контроля // Искусство правоведения. The Art of Law. 2022. № 1 (1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodike-ispolzovaniya-gosudarstvennoy-avtomatizirovannoy-sistemy-pravovoy-statistiki-pri-provedenii-prokuraturoy-subekta (дата обращения: 20.03.2025).
9. Дубошеев П. П. Отдельные вопросы введения государственной автоматизированной системы правовой статистики // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-voprosy-vvedeniya-gosudarstvennoy-avtomatizirovannoy-sistemy-pravovoy-statistiki (дата обращения: 23.01.2025).
10. Показатели преступности в России [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [сайт]. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 25.03.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 42 (645) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 28.10.2026. Дата выхода в свет: 04.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.